Д630 Урал
С 13

А. А. Савич.

Очерки истории крестьянских волнен. на Урале в XVIII – XX в.в.

М., 1931.

ДБ
30 Урал.
13

А. А. САВИЧ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ НА УРАЛЕ В XVIII–XX ВВ.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
1931

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

3/IV-35

Колич. предыд. выдач.....

КАТОРЖАН

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

1 9 3 1

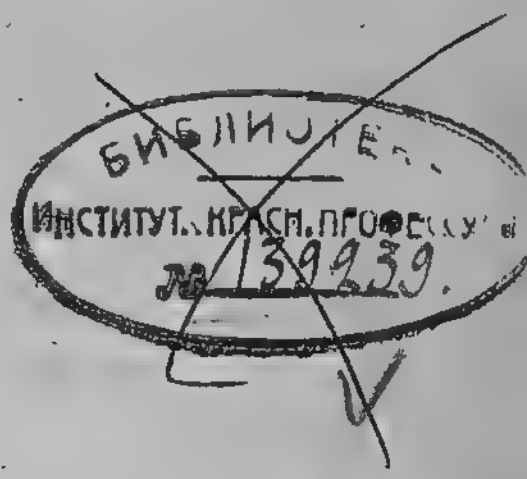
№ 1 (LXVI)

МОСКВА

ДБ
30 Ур.
С 13

Проф. А. А. САВИЧ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ НА УРАЛЕ В XVIII—XX ВВ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

139239 V

Уполномоченный Главлита В—2374 Тираж 5000 экз.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящие очерки являются очередным результатом разысканий автора в Пермском окрархиве. Шесть лет тому назад ему удалось выпустить в свет свои исторические очерки под заглавием «Прошлое Урала» (Пермь 1925 г.). В них намечены основные вехи будущей более детальной работы по интересующим автора вопросам. Это — история русской колонизации Урала и история уральского крестьянства. Соприкосновение с местными архивными фондами позволило автору воспроизвести ряд весьма интересных моментов из прошлого уральского крестьянства, уже окуганных дымкой забвения. Автор глубоко убежден, что современные уральские рабочие и крестьяне, навсегда свергнувшие ярмо капитализма, с благоговением остановятся перед памятью тех героев, которые в тяжелую и мрачную эпоху крепостничества и царского режима восставали против поработителей, отстаивали свои человеческие права, стонали под плетьми и розгами и, звеня цепями, размещались по тюрьмам и острогам. Для истории сохранились имена немногих из этих героев. Река времени все больше и больше смывает прошлые образы. Минувшее, волновавшееся некогда, как море-океан, теперь безмолвно и спокойно. Но историк, производя над прошлым свой научный суд, снова переживает минувшие события.

Желание воскресить прошлое уральских крестьян перед широкими массами трудящихся составляет основную цель автора. Изучение истории крестьянских волнений на Урале имеет большое не только краеведческое значение. В силу условий своего экономического развития Урал является районом исторической смычки пролетариата и крестьянства. Уральские горнозаводские рабочие вербовались из приписных к заводам крестьян. Поэтому история ураль-

ских рабочих и крестьян переплетается. Взаимное классовое воздействие отражается на всем ходе классовой борьбы. Недавнее закрепощение при заводах до той поры юридически свободной крестьянской массы воспитывало в горнозаводском рабочем населении оппозиционное настроение и крепостничеству с самых первых лет фактического существования крепостного права на Урале. Это же более чуткое оппозиционное настроение по отношению к крепостничеству с заводов переносится и в уральскую деревню, отражаясь и на характере крестьянских волнений на Урале. Эти волнения, в сравнении с аналогичными явлениями русского центра, даже в XVIII ст., лучше организованы и более сознательны. С самого начала классовая борьба на Урале ведется не только против крепостничества, но одновременно и против капиталистической эксплоатации уральских горнозаводчиков. Таким образом, со всею яркостью подчеркивается не только родство рабочих и крестьян на Урале, но и родство капитализма и крепостничества.

Ярко можно видеть это и на ходе крестьянской реформы 1861 года на Урале со всеми вытекающими из нее последствиями.

Специфические особенности уральского рабочего и крестьянина отражаются и на революционных событиях 1905—1906 годов, обусловливая как революционный, так и реакционный характер последних. Мелкобуржуазный уклад жизни уральского горнозаводского рабочего содействовал развитию в ряде уральских районов эсеровской пропаганды. Но, с другой стороны, предшествовавшая свыше чем вековая борьба с капиталом дала возможность уральскому горнозаводскому крестьянину раньше, чем где-либо в другом месте, осознать необходимость этой классовой борьбы и в области аграрных отношений. Этим и можно объяснить как тот факт, что среди уральского крестьянства энергично и успешно ведется пропаганда социал-демократических идей, так и то, что уральские социал-демократы решительно развивают свою аграрную программу.

Неоднократно отмечаемая историческая смычка уральского рабочего и крестьянина, имевшая за собой уже значительный опыт, еще раз проявилась уже в наши дни, в борьбе с колчаковскими отрядами. Этому последнему моменту классовой борьбы на Урале автор намерен посвятить специальный очерк.

Фактический материал для настоящих очерков автор

заимствовал из фонда бывшей Пермской ученой архивной комиссии, а также из бывшего архива пермского губернатора. Кроме того, широко использован был архивный материал, хранившийся в теперь уже упраздненном Пермском Истпарте. Как архивной администрации, так и особенно заведывавшей в свое время Пермским Истпартом т. К. Г. Ольховской автор считает приятнейшим долгом засвидетельствовать свою искреннюю благодарность.

Представляя свои «очерки» на суд широкой читательской массы, автор должен заявить, что качественным улучшением они обязаны драгоценнейшим для него указаниям тов. В. Н. Соколова, с исключительною внимательностью отнесшегося к основным положениям, проводимым автором. За такое отношение к этим «очеркам» автор выражает глубокую признательность.

А. Савич.

Пермь,
25 октября 1930 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НА УРАЛЕ В ЭПОХУ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Крестьяне на Урале в XVII в. — Приписка их к горным заводам в XVIII в. — Крестьяне посессионные. — Волнения среди приписных крестьян в средине XVIII в. — Дубинщина.

История уральских крестьян представляет некоторые особенности в сравнении с историей крестьян русского центра, так как своеобразными являлись и условия хозяйственного быта Урала. Даже в то время, когда в центральных русских областях в XVII в. происходило экономическое, а вместе с ним и юридическое закрепощение крестьянской массы, в Прикамье и в Зауралье селились вольные крестьяне, получая для своего обзаведения правительственную «подмогу» и некоторые льготы в отбывании государева тягла. За исключением Строгановских и монастырских вотчин, Урал в XVII веке не знал господ точно так же, как и не имел он рабов. Только некоторым напоминанием о центральной русской барщине была на Урале государева десятинная пашня, выражавшаяся в том, что подать правительству в некоторых местах Урала крестьяне платили не деньгами, а натурой — хлебом. Точнее говоря, за полученные от казны земельные наделы и пропорционально величине их крестьяне обязаны были вырабатывать для казны ежегодно определенное количество ржи и ярового хлеба. Обычно дело обстояло таким образом, что крестьяне должны были запахивать и засевать особую (кроме своей) государеву десятинную пашню [1].

Положение крестьян на Урале существенно изменилось тогда, когда интенсивнее стали эксплоатироваться горные богатства края. Это было уже в XVIII в. Правительство, заинтересованное в развитии горнозаводской промышленности, предоставляло широкий простор личной предпринимательской инициативе, субсидировало строившиеся частные заводы и строило заводы на средства казны, которые вслед

за тем передавались даром или за незначительное вознаграждение разным «сильным» господам и влиятельным «персонам» того времени. Но если и можно было при правительственной поддержке построить завод, если молодой уральской промышленности и обеспечивался рынок сбыта не только у себя дома, но и за границей, то гораздо сложнее обстояло дело со снабжением уральских заводов рабочими руками. Само собой понятно, что о вольнонаемном труде, в условиях той эпохи, говорить не приходилось. Во-первых, потребного для обслуживания многочисленных заводов количества пролетаризированного крестьянства негде было взять. Во-вторых, в условиях тогдашней техники, вольнонаемный рабочий, не связанный с заводовладельцем внеэкономическим принуждением, обходился бы заводу слишком дорого. В-третьих, для завода нужен был не только рабочий-специалист, но и просто работник с лошадью, выполняющий подсобную работу на заводе, в роде рубки дров, возки леса и т. д. Наконец, завод нуждался в топливе, для которого истреблялись в большом количестве леса. Правительство своеобразно разрешило вопрос о рабочей силе и оборудовании уральских заводов. Рядом указов оно приписывало к отдельным заводам целые территории с находившимися на них населенными деревнями и лесными угодьями. Должно сказать, что приписка эта начинается очень рано. Так, например, указом 4 марта 1702 года верхотурские железоделательные заводы на реке Нейве и право на разыскание руды на Тагиле и у Магнитной горы были переданы тулянину Никите Демидову. Одновременно Демидову было отведено значительное пространство земли и угодий. В 1703 г. Демидову для его существующих и проектировавшихся заводов были отданы Аятская и Краснопольские слободы, монастырское село Покровское с деревнями и со всеми крестьянами. Всего в распоряжении Демидова оказалось около 12 деревень. Демидову было поставлено условием возместить казне железом понесенные расходы и поставлять на государство положенное количество железа и воинских снарядов. В 1710 г. Демидов получил разрешение строить заводы в Кунгурском уезде на казенной земле с отводом ему новых земель. Позднее, в 1724 г., Демидову были отданы Алапаевские заводы, с приписью к ним Арамашевской, Мурзинской и Невьянской слобод. Таким образом, в распоряжении Демидова оказалось несколько заводов и значительное количество десятин земли.

Отдавая Демидову заводы, правительство однако не

считало его собственником, а только «содержателем» этих заводов, «владеющим» ими временно, условно, если эти заводы будут содержаться «в добром состоянии». В 1719 г. в так называемой «берг-привилегии» правительство узаконяет, что всякий, независимо от чина и достоинства, может производить розыски руды и обрабатывать ее. При этом было добавлено, что всякий, обнаруживший руду и желающий обрабатывать ее, получает от казны небольшой участок земли (250 кв. саж.). В некоторых случаях размер этого участка можно было увеличить. В 1734 г. данное правительственное распоряжение было расширено в интересах заводовладельцев. Было постановлено, что, если кто пожелает завести железоделательные заводы, то ко всякой доменной печи ему будет дано из государственных крестьян от 100 до 150 дворов, а к каждому молоту до 30 дворов, с обязательством безнедоимочно платить за тех крестьян все подати и выплачивать крестьянам за работу, согласно расценок 13 января 1724 г. В том же 1734 г. было разрешено приписывать государственных крестьян к медеплавильным заводам в количестве 50 дворов или 200 душ мужского пола на каждую тысячу пудов выплавливаемой чистой меди. С 30-х годов XVIII ст. начинается раздача казенных уральских заводов частным лицам. В разные царствования меняются лица при неизменности самой системы. Особенно интенсивно производится эта раздача в 50-е годы. Крупным заводовладельцем становится всесильный вельможа елизаветинского царствования граф П. А. Шувалов. По сенатскому указу 1753 г. он получил для проектируемых железоделательных заводов в Оренбургской губернии 1920 душ государственных крестьян; в 1754 г. к этим заводам было приписано еще 640 душ крестьян. В 1759 г. Шувалову были отданы Гороблагодатские заводы вместе с приписанными к ним крестьянами. В 1763 г. к Гороблагодатским заводам было приписано 25 тыс. душ, из них около 20.738 душ было приписано при Шувалове.

Появляются частные заводовладельцы и в других местах Урала. Например: граф Чернышев получил Юговские заводы, граф Р. И. Воронцов в 1758 г. Исетский завод, М. И. Воронцов—Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский, гр. Ягужинский — Сылвинский и Уткинский, гр. Гурьев — Алапаевский и Синячихинский, Турчанинов — Сысертский, Полевской и Северский. Казенными оставались Екатеринбургский и Каменский заводы. Вообще

в XVIII в. на Урале происходил самый бесцеремонный захват казенных земель и лесов, и не только деревень, но и целых слобод со значительным крестьянским населением. Число приписных крестьян в XVIII в. возрастало по мере развития горной промышленности и усиления господствовавшей в то время системы крепостного права. Иллюстрацией могут служить следующие цифры:

	Приписные к казенным заводам.		Приписн. к частн. заводам
Годы	Душ муж. пола		Душ муж. пола
1719	31.383	(в том числе и к частн. завод.)	
1741—1743	63.054		24.199
1762	99.330		43.187
1781—1783	99.917	к пермским заводам (а ко всем 209.554 д. м. п.)	54.345
1794—1796	241.253	(ко всем казенным горным заводам)	70.965

Естественно возникает вопрос, навсегда ли приписывались к заводу крестьяне, или эта приписка была ограничена каким-либо сроком. Вообще должно сказать, что срок приписки в целом ряде соответствующих указов точно не обозначен. В указе 1760 г., разрешающем приписать к заводам гр. Чернышева населенные деревни, сказано, что «к партикулярным заводам деревни приписываются на время», а не вечно. Впрочем, в некоторых случаях правительство указывало срок приписки. Например, в 1760 г. к заводам Походяшина, Петропавловскому и проектировавшемуся Богословскому было приписано на 10 лет (1760—1770) 4200 душ крестьян Чердынского уезда. Очевидно, срок приписки определялся социальным положением заводовладельца.

Какие работы выполняли на заводах приписные крестьяне? Вот что рассказывали об этом невьянские крестьяне, приписные к Алапаевскому железоделательному заводу, в 1708 г. в Невьянской судной избе, жалуясь на своего хозяина: «угольные дрова рубим и в кучи сваживаем и кладем, и уголь жжем и из куч к домне возим, и руду копаем и жжем, и к домне на завод возим, и всякие деревянные припасы на завод припасаем, из лесу на завод возим... и с заводу на Тагиль и во все Верхотурского уезду слободы подводы гоняем, и с заводу железо и всякие военные припасы

на Чюсовскую реку на пристань возим, и на Чюсовой реке дощаники под то железо и под припасы делаем, и железо к великому государю к Москве на них, дощаниках, проводим без жалованья. А в посылке бывает у нас по 20 человек, наймуючи дорогою ценою. Да мы же работаем на Невьянских железных заводах Акинфея Никитича, угольные дрова рубим с 500 человек по 5 сажен на человека и железо и всякие военные припасы от него, Акинфея, с заводу на Чюсовую реку на пристань возим по вся годы, наймуючи дорогою ценою... И держит он, Акинфей, у себя на заводе, для перевозки и сечки угольных дров недели по 4 и больше; и, принимая к себе от него, Акинфея, всякую бедность, и голод терпим, потому что дровяная сечка бывает у него нам не во-время, зимнею порою по снегу».

Приписные к заводам крестьяне обычно должны были отрабатывать там подати не только за себя, но и за все число ревизских душ (в том числе за беглых и взятых в солдаты) по разверстке на наличных и годных к работе. В 1724 г. правительственным указом 13 января была установлена однообразная плата за труд приписным крестьянам. Она была весьма ничтожною: летом крестьянину с лошадью в день полагалось 10 коп., без лошади 5 коп., зимой с лошадью 6 коп., без лошади 4 коп. Летнее время считалось с 1 апреля по октябрь, зимнее с октября по апрель. В 1737 г. по штатам, составленным Татищевым, на казенных уральских заводах работа в подушный оклад зачитывалась крестьянам по такому расчету. Рубка дров оценивалась 20 коп. с сажени; затем эти дрова складывались для жжения в кучи по 20 сажен, эта работа оценивалась в 1 рубль; за дернение и осыпку 1 рубль, за жжение 60 коп., за разломку 80 коп., всего 3 р. 40—60 коп. с кучи. При возке угля, проезда было назначено в 1 час 3 версты, или, при десятичасовом рабочем дне, 30 верст в день. За возку извести и горного камня полагалось по 1 деньге на версту зимою (при клади 25 пудов); летом по 1 коп. с версты (кладь 20 пудов), весною и осенью в распутицу клади по норме полагалось 15 пудов. Благодаря институту приписки, заводовладельцы имели весьма дешевого рабочего, так как действительная стоимость производимых крестьянами на заводах работ значительно превышала правительственную расценку их. В 1741 г. крестьяне Ильинского острожка, приписного к Быковскому заводу, жаловались, что, нанимая вместо себя на рубку дров других лиц, они к положенным по казенной

таксе 24 коп. за сажень приплачивали своих 26 коп. Такие случаи были далеко не единичными.

Правительство, разрешая приписку к заводам государственных крестьян, никогда не смешивало их с крепостными или вотчинными. На это указывает и одинаковый для приписных и казенных крестьян размер подушной подати (1 р. 20 коп. с души), которую приписные отрабатывали на заводах. Но фактически само правительство давало повод смотреть на приписных, как на подневольных работников, разрешая заводовладельцам привлекать последних к работе сверх нормы подушного оклада. Так, например, еще в 1702 г. относительно невьянских крестьян было сказано, что их можно заставлять работать за особую плату, выдаваемую на руки, и сверх подушного оклада. Несколько позднее указами 29 мая 1724 г. и 8 августа 1740 г. это было еще раз подтверждено. Но мы уже знаем, насколько низка была расценка работы приписных крестьян, посему обязанность крестьян работать сверхурочно нельзя рассматривать иначе, как принудительную и весьма тяжелую повинность. Еще одно обстоятельство несколько сближало приписных крестьян с вотчинными или крепостными. Это — право заводовладельцев наказывать своих приписных. Хотя специального указа по этому поводу мы не знаем, но в действительности заводовладельцы присвоили себе это право.

Когда мы говорим о крестьянах, приписных к уральским горным заводам, то не должно забывать того, что к заводам зачастую приписывались крестьяне весьма отдаленных деревень. Например, к Аннинскому железоделательному заводу были приписаны деревни, находившиеся на расстоянии 500 верст от последнего. Деревни, приписные к Авзяно-Петровскому заводу Евдокима Демидова, расположены были в 400 — 650 верстах от завода. К концу XVIII в., когда центральные уральские деревни были уже расписаны между разными заводами, с расстоянием, видимо, не считались: крестьян Казанской губернии совершенно свободно приписывали к заводам Оренбургской губ. и т. д.

К концу XVIII ст. положение приписных крестьян ухудшилось еще оттого, что подушный оклад с 1 р. 20 коп. был увеличен до 1 р. 70 коп., между тем расценка работ осталась прежняя. Если вообще положение приписных было тяжелым, то особенно это чувствовалось на частных заводах, где больше было места для личного произвола заводовладельца [2].

Кроме приписных, на уральских горных заводах работали еще крестьяне посессионные и вотчинные. Посессионных крестьян обычно смешивают или с приписными, или же с вотчинными. Но это несправедливо. Хотя термин «посессионный» входит в обиход в конце XVIII в., уже при Павле, но предшественники посессионных крестьян существовали гораздо раньше. Наряду с припиской к заводам заводовладельцы получали себе рабочих и другим способом. 18 января 1721 г. был издан указ, по которому не только «шляхетство», но и «купецкие люди» получали право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни, под условием, «дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно... И для того как шляхетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать». Позднее дворянское правительство ограничивало дарованное купечеству право. В 1736 г. купечеству было разрешено к фабрикам и заводам покупать крестьян только без земли и не целыми деревнями. Но в 1752 г. правительство снова вынуждено было уступить дворянству, ограничив покупку людьми купеческого звания к своим заводам крестьян небольшими партиями (12—14 душ), а в 1762 г. 29 марта Петр III вовсе запретил покупку крестьян к заводам как с землей, так и без земли. В 1798 г. Павел вновь разрешил покупать к заводам и фабрикам населенные деревни. Так как, в связи с этим, возникали массовые переселения крестьян, то в 1802 году правительству пришлось ограничить покупку к заводам крестьян лишь близлежащими селами и деревнями. В 1816 году совершенно была запрещена покупка к фабрикам и заводам крестьян как с землею, так и без земли.

Отличие посессионных крестьян от вотчинных явствует само собой. Посессионный — принадлежность завода. Заводовладелец не может перевести его куда-либо, сослать, продать, обменять и т. д. Заводовладелец не имеет права сократить контингент своих посессионных, а равно и увеличить его. В этом отношении посессионный крестьянин не похож на вотчинного. Но зато во всех других случаях сходство между тем и другим будет полное. Посессионное право — некоторого рода компромисс, или уступка дворянского землевладения промышленному капитализму, с интересами которого теперь уже приходилось считаться. Если купец-заводовладелец не имел права лично владеть крестьянами подобно дворянину, то крестьяне были прикреплены

к его заводу, а он был, следовательно, не собственником, а лишь владельцем (посессионером). Конечно, как и следовало ожидать, на практике различие между посессионными и вотчинными крестьянами исчезало, и это обстоятельство иногда бывало причиною крупных недоразумений и столкновений между заводскою администрацией и посессионными крестьянами.

Как велико было количество посессионных крестьян на уральских заводах? По данным второй ревизии (первая половина 1740 года) в Казанской и Сибирской губерниях, между которыми был разделен тогдашний Уральский край, числилось 11.182 души посессионных крестьян, а в 1762 г. (по третьей ревизции) их насчитывалось уже 18.890 душ [8].

Вотчинные крестьяне на Урале существовали в обширных Строгановских вотчинах, а равно и в тех владениях (Всеволожских, Лазаревских, Голицынских и др.), которые образовались путем дробления латифундий бывших «именитых людей». В XVIII в. вотчинные крестьяне проживали на некоторых монастырских землях, напр., в Далматовском монастыре и др.

Новую эпоху в жизни горнозаводского уральского крестьянства начинает 1750 год, когда елизаветинское правительство за незначительную плату целый ряд казенных заводов распродает разным высокопоставленным и титулованным лицам. Вместе с заводами естественно должны были перейти к новым заводовладельцам и крестьяне, приписные к этим заводам. Этот переход, в расцвет крепостничества и при неотчетливости тогдашних юридических понятий, не предвещал чего-либо доброго крестьянам. Среди них создалось весьма тревожное настроение, которое ежеминутно могло разрешиться серьезными волнениями. Действительно, уже в 1754 году вспыхнуло волнение среди приписных к Авзяно-Петровскому заводу Евд. Демидова и Вознесенскому заводу Сиверса. Поводом к волнениям на Авзяно-Петровском заводе послужило то обстоятельство, что правительство приписало к этому заводу несколько селений, расположенных в 600 верстах от завода, на границах позднейших Вятской и Казанской губ. Дальность расстояния и низкая расценка работ создавала весьма тяжелое положение для крестьян приписных деревень. Для подавления волнений понадобилась военная сила. Была произведена жестокая расправа над наиболее видными участниками волнений. В результате 30 человек были отосланы вместе

с семьями на завод, чтобы «быть им тамо вечно... и употреблять их без очереди в самонужные и тягчайшие заводские работы». Это было едва ли легче ссылки на каторжные работы. В 1758 году приписные к Авзяно-Петровскому заводу крестьяне стали снова волноваться. Во избежание осложнений, заводская администрация согласилась из всех приписных к заводу крестьян брать на работу только одну треть (до того времени высылалась на работу половина приписных). В 1760 году Авзяно-Петровские заводы были проданы прежним заводовладельцем (Матвеевым) Евдокиму Демидову. Крестьяне встретили это обстоятельство весьма неблагожелательно. Репутация Демидовых на Уральских заводах внушала им серьезные опасения. Волнение охватило не только приписных крестьян, но и заводских мастеровых. Забастовали молотовые мастера; остановилась работа на якорном производстве, перестали жечь уголь на куренях. Управляющий заводом Кульнеев сообщал по этому поводу, что крестьяне «между собою собираются партиями, днем и по ночам ходят и чинят необыкновенные крики и азарты, что и по заводу для смотрения ходить опасно». Крестьяне, переселенные на завод, а также и приписные, оказавшиеся на заводе в то время, стали разбегаться целыми «партиями». Толпа, более чем в 100 человек, вооруженная луками, стрелами и дубинами, ходила по заводу и прогоняла оттуда тех, кто не хотел уезжать и уходить добровольно. Это волнение не на шутку встревожило правительство, и на этот раз также пришлось прибегнуть к военной силе. 245 крестьянских семей были высланы на завод на жительство, «оставив дома и скот и посеянный хлеб в поле без прибору». Волнение утихло, но не надолго. В 1762 г. оно вспыхнуло вновь. Крестьяне отказались итти на заводскую работу; переселенные на завод крестьяне стали разъезжаться по домам. Администрация растерялась. Теперь уже нельзя было ограничиться военной экзекуцией, и берг-коллегия предписала возможно скорее произвести расследование причин упорно повторяющихся волнений. Не трудно было выяснить, что в основе последних лежало требование «о небытии под заводами государственным крестьянам».

Особенностью волнений на уральских заводах являлось то, что они легко перебрасывались с одного завода на другой. Уральские горнозаводские крестьяне работали не в одиночку, а «партиями». Организовать выступление

таких групп большого труда не составляло. Из Авзяно-Петровских заводов крестьянские волнения перекинулись к соседним крестьянам, приписным к Вознесенскому заводу Сиверса, и на камские заводы Шувалова. Приписные к Вознесенскому заводу ясачные крестьяне 7 сел Казанского уезда в количестве 1.000 душ не стали протестовать, когда их в 1755 г. приписали к заводу. Повидимому, они сразу не сообразили, в чем дело, и на первых порах добросовестно ходили в три смены на заводскую работу (смена работала по полугода). Но истязания и вымогательства со стороны заводской администрации сделали свое дело: в конце 1760 г. крестьяне стали волноваться. В начале 1761 г. волнение охватило уже 4 села; в июне месяце оно было частично и временно подавлено. В следующем году с завода бежало 200 крестьян, вооруженных ножами и копьями *. Поводом к волнениям послужил истолкованный приписными крестьянами в желательном для них смысле указ Петра III от 27 февраля 1762 г., запрещавший покупать к заводам и фабрикам деревни.

Почти одновременно (в 1759 — 1760 гг.) происходили волнения среди крестьян, приписных к Каслинскому и Кыштымскому Демидовским заводам. Селения этих крестьян находились частью близ г. Камышлова (слободы: Юрмыцкая, Куяровская, Уицкая и Чубаровская), частью в районе Шадринска (Масленский острог и Борневская слободы). Общая цифра приписных к этим заводам крестьян равнялась 5.582 душам. Как видно из жалоб этих крестьян, на заводских работах не только происходило «излишнее противу положенных... подушного оклада и оброчного провианта отягощение», но и «самые мучительные ругательства». При всех этих сверх меры («неуравнительных») и тяжелых работах, Демидовские приказчики и нарядчики без всяких причин («незнаемо за что») жестоко истязали крестьян батожьем и кнутом. Подавшим жалобу на эти притеснения заводская администрация приказала навязать на шею колодки и водить по улицам и шалашам, подвергая при этом побоям. Двенадцать человек приписных крестьян были засечены до смерти, а 328 человек подвергнуто жестоким истязаниям. В 1760 г. крестьяне Масленского острога и Борневской слободы отказались ехать на работы на вновь построенный Демидовым Азят-Уфимский завод на том осно-

---

* К шестам были прикреплены ножи и копья.

вании, что они, де, приписаны к Демидову на 3 года и положенный срок уже отработали. В Масленский острог был выслан небольшой военный отряд, который встретил там крестьянскую толпу в 900 человек. Убеждение прапорщика Завьялова оставить «злые и затейные непотребности» не имели действия; безрезультатными оказались и переговоры с крестьянами капитана Метлина. Волнение принимало угрожающий характер. От берг-коллегии последовало распоряжение к Азят-Уфимскому заводу крестьян не посылать, но обязать их работать на Каслинском и Кыштымском заводах. Вместе с этим постановлено было произвести следствие по жалобам крестьян. Считая, что уже это должно удовлетворить крестьян, местная администрация стала требовать, чтобы крестьяне стали на работу. Для вящшей убедительности из Оренбурга был выслан с небольшим отрядом капитан Симонов, но масленские крестьяне не стали его слушать, усмотрев в нем агента Демидова. Не смог заставить их стать на работу и поручик Порецкий. Пришлось правительству изыскивать более решительные меры. В марте 1761 г. сенат издал указ разместить в деревнях масленских и борневских крестьян 500 человек казаков и солдат, пока волнение не будет ликвидировано. Кроме того, из Оренбурга приказано было сюда отправить 200 человек солдат. Только в декабре Масленский острог был взят с применением всех правил крепостной осады. Крестьяне, защищавшиеся до последней возможности, обнаружили удивительную организованность и дисциплину. С побежденными обошлись весьма сурово: 300 человек были отосланы в шадринскую тюрьму, остальные подверглись разного рода взысканиям. Так, например, у них было реквизировано 51.266 пудов сена, не говоря уже о других хозяйственных потерях. Масленские крестьяне вынуждены были стать на работы в Каслинский завод. В марте 1762 г. на работу было отправлено 981 человек, а 1.943 человека «признали себя послушными». В скором времени, та же карательная экспедиция «привела в послушание» и приписных Кыштымского завода.

Одновременно с указанными волнениями и в связи с ними происходили волнения среди крестьян, приписных к заводам Турчанинова. Там также крестьяне отказались итти на заводские работы и прогнали высланные против них военные отряды.

В 1760 г. не пошли на работу приписные к Аннинскому

заводу гр. Чернышева и к Петропавловскому и Туринскому Подходяшинским крестьяне Соликамского и Чердынского уездов.

В 1761 г. вспыхнули волнения на камских Шуваловских заводах: Воткинском и Ижевском. Причиною волнений на Шуваловских заводах было, во-первых, то обстоятельство, что крестьяне к этим заводам, во внимание к высокому положению заводовладельца, были приписаны «неотъемлемо» (по указу 12 февраля 1761 г.); во-вторых, в это время последовала надбавка к подушному окладу в размере 60 коп. Только регулярное войско, под командою полковника Ивашева, усмирило волнения на камских Шуваловских заводах.

В 1762 г. возникло волнение среди крестьян Кунгурского уезда, приписных к заводам М. И. Воронцова, И. Г. Чернышева, А. Демидова и П. и И. Осокиных. В 1762 г. начались волнения среди крестьян Невьянской слободы, приписных к Алапаевскому заводу Гурьева; отголоски этих волнений отозвались на Нижне-Тагильских заводах. Осенью 1762 г. прекратили работу на Ревдинском Демидовском заводе приписные крестьяне Аятской слободы. Начались волнения среди крестьян, приписных к Гороблагодатским заводам, в целом ряде деревень Екатеринбургского, Верхотурского и Туринского ведомств. Вспыхнули волнения и на Верх-Исетских заводах Р. И. Воронцова, где приписные крестьяне (из Екатеринбургского и Камышловского уездов) отказались выполнять заводскую работу.

Как видно из данного перечня районов Урала, охваченных крестьянскими волнениями, последние принимали угрожающие размеры. В своих автобиографических записках под 1762 г. Екатерина II рассказывает, что в этом году «в явном ослушании и открытом бунте» против заводчиков было 49.000 приписных крестьян. Для приписных крестьян, в полном смысле этого слова, указанная цифра представляется несколько преувеличенной. Очевидно, Екатерина имела в виду вместе и посессионных крестьян, которые также волновались в это время. Об этих волнениях скажем несколько ниже.

Одновременно с волнениями на местах в Петербург поступали массовые челобитья от горнозаводских крестьян, направлялись туда крестьянские поверенные с целью непосредственно ознакомить правительство с положением дел на местах. Все это вместе взятое заставило правительство

призадуматься над создавшимся положением вещей. В марте 1762 г. сенат назначил специальную комиссию, под председательством генерал-майора Кокошкина и полковника Данилы Лопатина, которая должна была проверить справедливость поданных жалоб и выяснить положение горнозаводских крестьян на местах. Все это должно было проделать в 2-месячный срок. Временно же, до окончания следствия, запрещалось приписанных к определенным заводам крестьян отписывать к другим заводам, предписывалось воздерживаться от военных репрессий над крестьянами, не посылать крестьян на работы принудительно и, в случае обнаружения каких-либо притеснений приписным крестьянам от заводовладельцев, приказано было немедленно «отписывать» этих «обидимых» крестьян от заводов.

Когда сенатский указ 9 марта 1762 г. стал известен горнозаводским крестьянским массам, среди них оппозиционное отношение к заводовладельцам еще более упрочилось. Крестьяне так были уверены в том, что комиссия вскроет злоупотребления заводской администрации, что не только сами не стали ходить на работу, но и добились освобождения из тюрем попавших туда своих товарищей. Упомянутый сенатский указ мы считаем вынужденным остротой переживаемого момента. Это была некоторая уступка правительства, от которой оно вскоре же и отказалось. Комиссия открыла свои действия 31 мая, но через 2 недели Кокошкин был отозван. Чрез полгода усмирение уральских крестьян было поручено кн. Вяземскому; последнему была подчинена и комиссия. Инструкция Вяземскому гласила, что сначала должно усмирить крестьян, а потом уже заняться исследованием причин происшедших волнений и наказанием виновников. По смыслу инструкции, волнения нельзя было рассматривать под одним углом, а изучать их надлежало по отдельности. Дальность расстояния приписных деревень к заводам естественно служила препятствием к более обстоятельному расследованию дела, и со стороны Вяземского требовалось весьма внимательное отношение к крестьянским жалобам. Но Вяземский применил другой метод борьбы с крестьянами — военную силу. Благодаря его суровым действиям усмирены были крестьяне, приписные к камским заводам, «успокоились» приписные к Вознесенскому заводу Сиверса. Карательный отряд подполковника Попова принудил к повиновению приписных крестьян в Чердынском и Соликамском уездах. Специальный полк солдат

был отправлен «для вразумления» на зауральские горные заводы. Карательные экспедиции Вяземского везде водворили порядок, но в прочности последнего уверенности не могло быть. Стоило только Вяземскому, «усмирившему» Приуралье, переправиться в Зауралье, как тут же, в Чердынском и Соликамском уездах, вновь начались волнения. Неприкосновенными остались те невозможные условия жизни, в которые были поставлены горнозаводские крестьяне. Решительно ничего не сделал для улучшения условий существования приписных крестьян и А. И. Бибиков, сменивший Вяземского в 1764 г.

Сгущенною и напряженною была атмосфера и среди заводских мастеровых. Во время крестьянских волнений мастеровые принимали иногда активное участие в оппозиции заводской администрации, прекращая свою работу. Причина недовольства мастеровых была та же, что и у приписных крестьян: заводовладельцы рассматривали их, как своих крепостных. Наоборот, мастеровые и рабочие домогались, чтобы их сравняли с приписными крестьянами. Внешним образом это должно было бы проявиться в том, что они должны были бы работать только за подушный оклад, за всю же остальную работу сверх оклада им должна была итти плата наравне с вольнонаемными рабочими (следовательно, не по казенной, чрезвычайно низкой расценке). Волнения на Нижне-Тагильских заводах, начавшиеся в 1762 г., происходили именно на этой почве. При всем своем покровительстве заводовладельцам Вяземский, однако, не мог разделять точку зрения администрации Демидовских заводов. Он вполне ясно и отчетливо дал понять последней, что, на основании сенатского указа 1755 г., рабочие, занесенные в эту категорию в бывшую перепись Солнцева (в 1722—1723 г.), должны считаться государственными, приписными, а не крепостными Демидовых, и что «мастера» обязаны отрабатывать только подушный оклад. Такое же разъяснение было дано на Невьянском, Верхне-Тагильском Демидовском, Юговском и Курашинском Осокинских и некоторых других заводах, где мастера жаловались на то, что заводовладельцы смешивают их с крепостными. Только попавшие в переписи 1732 г. и последующих лет рассматривались Вяземским «яко крепостные», хотя и принадлежавшие не Демидовым, а заводам. Таким образом, различие между приписными, посессионными и крепостными-вотчинными крестьянами сохранялось [4].

Волнения горнозаводских крестьян всех категорий, охватившие Уральский край почти целиком, однако, не сопровождались реальными положительными результатами для порабощенных народных масс. О тяжелом положении приписных крестьян в годы, следовавшие непосредственно за описанными выше событиями, весьма обстоятельно трактует наказ государственных черносотных крестьян Кунгурского уезда, приписных к частным («партикулярным») заводам Ягошихинскому, Мотовилихинскому, двум Юговским (медеплавильным), Сылвинскому (железоделательному), Суксунскому, Бымовскому и Сергинскому. Раньше подушный оклад с приписных к этим заводам крестьян взимался в сумме 1 р. 12¼ коп. с души, и этот оклад они должны были отработать «всякими заводскими работами по нарядам». С 1761 г. подушный оклад стал равняться 1 р. 73½ коп. Отрабатывать этот оклад приходилось крестьянам «с великим отягощением и разорением». Почему происходило это последнее, наказ иллюстрирует достаточно подробно. Работа приписных на заводах расценивалась весьма низко: за рубку куренных дров по 25 коп. за сажень; сажень дров составляла 14 аршин в длину и 7 аршин в высоту, полено должно было быть 7 четвертей. За укладку дров в кучи, дернение, осыпку, жжение и разлом 20-саженной кучи полагалось 3 р. 40 коп. За возку угля со свалкой и нагребкой и поденные с версты не полагалось. За поставку смолы по 3¾ коп., за 1 ведро дегтю 3½ коп. За работу в зимние месяцы ежедневно пешему полагалось 4 коп., конному 6 коп., за летние месяцы пешему 5 коп., конному 10 копеек. Выполнять самостоятельно положенную заводскую работу приписные не всегда могли. Иногда «за изнеможением», т. е. за неимением у некоторых из них лошадей, по болезни, одиночеству и т. д., приписным крестьянам приходилось нанимать вместо себя других, «вольных» лиц. Но в этих случаях к казенной («плакатной») цене им приходилось доплачивать своими деньгами за рубку дров по 25 — 35 коп. за сажень. За укладку, осыпку, жжение и раздомку 20-саженной кучи по 9 руб., за доставку угля на каждую версту по 1½ коп. с короба, за работу в зимний день пешему работнику по 5 коп., а конному по 9 коп., в летний день пешему по 7 коп., а конному по 10 коп. Смолу и деготь для поставки на завод крестьяне покупали по 20 коп. за ведро. При этом за доставку этой смолы к заводам они не получали никакой платы. За доставку к заводам разных лесных припасов и руды казен-

ная цена была весьма незначительной. Нанимая вместо себя «вольных» людей, крестьяне платили им втрое дороже, чем это стоило по «плакатной» цене. Приписные к Ягошихинскому и Мотовилихинскому заводам гр. Р. И. Воронцова должны были поставлять медную руду с Ягошихинского на Висимский завод по р. Каме, водою. Так как заводосодержатели судов для этой переправки не давали, то крестьянам приходилось нанимать эти суда и снасти за свой счет. За доставку этой руды по казенной расценке полагалось с тысячи пудов по 5 р. 73¼ коп., но крестьянам приходилось добавлять от себя к этой сумме по 5 р. 37 коп. на каждую тысячу пудов. Заводовладение не выдавало приписным крестьянам никаких инструментов, как-то: топоров, саней, лопаток, железных ведер, ушатов и ящиков. Не зачитывался в подушный оклад и не оплачивался проход крестьян к заводам, несмотря на дальность расстояния этих заводов от приписных деревень (Мотовилихинский и Ягошихинский от ближайших приписных деревень находились на расстоянии 100 верст, а от дальних 140 верст; Юговские от ближайших 40 верст, от дальних 110 верст; Сылвинские в 70 в.; Демидовские Сергинские в 170—220 верстах). Работа на заводах производилась в разгар земледельческих работ (в апреле, июне и сентябре), вследствие чего происходит постоянный недосев яровых хлебов, несвоевременная распашка озимого поля и неаккуратная уборка хлеба с полей. Результатом этого явился постоянный недостаток и разорение приписных крестьян. Крестьяне должны были закладывать свое имущество, продавать скот, запускать свою пашню, отставать от земледелия и скитаться по миру в поисках пропитания. В заключение составители наказа «всенижайше» просят избавить их от перечисленных «несносных» тягостей и не допустить их «до последнего конца к совершенному разорению и недостаточеству». При этом они указывают, что при сохранении существующего положения вещей разорение примет такие формы, что и податей они не в состоянии будут платить. В качестве реальной меры к поддержанию платежеспособности приписных крестьян и к сохранению их хозяйства, просители указывают на отписку их от заводов или же, в крайнем случае, оплаты их труда по действительной ее стоимости, а не по устаревшему положению. Тяжесть положения приписных крестьян усугублялась еще тем, что отрабатывать подушный оклад они должны были не только за действительных работников, но и за престарелых, увечных,

малолетних и беглых. Указывая на это, как на «великое изнеможение и отягощение», крестьяне просят на будущее время разрешить им отрабатывать подать «только одним годным работникам за свои настоящие души».

Может быть, приведенные в наказе кунгурских крестьян случаи были исключительным явлением в жизни приписных крестьян? Отнюдь нет. Для иллюстрации способов эксплоатации можно привести аналогичный же памятник. Это — наказ бывших ясачных людей Арской и Зюрейерской дорог, ставших в 1754 г. приписными к Авзяно-Петровскому заводу, принадлежавшему раньше гр. П. И. Шувалову, а к 1767 г. оказавшемуся во владении Евфима Никитича Демидова. После обследования завода в 1763 г. 6 ноября кн. А. А. Вяземским повинности приписных крестьян на этом заводе состояли в следующем. Они должны были: 1) вырубить для заготовки углей 8.800 сажен дров; 2) сложить, одернить, выжечь и выломать уголь 602 двадцатисаженных кучи; 3) добыть и доставить к заводу на своих лошадях железной руды 3.330 ящиков, весом в каждом ящике по 120 пудов. Наказ вскрывает любопытные подробности организации самой работы приписных крестьян. Работали они партиями по 500 человек.

Первая партия высылалась на завод 1 марта на рубку дров. Так как должно было работать за всех числившихся в обществе по ревизии, то на долю каждого наличного работника приходилось вырабатывать подушного оклада на 2½ души и больше. На работу высылались даже 15-летние, еще не способные к тяжелому физическому труду. На долю каждого, находящегося «в совершенном возрасте», вследствие этого приходилось заготовить по 17 — 18½ саженей дров. По казенной расценке за сажень полагалось 25 коп. да 10 коп. прибавки. Но это все же была ничтожная цена, так как зачастую крестьянам приходилось на рубку дров нанимать за себя (завод от приписных деревень находился на расстоянии 500 верст и более) башкир и платить им по 70 — 80 коп. с сажени.

Вторая партия отправлялась на работу в августе и должна была жечь и ломать уголь. На каждую годную и негодную к труду крестьянскую душу приходилось по 10 саженей дров. Такую сложную работу трудно было проделать до наступления зимы, посему в мае приходилось отправляться для нее вторично. Воду для заливания угля крестьянам нужно было возить на своих лошадях, а если таковых у них

не оказывалось, то носить на себе. Находясь на заводской работе «безотлучно», многие крестьяне «совсем хлебопашества лишились». Даже засеянные поля оставались «без всякого снятия».

Третья партия в том же количестве (500 человек) отправлялась на работу в сентябре. Она должна была добывать руду и вывозить на завод на собственных лошадях. Это была очень трудная работа, особенно тогда, когда приходилось делать подкоп и в продолжение недели и более носить землю. Плата за проделанную работу была весьма ничтожною: за «кучковую» работу (кладка дров в 20-саженную кучу, одернение, жжение угля и разломка его) полагалось 6 р., между тем как сами крестьяне, по болезни или «не хотя отстать от посева хлеба и быть с голодом», нанимали за себя на эту работу за 15 и 18 рублей с кучи. За добычу руды крестьяне получали с ящика по 35 коп., а сами платили по 60 — 70 коп. С каждой души требовалось доставить к заводу по 300 пудов руды. Такое количество можно было вывезти только на лошадях. Между тем, при скудности оплаты труда и при дальности расстояния, крестьяне не могли на получаемую плату купить себе и хлеба. Корм для лошадей могли покупать только состоятельные, а у бедных из-за отсутствия корма лошади погибали. «Всеконечное разорение и нищета» — вот конечный результат от всех перечисленных выше «отягощенных» работ. Если, пишут крестьяне в своем наказе, «оных работ будет с нас не сбавлено, то мы и наипаче можем притти совсем в несостояние к платежу государственных податей, и можем последних своих домов лишиться» [5].

В тяжелом положении оказывались на Урале и крестьяне разных вотчинников. Система крепостничества ощущалась здесь так же болезненно, как и в русском центре. Волнения горнозаводских крестьян послужили увлекающим примером и для вотчинных крестьян на Урале. В 1762 г. вспыхнуло восстание крестьян в вотчинах Далматовского монастыря. Оно продолжалось более 2 лет и охватило значительную территорию среднего Урала. Это восстание известно в истории под именем «дубинщины». Если о связи между волнениями приписных крестьян и «дубинщиной» мы только предполагаем, то преемственность от последней к пугачевщине не подлежит сомнению. По крайней мере, главный вдохновитель «дубинщины» Денис Жернаков принимал большое участие в пугачевском движении на Урале [6].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Положение горнозаводских крестьян в 60—70 годы XVIII ст.— Инородцы.— Разные социальные группы, содействовавшие успеху пугачевщины на Урале.—Слабость администрации.—Развитие и судьба пугачевского движения на Урале.

Мы перечислили наиболее яркие случаи народных волнений на Урале в 50 — 60-ые годы XVIII в. Огонек волнений, почти не угасая, пробегал по отдельным заводским районам и в начале 70-х годов вспыхнул сильным пламенем пугачевского движения. Революционного материала для пугачевщины на Урале было вполне достаточно. Не трудно было заметить, что уроки крестьянских восстаний 50-х и 60-х годов были плохо усвоены заводской администрацией. Центральное правительство также перестало интересоваться положением дел на Урале в ложной уверенности, что там все обстоит благополучно. После карательной экспедиции Вяземского, уральские заводовладельцы продолжали прежнюю эксплоатацию приписных крестьян. В тяжелом положении находились и уральские инородцы: башкиры, татары и др. Согнанные со своих насиженных мест русскою колонизационною волною, они с неудовольствием смотрели на новых поселенцев края. Скрепя сердце и затаив злобу, они только до поры до времени мирились с создавшимся положением вещей. Были и другие благоприятные условия для развития пугачевщины на Урале. Среди сторонников Пугачева здесь можно было усмотреть и неудачника дворянина, надеявшегося найти у нового правительства то, чего он лишился в прошлом. Среди «разглашателей» вредных вестей фигурирует и монах Верхотурского монастыря, видимо, оказавшийся в Верхотурье не по своей доброй воле и всеми фибрами души ненавидевший тот строй, по отношению к которому он являлся изгоем. Пугачевщина обнаружила и все несовершенства административного аппарата. Во всей непри-

глядной действительности проходит перед нами местная уральская администрация как губернская, так и заводская, потонувшая в море бумаг канцелярского делопроизводства, но без всякого авторитета среди населения, беспомощная и трусливая, глубокою ночью тайком оставляющая на произвол судьбы город, который не сегодня-завтра должен быть обложен осадою.

Пугачевское движение на Урале начинается осенью 1773 г., когда Пугачев осадил Оренбург. Первое тревожное известие в пермских правительственных учреждениях (пермской провинциальной канцелярии) было получено в самом начале октября из уфимской провинциальной канцелярии, в свою очередь уведомленной о грозящей опасности оренбургским губернатором Иваном Андреевичем Рейнсдорпом. Но пермские гражданские власти, видимо, не особенно верили в успех Пугачева и на этот раз ограничились обычною канцелярскою перепискою между провинциальной канцелярией, пермским горным начальством и подведомственными последнему учреждениями. Даже в центре, несмотря на то, что Рейнсдорп уже два месяца отсиживался в Оренбурге, надеялись на скорую ликвидацию пугачевщины, потому что движение это не имело на своей стороне «ни порядка, ни искусства». По словам самой Екатерины, пугачевцы представляют собой «сброд негодяеев, имеющих во главе обманщика, столь же наглого, сколь невежественного». Так же поверхностно смотрели на пугачевское движение и многие помещики центральных областей, уверенные, что отправленные для усмирения его команды в скором времени «все сие уничтожат и злодейства его конец сделают».

Но события развивались в противоположную сторону и оптимизм екатерининского правительства оказался беспочвенным. Через 10 дней после получения первых вестей о продвижении пугачевских отрядов, в пермской провинциальной канцелярии от казанского губернатора (Фон-Брандта) узнали, что Пугачев уже успел захватить несколько крепостей возле Оренбурга и взял значительную артиллерию. К этому времени достаточно выявилась и социальная сторона пугачевщины. Казанский губернатор не без тревоги сообщал, что, по слухам, «намерение его (Пугачева) есть итти на Казанскую губернию помещичьими жительствами и крестьян преклонять на свою сторону обольщением дачею им воли».

И на этот раз пермская администрация считает возможным пресечь опасность волнений силою своего авторитета. Пермское горное начальство избирает из унтер-офицеров надежных людей и, снабдив их соответствующими инструкциями, рассылает по острожкам, селам и деревням с целью информировать о происходящем население и удерживать его от присоединения к пугачевским отрядам. Сельские старосты или сотники немедленно должны были собирать сход и брать от населения подписку о верности правительству. Можно утверждать, что эти обязательства не имели ровно никакого значения. Вслед за правительственными агентами рассеялись по разным заводским районам пугачевские агитаторы с «объявительными от изменнической толпы письмами». Последние имели большой успех.

В первую очередь на сторону Пугачева стали уральские башкиры. «Явная преклонность» их к Пугачеву выразилась в том, что они во многих местах выжгли заводы, истребили в них русское население и делали набеги на правительственные отряды, оперировавшие против пугачевцев. На сторону Пугачева перешла и башкирская знать, которую вытеснили с насиженных земельных участков русские колонисты. Принимая башкирских старшин в Магнитной крепости, Пугачев предоставил башкирскому населению полную свободу разорять до основания русские крепости и обещал в будущем вывести из Башкирии все русское население. Башкирская беднота, экономически подавленная и бесправная, была сильно озлоблена против русской административной системы и готова была выместить вековую обиду. Из Уфы в красноуфимскую воеводскую канцелярию дали знать о том, что по Ногайской дороге разъезжают посланные от «злодейской» толпы старшины: сын кинзы Арославова, сын сотника Юлай и некоторые другие лица, «согласники изменнической партии», которые «приводили в согласие с пугачевцами башкирский народ». Уфимская администрация организовала было розыски этих пугачевских агентов по трем дорогам: Осинской, Ногайской и Сибирской, но успеха не имела. Одновременно местная администрация должна была внимательно следить за крестьянами. Оснований для волнений у крестьян всех разрядов, как мы уже видели, было вполне достаточно. Лозунг «свобода от великих работ и податей», брошенный пугачевским манифестом в массы горнозаводского крестьянства, успел уже в декабре 1773 г. ознаменоваться рядом восстаний.

Обстоятельства осложнялись еще тем, что, по полученным сведениям, Пугачев не намерен был продвигаться далее, в Казанскую губернию, не обеспечив себе тыл взятием Оренбурга. Само собой понятно, что горнозаводский, революционно настроенный Урал, мог бы наилучшим образом обеспечить этот тыл. Горнозаводские и военные власти, очевидно, понимали этот план Пугачева, и, чтобы преградить продвижение пугачевским отрядам на Урал, решено было укрепить линию, проходившую через заводы Бисертский, Суксунский и Юговской. В целях непосредственного наблюдения за спокойствием на этих заводах, «до окончания опасности» сюда был назначен Башмаков, которому было поручено для защиты названных заводов составить отряд в 150 человек, снабженный лошадьми, оружием и провиантом на 2 месяца. Очевидно, правительственные агенты не рассчитывали на затяжный характер пугачевского движения. «Для отобрания весьма нужных вестей» пермское горное начальство должно было выслать в Екатеринбург из приписной к Юговскому заводу деревни Каяновой троих человек из «лучших и пожилых рудопромышленников», официально — «для рассуждения о горном деле».

Но организовать защиту Юговского завода (как и других) силами местных крестьян было делом чрезвычайно трудным. Укажем хотя бы на такой пример. Шермяитской заводской конторе было предписано выслать со 166 душ заводских крестьян на 2 месяца троих вооруженных и снабженных провиантом пеших человек. Были избраны трое «добрых, здоровых и неподозрительных людей». Однако, отправить их по назначению не удалось, так как в то время на Шермяитский завод приехал с Тулвы из башкирской деревни Барды какой-то башкирец, который стал звать заводское население в Барду слушать присланный от нового государя указ. В Барду в это время прибыл пугачевский бригадир с отрядом из вотяков и калмыков, чтобы приготовить помещение и фураж для направляющегося в г. Осу пугачевского отряда в количестве 600 человек. Снаряженные ратники при таких условиях (пугачевские отряды находились в 17 верстах), как и следовало ожидать, высланы не были. Волнения стали уже охватывать заводское население. Подняли восстание инородцы: вотяки, башкиры и черемисы. Отдельные инородческие отряды разъезжали по окрайным уездам, жгли административные учреждения, избивали заподозриваемых в шпионаже лиц. Тщетно местная

администрация пыталась использовать чинимые пугачевскими отрядами грабежи в целях агитации против самого движения. Пугачевские отряды с каждым днем приближались к горнозаводскому центру, «объявительные письма» и «листы» от имени Пугачева и его сподвижников совершенно парализовали воззвания и увещания правительства, заводские караулы бежали с женами и детьми. Среди крестьянского и заводского населения стал проясняться и классовый характер пугачевского движения: «не нас будут истреблять, а командиров», говорили крестьяне.

Башмакову не удалось выполнить возложенное на него поручение. Пугачевская агитация охватила Суксунский завод; видимо, не все было благополучно и на Юговском (Осокинском) заводе. 26 декабря 1773 г. там был избит и ограблен прибывший из Бымовской заводской конторы (с целью разведки) служитель Корнила Кузнецов. К концу декабря были заняты пугачевцами Шермяитский, Аннинский, Юго-Камский, Юговской (Осокинский) заводы и г. Оса. После взятия Осы, под ударом находился Очерский завод. Стали распространяться прокламации в Кунгурском уезде, направленные к крестьянам и обещающие им свободу: «Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божеском и написано, чтобы они крестьян содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами... Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылках того никогда не бывало, да и нет»... Неудивительно после этого, что крестьянство Кунгурского уезда «стало бога славить, что красное солнце, давно скрывшееся под землею, опять восходит на всю вселенную и сможет обогреть их... Они надеются,—говорит современный источник, — что восставшие избавят их от лютых зверей и переломят острые когти злодеям боярам, офицерам и заводчикам». Когда Пугачев в конце декабря 1773 г. и начале января 1774 г. собирался из Осы итти к Юговскому заводу, его отряды состояли не только из кунгурских татар, но и в значительной степени из русских крестьян.

В конце декабря пугачевские отряды устремились на Кунгур. Опасность городу была серьезная. В уезде бродили отряды татар и башкирцев, подходили к пригородным деревням, грабили в питейных домах казну, громили обывательские жилища, разбивали находившиеся в уезде заводы,

расхищали заводские деньги, медь и другие припасы... В довершение всего, 27 декабря ночью «тайно выехал» или, проще выражаясь, бежал из города местный воевода Миллер и правитель дел капитан Буткевич. Управление городом и защиту его от «башкирских, татарских и преклонившихся к ним русских крестьян» взял на себя местный городской магистрат и повел дело не без успеха. С 4 по 15 января Кунгур выдерживал жестокую осаду. Неудачным для пугачевцев оказался приступ их к городу 23 января. Кунгур задержал продвижение пугачевских отрядов к северу.

Одновременно с нажимом на Кунгур пугачевские отряды продвигались и в другом направлении: Челябинск, Шадринск, Далматов и Екатеринбург. В Кундравинской слободе 3 января 1774 г., а в Чебаркуле 5 января пугачевцы были встречены торжественно. Один переход оставался до Челябинска. Восстание в Челябинске, по рассказам очевидца, челябинского посадского человека Прокофия Чебыкина, произошло таким образом. 5 января, в воскресенье, утром казаки во главе с хорунжим Наумом Невзоровым, собравшись большою толпой, среди которой оказались пугачевцы, захватили артиллерию и хотели было стрелять по городу. Канонеры отбили пушки. На шум из церкви вышел воевода Веревкин, который тотчас же был связан и доставлен на воеводский двор. Город оказался в руках пугачевцев. К вечеру того же дня правительственные войска подавили восстание, но попытки пугачевцев занять город продолжались и позднее. Исетский край почти целиком был охвачен восстанием. В феврале 1774 г. был осажден Далматовский монастырь. Отдельные пугачевские отряды продвигались к северу, «прельщая крестьян и приводя себе в послушание». В конце января или начале февраля был разорен Каменский завод; был обойден Екатеринбург; пугачевцы приближались к Шогринской слободе и с. Покровскому. Создавалась непосредственная угроза заводам Алапаевскому и некоторым другим. Открывалась дорога на Верхотурье. 13 февраля 1774 г. верхотурская ратуша предпринимает некоторые меры обороны на случай появления пугачевцев у города. Решено было: 1) собрать тысячу казаков, вооруженных и снабженных на месяц продовольствием; 2) самый город обнести рогатками и снежным валом, везде поставить «бекеты»; 3) защитить рогатками Екатеринбургскую дорогу, откуда прежде всего приходилось ожидать опасности; 4) небольшие дороги, все переулки в городе завалить лесом, чтобы

не было ни въезда, ни выезда, кроме большой проезжей улицы.

Против пугачевских отрядов, оперировавших в Зауралье, действовала армия генерала Деколонга, главная квартира которой находилась в Челябинске. 8 февраля пугачевский атаман Грязнов занял Челябинск, и правительственная армия начала отход к Екатеринбургу. Деколонгу приходилось отступать среди враждебно настроенного населения. «Многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне, без всякого на то от злодея понуждения, не только к стопам его преклоняются, но и, рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают их в свои жительства», писал в Омск Деколонг по поводу своего отхода к Екатеринбургу.

Менее удачными были военные операции пугачевцев в районе Сылвы, Уфы и Тулвы. Освободив от осады Кунгур, майор Попов с пришедшим к нему на подкрепление из Казани майором Гагриным разбили при с. Ордынском (28 в. к югу от Кунгура) значительные башкирские и казачьи отряды; несколько позднее Гагрин занял Красноуфимск. Дальнейшие действия Гагрина сводились к тому, чтобы облегчить положение сибирской армии Деколонга, отрезанной от центра. Между Чусовой и Сылвой, в районе Уткинского и Сергинского, Нязе-Петровского, Каслинского и Кыштымского заводов военные операции пугачевцев под командою полковника Белобородова развивались довольно успешно. На этот фронт и бросил свои силы Гагрин. Результаты получились удачные для правительственного войска: под Уткинским заводом Белобородов был разбит, было подавлено движение в Каслинском и Кыштымском заводе. Армия Деколонга получила значительное подкрепление; силы пугачевцев были отвлечены от Екатеринбурга. Мало того: правительственным войскам удалось одержать ряд частичных успехов; особенно важное значение имела битва в 3 верстах от села Уксянского (9 марта). Более 800 человек из пугачевских отрядов было убито, много взято в плен. К Деколонгу попало 25 разнокалиберных пушек, одна мортира, большое количество снарядов. Силы пугачевцев в приисетском районе были значительно надломлены.

Большое значение в истории пугачевщины на Урале имело поражение самого Пугачева (24 марта) под Оренбургом войсками кн. Голицына. Пугачев успел бежать на Яик, но его сподвижник Чика (иначе—граф Чернышев) был

захвачен в Уфе со всем своим штабом. Любопытным представляется поведение правительственных агентов после этого поражения Пугачева. Сообщая о победе Голицына под Оренбургом, сибирский губернатор специальным циркуляром предписывал подведомственным ему лицам и учреждениям соблюдать большую осторожность. Считая уездных крестьян распропагандированными пугачевскою агитацией, губернатор не находил возможным собирать новые военные наборы. Особенное внимание рекомендовалось устремлять на те районы, где раньше было тревожно. Предписывалось время от времени посылать туда разъезды «для примечания в народе тишины или противных тому слухов» и давать отчет о положении дел губернатору. Особенное внимание решено было обратить на Алапаевский, Невьянский, Пышминский и Кунарский заводы, как подозрительные. Приняты были некоторые меры для воружения купцов, ямщиков и благонадежных крестьян. В видах воздействия на население распространялось синодальное послание к духовенству и мирянам, с убеждением не склоняться на сторону Пугачева. Подозрительные лица брались на учет, подвергались допросу и должны были присягать на верность Екатерине. Меняется политика по отношению к инородцам. На запрос верхотурского комиссара, как быть с татарами и черемисами, неплательщиками налогов, и можно ли применять по отношению к ним какие-либо карательные меры за недавний их бунт и возмущение, губернатор ответил, что следует через сборщиков «принудить» злостных неплательщиков выполнить свои повинности; что касается до наказаний бунтовщиков, то пока что от них следует воздержаться во избежание возможных «огорчений и ослушаний». Специальным «предложением» верхотурскому комиссару от 3 июня 1774 г. предписывалось «не тревожить» крестьян в сборе подушных денег и приостановить даже самый сбор.

Как бы то ни было, но екатерининскому правительству рано было еще торжествовать победу. Неудачи Пугачева под Оренбургом не были окончательным его поражением. В июне Пугачев снова объявился на Урале. 17 июня пермская провинциальная канцелярия сообщала гороблагодатскому горному начальству, что Пугачев со значительными отрядами приближается к городу Кунгуру и уже отстоит от него в 40 верстах. При этом сообщалось, что пугачевские отряды проявляют необычайную жестокость, разоряя селения и заводы. Для пополнения своей армии Пугачев мобили-

зует все население мужского пола, даже стариков, могущих сидеть на лошади и пользоваться оружием.

Трудно было определить, куда станут продвигаться пугачевские отряды дальше от Кунгура; снова пришлось думать об укреплении и Верхотурья. 21 июня без боя сдалась пугачевцам Оса, сильно пострадавшая от огня. Командный состав гарнизона был перевешан. Урал снова оказался под угрозой волнений. Сибирский губернатор вновь «предлагал» (5 июля) верхотурскому комиссарству «не тревожить» крестьян сбором питейных денег, а также подушной подати «в рассуждении нынешних опасных обстоятельств». Отправленный из Тобольска в Петербург с серебром шихтмейстер Бибиков должен был задержаться в Верхотурье «по сомнительным обстоятельствам» (официально он вез камчатскую соль). Тракт Верхотурье—Соликамск был небезопасным для проезда и содержался под охраной специальной разведки.

Но Пугачев от Осы повернул на запад; взял Воткинский и Ижевский заводы, а оттуда повернул на Казань. В июле уже развертывались военные действия Пугачева под Казанью. Взятие Казани открывало дорогу Пугачеву в центр помещичьей России; «глупость и безрассудство подлого народа» стали угрожать и Москве. Екатерининскому правительству в целях самозащиты пришлось наспех заключить мир с Турцией и бросить всю армию против внутреннего врага. 15 июля Пугачев был разбит под Казанью Михельсоном, а 17 июля переправился на правый берег Волги. К Москве Пугачев не пошел, а направился вниз по Волге правым берегом реки. Это было уже скорее отступлением, порою переходившим в бегство. Сдача Пугачеву таких городов, как Пенза, Петровск, Саратов (6 авг.) и Царицын, показывает, насколько сильно было недовольство порабощенных классов существующим строем. 26 августа Пугачев был наголову разбит у Сальникова завода Михельсоном. Снова переправившись на луговой берег Волги у Узени, он был лишен свободы своими же сторонниками, в ночь с 14 на 15 сентября привезен в Яицкий городок и выдан екатерининским властям. Отступление Пугачева от Казани некоторое время вселяло страх уральской администрации. Опасались, как бы снова Пугачев не оказался в башкирских уездах. 5 августа 1774 г. сибирский губернатор Чичерин, объявляя населению о том, что Пугачев «с ево немалою из разной сволочи мошенников толпою» разбит и бежит с небольшим числом (62 человека) уцелевших сообщников, предупреждает население, чтобы ни-

кто не смел его укрывать. Принимались меры к приведению в боевую готовность крепостей и острожков, читались, хотя и с большим запозданием (Пугачев в это время был уже пойман), синодальные воззвания к духовенству и мирянам о верности Екатерине и т. д.

Дорого расплатились пугачевцы за те тревоги, которые они доставили дворянству. Еще в низовьях Волги действовали отряды Пугачева, пылали помещичьи усадьбы, а из Москвы к месту волнений ехал гр. Панин с подробной инструкцией усмирения восстаний. Первый параграф этой инструкции грозит четвертованием и колесованием всем тем, кто поднимал руку или способствовал предательству в руки изменников на убийство воевод, начальников, помещиков, священников и других лиц, верных правительству. Всех активных «последователей» за бунтовщиками предписывалось нещадно сечь плетьми при виселице. В селениях, которые «проявили участие» в бунтах и ослушании властям, предписано было поставить по виселице, колесу и «глаголю» для вешания за ребро. В тех селениях, где крестьяне не выдавали инициаторов восстания, рекомендовалось путем жеребьевки вешать третьего. Если и это не оказало бы действия, то нужно было повесить сотого, а остальных пересечь плетьми. Повторный бунт влек за собой смертную казнь всего взрослого мужского населения, рабство их жен и детей и раздачу их земель и имущества оставшимся верными правительству крестьянам. Эта инструкция в некоторых своих частях была выполнена. 18 ноября 1774 г. сибирский губернатор Чичерин писал верхотурскому комиссару Борзову, чтобы тот распорядился в некоторых селах поставить «ради кар преступников» по одной виселице, по одному колесу для колесования и по глаголю для вешанья за ребро. Только в июне 1775 года, по новому распоряжению того же губернатора верхотурскому комиссару Норману, поставленные для казни и назидания населения «лобные места» были уничтожены.

В ноябре из канцелярии губернатора в подведомственные учреждения были разосланы две анкеты. В одной из них требовалось указать, сколько подушных и других казенных денег было разграблено по погостам и слободам входившими туда пугачевскими отрядами и самими бунтовавшими крестьянами. Вторая анкета требовала представить сведения о том, сколько во время недавних событий убыло крестьян, сколько человек находится в бегах и т. д. Дополнительно к означенным двум была разослана и третья анке-

та, где требовалось поименно и посословно указать пострадавших во время недавних волнений, назвать случаи разгрома церквей, перечислить разрушенные помещичьи усадьбы и деревни, привести реестр расхищенного имущества. Ответы на предложенные вопросы вскрывают сущность недавнего движения. Напр., в Пышминской вотчине возмутившиеся крестьяне стреляли из ружей в комиссаровском доме, а в людской избе сожгли все канцелярское делопроизводство. В Кунарской экономической вотчине пугачевские отряды никому из жителей не чинили обид и грабежа, только в людской избе сожгли архив («письменные дела»). Хотя официальная пугачевщина на Урале была ликвидирована летом 1774 г., но до полного «успокоения» было еще далеко. Это отлично сознавало и торжествовавшее победу дворянское правительство. «Не Пугачев важен, а важно вообще негодование»,—писал 29 января 1774 г. из Казани Фон-Визину генерал Бибиков. Вот почему сибирский губернатор в письмах верхотурскому комиссару выражает уверенность, что «та язва (т.-е. народные волнения) вкоренилась в простой и подлый народ, и, следственно, сколько от неразумия своего они смело всему тогда верили и непременным в повиновении такому злодею быть обязывались, столько же, напротив, маломысленны и нерассудительны остались от тех своих злых предприятий; хотя оно и совсем уже истреблено, но нельзя уверитца, чтоб еще в подлых сердцах та язва не скрывалась»... 10/21 января 1775 г. Пугачев был казнен в Москве, на Болоте, но тревога дворянского правительства не улеглась. Два месяца спустя после этой казни сибирский губернатор рекомендовал подведомственным учреждениям рассылать тайных агентов с целью проведать, все ли обстоит благополучно на местах. В Верхотурье такое секретное предписание было получено 27 марта, и на следующий же день приступили к выполнению его. 17 апреля был отправлен из Верхотурья служилый человек Глазунов сначала в Ирбитскую слободу, а оттуда в Пышминскую и Кунарскую экономические вотчины и вообще в другие разные районы верхотурского ведомства. Официально он странствовал якобы «для собственной надобности», но будучи в том или другом районе, он тайно и незаметным образом должен был «разведывать все между подлым народом».

13 мая Глазунов уже имел возможность донести начальству о результатах своей конфиденциальной командировки. Он проехал по всему верхотурскому ведомству, побывал «не-

приметным образом» в слободах и деревнях, в частности, в Ирбитской слободе, в Пышминской и Кунарской экономических вотчинах, но никаких слухов ни о Пугачеве, ни об его «предприятии», ни сожаления о его смерти он не слыхал. По мнению Глазунова, в верхотурском ведомстве все обстоит благополучно.

Хотя, повидимому, уральской администрации тревожиться причин не было, но время от времени правительственная разведка извлекала какого-нибудь неосторожного «разглашателя вредных и ложных к соблазну народу по нынешним обстоятельствам речей». Среди этих «разглашателей» мы встречаем людей из разных классов общества: и екатеринбургского посадского человека, и сержанта, и рядового солдата, и иеромонаха Никольского верхотурского монастыря, и сельского священника. Даже значительно позднее, в 1786 г., на Урале распространялись слухи о том, что Петр III жив и попрежнему намерен возвратить себе потерянный престол; об этом поговаривали и в Сибири. Причины, обеспечившие в 1773—74 гг. на Урале успех пугачевщине, сохраняли свою силу и в последующее время. Революционная буря, пронесшаяся над Уралом в 1773—1775 годы, не могла не отразиться на положении его хозяйства. Сильно пострадала горнозаводская промышленность. Было разрушено до 56 заводов. Заводы разрушались главным образом башкирскими отрядами, грабившими при этом и заводское имущество. Убытки, причиненные башкирскими отрядами, были весьма значительны. Например: на двенадцати уральских заводах (медеплавильных, чугуноплавильных и железоделательных) Ив. Твердышева имущества было расхищено на сумму 537.813 р. 95 к. на тогдашние деньги. Башкиры не щадили и крестьянских поселений. Разоренные крестьяне впоследствии не сразу могли наладить как свое собственное хозяйство, так и работу на заводах и для заводов. Но пугачевщина несла с собой не только разорение. Считать ее лишь «бунтом бессмысленным и беспощадным» в наше время, когда мы располагаем архивом пугачевской канцелярии, уже не приходится. Пугачевщина имела свое организованное правительство, даже персонально воспроизводившее правительство Екатерины: другой политической организации ни сам Пугачев, ни его сподвижники не могли придумать. Нет оснований думать, что пугачевская армия многим уступала армии екатерининской. Имели пугачевцы и артиллерию, по тому времени вполне достаточную. Под Оренбургом пугачевская ар-

мия располагала 80 пушками, у Челябинска—17, у Казани—30, у Кунгура—30, под Бердой более 100 и т. д. В это число входили не только орудия, военная добыча Пугачева, захваченные у разных крепостей. Над литьем артиллерии для пугачевской армии работал ряд мелких заводов и один крупный (Авзяно-Петровский Евдокима Демидова). Без артиллерии, вооруженные лишь дубинами, пугачевцы, при всем их воодушевлении, могли бы оказаться разбитыми при первом столкновении с правительственными войсками.

Разорение заводов не входило в планы пугачевского правительства. Если некоторые заводы были «пожжены до основания», если некоторые из них так и не были восстановлены (напр., Покровский медеплавильный), то причиною этого было не пугачевское командование, а башкирские отряды, действовавшие по своему почину. Пугачевское командование, по мере сил, старалось взять в руки башкир, и частично это ему удавалось. Напр., «атаман» Рождественского завода Семен Волков и «эсаул» Василий Завьялов представили пугачевскому графу Ивану Чернышеву (в феврале 1774 г.) полторы тысячи рублей, которые были приняты от башкир, захвативших эти деньги в заводской кассе. После того как пугачевская армия сметала старую и ненавистную заводскую администрацию, рабочим представлялось право и возможность наладить новое управление заводом, по-новому организовать труд на заводе. Для управления заводом выбирался руководитель, «начальник» или «атаман», из надежных и достойных, по мнению заводского населения, лиц; в помощь ему избирался «эсаул». Новое заводское управление не только ведало заводскими делами, но и руководило военными операциями в данном районе, поддерживало связь со штабом и т. д. Приписные к заводам крестьяне, принудительно связанные с заводом, получали право уходить домой. Оставались на заводах лишь мастеровые, рабочие квалифицированные, у которых земли не было. Напр., на Рождественском заводе рабочие не отделяют себя от производства; они не желают уходить с завода, да им и некуда уйти, как людям «беспахотным», заводскую казну они рассматривают, как свою «мирскую». Отсюда понятно, почему рабочие так внимательно и самоотверженно, «почти без чувствования тягости, надеясь на обещанные льготы и вольности», старались укрепить заводы и защитить их от правительственной армии.

Пугачевское движение не удалось не потому, что оно

было «бессмысленным» бунтом. Как можно судить на основании дошедших до нас пугачевских манифестов, движение одним из основных своих лозунгов ставило уничтожение крепостничества. Отчетливо рисовалась пугачевцам и организация труда ан уральских заводах, освобожденных из-под ига господ. Пугачевщина в общем и целом была революционным крестьянским движением. На Урале в пугачевском движении принимали участие горнозаводские рабочие, не имевшие пахотной земли, располагавшие лишь небольшими усадьбами и микроскопическим участком сенокоса. Но вместе с ними выступали и крестьяне-хлебопашцы, приписные к заводам, посессионные и вотчинные. Таким образом, на Урале рабочий в пугачевщину действовал в полном контакте с крестьянином. Это—первая, известная нам в истории России, смычка рабочего и крестьянина в совместной борьбе против классового врага, — прототип того великого рабоче-крестьянского союза, который был залогом успеха Октябрьской революции. Если полное освобождение трудящихся последует в результате рабоче-крестьянской революции, завершающейся непременным эпилогом—диктатурой пролетариата, то отсюда становятся очевидными и причины неуспеха пугачевского движения. Пугачевщина—первый всплеск надвигавшейся грозной народной волны [7].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Крестьянские волнения на Урале в последней четверти XVIII ст. и в начале XIX ст.—Закон 15 марта 1807 г.—Положение 1811 г.—Разряды крестьян на Урале накануне реформы 1861 г.

Пугачевщина не послужила назидательным уроком для русских помещиков конца XVIII в., в частности не была она в достаточной степени усвоена и уральскими заводовладельцами. И в центре, и на периферии думали, что если усилить власть помещика-дворянина на местах, то возможность повторения новой жакерии исчезнет. Суровая расправа со всеми более или менее видными участниками пугачевского движения на Урале создала в правительственных и административно-заводских кругах совершенно ложную уверенность, что все обстоит благополучно. Но это было только самообольщением. Причины, создавшие успех пугачевщине, оставались в силе и в последующее время; следовательно, всегда можно было ожидать взрыва народного возмущения по малейшему, даже незначительному поводу. Народные волнения, строго говоря, шли непрерывною волною на протяжении всего периода крепостного права, но в некоторые годы они принимали исключительно грозный и массовый характер. Некоторое относительное затишье непосредственно после пугачевщины сменилось взрывом народных волнений в царствование Павла. Имя «Павла Петровича» пропагандировал в свое время сам Пугачев; по всей видимости, в данном случае была использована непопулярность Павла при дворе Екатерины. Правительство Павла дало повод думать многим не только русским, но и иностранным современникам об изменении правительственной политики по отношению к крестьянам. Действительно, уже на 5-й день своего царствования Павел издал указ, отменявший рекрутский набор по 5 человек с 500 душ. Этот набор был объявлен 13 сентября

1796 г., т.-е. незадолго до смерти Екатерины. Через месяц, 10 декабря того же года, была отменена хлебная подать с крестьян, тягостная потому, что хлеб приходилось доставлять в магазины, находившиеся иногда на весьма отдаленном расстоянии. Натуральная хлебная подать была заменена денежною (по расценке по 15 коп. за четверик). Опубликовывая этот «новый опыт» своего «попечения» о «пользе» народа, правительство Павла нашло необходимым подчеркнуть «свою склонность благотворить вверенному ему народу». Неудивительным представляется поэтому, что среди измученного непомерным помещичьим гнетом крепостного люда стали распространяться слухи о предстоящем будто бы раскрепощении его. Услужливое воображение намечало и точные сроки этого освобождения—1 января 1797 г. Пришлось павловскому правительству 29 января 1797 г. издавать специальный манифест, опровергавший всякие слухи о предстоящем будто бы освобождении. Слухи об имеющем совершиться крестьянском раскрепощении «проезжающие неблагонамеренные люди» распространяли и на Урале. Крестьянские волнения в павловскую эпоху начинаются спустя 3 недели (в конце ноября 1797 г.) после воцарения Павла (в Дмитровском уезде, Орловской губ.).

На Урале сильное крестьянское волнение вспыхнуло в вотчине Всеволожских, в с. Зюкайском, Обвинского уезда, в декабре 1796 г. 14 декабря крестьяне этого села в количестве более 100 человек приступили к находившемуся здесь земскому исправнику Обвинского уезда Шаманову с требованием освободить их от работы на их помещика Всеволожского; при этом они заявили, что они целою вотчиною отказываются от повиновения помещику. На следующий день крестьяне еще большей толпой (в 400 человек) повторили свое требование.

Наместническое правление, получив донесение от исправника о происшедшем волнении, предписало последнему отправиться в восставшее село и сделать «кроткое» и «достаточное» увещание крестьянам, чтобы они были «у господина своего в должном повиновении и послушании» и чтобы не склонялись ни на какие слухи, «вымышленные злонамеренными людьми». В случае же каких-либо «обид» от приказчиков своего помещика, крестьяне должны вступать в переговоры с помещиком через специально избранного своего поверенного. При этом крестьяне должны были помнить, что неисполнение воли помещика или пренебрежение ею вызовет

соответствующее наказание. Ретиво ли отнесся к выполнению полученной инструкции земский исправник или только формально старался исполнить предписание, мы не знаем. Но нам известно, что он вместе с дворянским заседателем и уездным стряпчим, с воинскою командою и с 50 казаками ездил в с. Зюкайское и Рождественское, но крестьяне не приняли его «увещаний» и обнаружили твердую решимость «не исправлять» требуемых помещиком заводских, промысловых и других работ. Наместническому правлению пришлось отправить в непокорные села военную команду из 50 человек конных, 50 пехотинцев и с ними пушку с соответствующим числом артиллеристов. Кроме того, в случае надобности, было обещано отправить туда 50 человек башкирцев. Правительство встревожилось тою быстротой, с которою развивалось это волнение, и о нем было доложено самому Павлу, разрешившему для усмирения восставших крестьян употреблять всевозможные способы. 9 января исправник Шаманов и прапорщик Ларионов, командовавший карательным отрядом, доносили, что крестьяне «все единогласно согласились быть у своего господина в должном повиновении, равно и все работы, на них определяемые, исправлять безотрицательно». Сухо официальный рапорт исправника и прапорщика оживляют многими весьма любопытными деталями в своем прошении пермскому губернатору крестьяне вотчинных В. А. Всеволожского сел и деревень (сел Майкорского, Рождественского, Зюкайского, Кызвенского, деревень Сивинской и Серычевской). Крестьяне заявляли не о «противности» своей помещику, не об остановке господских работ, не об «отказе» от своего помещика, а лишь о чинимых от приказчиков обидах. Но на это заявление последовали угрозы, аресты, бесчеловечные пытки и насилия над крестьянскими девушками, которых со всех сел собрали исправник и прапорщик «для увеселения себя» на вечеринку.

Если судить по этому крестьянскому прошению, то волнение в с. Зюкайском получает совершенно другой смысл. Неожиданнее всего для нас является отношение к крестьянской жалобе губернской администрации, поручившей расследование этой жалобы исправнику Шаманову и прапорщику Ларионову, т.-е. тем лицам, на которых подана была крестьянами жалоба. Как и следовало ожидать, результаты от этого расследования получились неутешительные для крестьян. Жалоба была признана неосновательною, голословною, факты (вроде упомянутой выше вечеринки) вымышленными и т. д.

Такое преступно невнимательное отношение к вопиющим нарушениям справедливости и законности раздражило крестьян. Когда прапорщик Ларионов выслал военный отряд в 83 чел. в дер. Макаряты для захвата «укрывавшихся бунтовщиков», толпа крестьян, приблизительно в 2.000 человек, вступила с ним в столкновение; несколько человек из ларионовского отряда было убито; захвачено было и оружие. В своем официальном рапорте по поводу этого столкновения исправник и Ларионов весьма сдержаны. Из других показаний мы узнаем, что толпа («не малое число») крестьян, вышедшая навстречу вооруженному военному отряду, привела в ужас прежде всего самого исправника, который при первых выстрелах «поехал обратно», выражаясь проще, бежал. Обратилась в бегство, следуя его примеру, конница, а пехота, брошенная на произвол судьбы, «претерпела бедствие». Наместническое правление обуял страх. Осинскому земскому исправнику было предписано собрать отряд из вооруженных башкирцев в 500 человек и направить его в с. Зюкайское. Туда же был послан испытанный в военных делах секунд-майор Зверев с предписанием «приложить всевозможное старание» для убеждения крестьян повиноваться своему помещику. Начали опасаться возможности волнений крестьян в других вотчинах, и в видах некоторых мер предосторожности в Пермь было прислано 500 человек красноуфимских казаков и столько же вооруженных башкирцев из Осинского уезда. Интересно отметить то, что сам губернатор (К. Ф. Модерах) находил возмутившихся крестьян «крайне заводскими работами отягощенными».

Зверев сначала пытался добиться от крестьян покорности убеждением, но положительных результатов от этого не последовало. Собравшись в большом количестве в с. Кызвенском (в 25 в. от с. Зюкайского), крестьяне настроены были весьма аггрессивно. Тогда Зверев предпринял против непокорных настоящий военный поход. Это было 28 января. Не доходя до с. Кызвенского, Зверев со своим отрядом расположился на ночлег в с. Макаряты (в 7 в. от с. Кызвенского). Ночью, в 2 часа, крестьяне сделали неожиданное нападение на Зверева; произошла битва, окончившаяся поражением крестьян. Последние принесли повинную и обещались быть послушными своему помещику. В с. Кызвенском Зверев также не встретил сопротивления. Восстание было подавлено. Следует отметить, что в то время как регулярные войска выступали против восставших с ружьями и тяжелою артилле-

рией, крестьяне пользовались исключительно луками и стрелами. При всей тенденциозности следствия, выяснилось, что к волнениям крестьян вотчин Всеволожского побудили отяготительные господские работы, неурожай хлебов, отсутствие у некоторых крестьян лошадей, что делало невозможным выполнение ряда работ на помещика [8].

Мы несколько подробно остановились на волнении зюкайских крестьян, как весьма любопытном по целому ряду сопровождавших его обстоятельств. Но были случаи, когда крестьяне, не прекращая своих работ на заводовладельца, добивались изменения своей участи путем подачи коллективных прошений в разные учреждения и самому царю. Например, еще 4 марта и 22 мая 1796 г. приписные к Демидовским заводам крестьяне Куровской и Юрмитской волостей, Камышловского округа, и Борневской волости, Шадринского округа, подавали два прошения пермскому генерал-губернатору, а 27 февраля 1797 г. такое же прошение было подано на имя самого Павла. Указав на злоупотребления заводоуправления и в частности самого Демидова, выразившиеся в чрезмерной эксплоатации приписных крестьян, просители выдвигают ряд требований об устранении создавшихся ненормальных явлений. Важнейшие из этих требований сводятся к следующему: 1) точно установить наличность приписных и купленных крестьян на Демидовских заводах и выяснить условия приписки; 2) выплатить не дополученные приписными крестьянами от заводоуправления зарплату и проходные деньги; 3) внести в казну не доплаченную заводоуправлением подать; 4) на работу приписных крестьян назначать только при соблюдении узаконенной нормы; 5) возместить крестьянам, работавшим для завода, понесенные ими расходы по продовольствию себя и лошадей; 6) так как Демидов прикупил для своего завода крестьян (около 8.000 человек), то приписных крестьян снова перевести в разряд государственных. Однако, дело стало разбираться в соответствующих инстанциях не сразу, затянулось на несколько лет и разрешилось не в пользу просителей [9].

Несколько позднее, уже в 1803 г., на Демидовских заводах возник новый конфликт между заводоуправлением и приписными крестьянами. Нижне-Тагильской волости бывшие государственные крестьяне в количестве 363 душ отказались признавать себя приписными к Демидовским заводам на том основании, что они добровольно переселились

на завод в разное время и из разных мест и состояний: 1) экономических и государственных крестьян, 2) солдатских и церковнослужительских детей, 3) незаконнорожденных и не помнящих родства и т. д. Кроме того, о приписке их к Демидовским заводам нигде и никогда не было речи и не состоялось никакого правительственного постановления. Хотя заводоуправление и посылало этих крестьян на заводские работы, но по собственному желанию последних и за плату более высокую, чем по казенной расценке. Одновременно были затребованы объяснения по поводу этих крестьянских домогательств от местного заводоуправления. Последнее, разумеется, постаралось аргументировать принадлежность ищущих свободы крестьян заводу, указав, во-первых, на то, что эти крестьяне живут на заводе уже давно, а во-вторых, что они пользуются заводскою землею и лесом. Последовавшее сенатское решение по этому делу только 300 душ признало государственными крестьянами; что же касается остальных, то они были подведены под категорию приписных, посему и оставлены были при заводах [10].

В следующем 1804 г. вспыхнуло крестьянское волнение на Уфалейском заводе «коммерции советника» Губина. Крестьяне на этот завод были переведены Губиным из Нижегородской губернии. О происшедшем «неповиновении» было донесено тогдашнему министру внутренних дел графу В. П. Кочубею, который доложил о нем и Александру. Со стороны последнего было дано распоряжение пермскому и вятскому губернатору на месте исследовать с «возможным вниманием» обстоятельства дела, рассмотреть жалобы крестьян и показания заводоуправления, выяснить причины «столь упорного и столь давно продолжающегося неповиновения», подвергнуть строгому суду крестьян, если они окажутся виновными, и, наоборот, в случае действительного обременения их «неумеренными работами», доставить им должную «защиту» и «покровительство». Но вместе с этим было предписано «не давать потачки буйным поступкам», чтобы не дать повода крестьянам думать, «что ослушанием могут они отыскать справедливость и защиту». Посему для вящшего воздействия на восставших, можно и должно было воспользоваться воинскою командою. Губернатор побывал на заводе, постарался выяснить причины волнений на месте и в своем рапорте министру внутренних дел сообщал, что причиною происшедших волнений («неповиновения») крестьян на Уфалейском заводе Губина является стремление крестьян

вернуться на родину и агитация со стороны праздных и упорных лиц. Кроме того, 25 крестьян, наиболее строптивых и упорных, во избежание последующих «беспорядков» губернатор, по соглашению с заводовладельцем, решил перевести на Авзяно-Петровский завод (того же Губина). Но двадцать человек из предназначенных к переселению «сделались ослушными» и отказались отправиться на Авзяно-Петровский завод. За это, по решению палаты уголовного суда, им было постановлно наказание плетью и принудительная ссылка на новое местожительство.

Когда приступлено было к выполнению экзекуции над ослушниками, крестьяне большой толпой в 200 человек произвели «чрезвычайный шум», бросили заводские работы и отправились искать справедливости в Екатеринбург. В Екатеринбурге 158 этих крестьян были арестованы, разбиты на 3 группы и под конвоем солдат отправлены на завод. Вместе с этим на завод был отправлен взвод екатеринбургского мушкетерского полка. Двадцать человек, предназначенные к переселению, были заключены в отдельном помещении. Когда члены суда подошли к ним для переговоров и открыли двери, арестованные бросились на них с криком и угрозами. Собралась большая толпа и остальных крестьян, заявившая, что никто не станет на работу, пока не будут освобождены арестованные. Дело принимало весьма серьезный оборот. Пришлось выписать из Екатеринбурга уже роту мушкетеров. На убеждение смириться крестьяне ответили решительным отказом, жалуясь на то, что Губин присвоил их незаконно и при этом с большим запозданием выдает им провиант. Только тогда, когда была объявлена высочайшая воля о том, что 25 крестьян обязаны отправиться на Авзяно-Петровский завод, крестьяне убедились в безрезультатности своих домогательств, но двое из них, тем не менее, и теперь оказались упорными и были преданы суду. Волнение было ликвидировано [11].

Мы обозрели целый ряд волнений горнозаводских крестьян, протекавших непреывной цепью на протяжении нескольких десятков лет. Волнения эти становились все более и более упорными, восставшие крестьяне действовали монолитною массой. В процессе упорной борьбы выковывалась классовая идеология. Спаянные работой в дымных куренях, у заводских складов и у раскаленных домн, горноза-

водские крестьяне сплошь да рядом являли пример изумительной организованности в борьбе за попираемые права полусвободного человека. Не следует забывать и того, что описанные волнения уральских крестьян протекали в исключительной обстановке. Только-что пришедшее в себя от ужасов пугачевщины дворянское правительство Екатерины и Павла трепетало от доносившихся с Запада раскатов великой французской революции. В каждом крестьянском волнении запуганное русское правительство, сидевшее в то время, как на горячих углях, чувствовало зловещий шорох крадущегося домашнего врага. С другой стороны, молодой русский промышленный капитализм не мог безучастно относиться к основам крепостнического строя. В правительственных кругах ставились в законодательном порядке новые вопросы, и среди них проблема крепостного права занимала видное место. Такие правительственные мероприятия, как указ о вольных хлебопашцах, разнообразные проекты и преобразования Сперанского — лучшая иллюстрация того, что соответствующий сдвиг в организации народного хозяйства и социальных отношениях произошел. Никак нельзя было пройти и мимо упорных крестьянских волнений. Посылать для усмирения восставших башкирские отряды и мушкетерские роты было дорогим средством, да в конце концов такой прием подавления народных волнений мог бы вызвать внутри страны гражданскую войну. Правительство Александра I, не отваживаясь на радикальную реформу организации горнозаводского труда, пытается устранить один из главных поводов к волнениям — разрешить вопрос о приписных крестьянах. Положение 15 марта 1807 года совершенно упраздняет институт «приписки» крестьян к горным заводам. Вместо приписных вводятся так называемые «непременные работники», избираемые из той же среды государственных приписных, но в правовом отношении сближавшиеся с «вечно отданными». На казенных заводах из приписных должно было выделить в качестве непременных работников из лиц не старше 40 лет столько человек, сколько требовалось для завода. На частных заводах из каждой тысячи приписных полагалось выделить 56 человек. Остальная же масса приписных возвращалась в первобытное состояние государственных крестьян. Она только должна была давать некоторое пособие непременным работникам и, в случае убыли в составе последних, пополнять их ряды на манер рекрутской повинности. Из прежнего

количества приписных крестьян в 217.115 человек в непременные работники было переведено 17.850 человек. Следует упомянуть о том, что обязательные отношения непременных работников первого призыва должны были закончиться через 30 лет, а для их детей через 40 лет, но фактически этот пункт положения 15 марта 1807 г. не выполнялся.

Большую определенность закон 15 марта 1807 г. внес в юридическое положение так называемых посессионных крестьян. Эта, весьма разнообразная по составу группа, с недостаточно четко очерченными правами, теперь получила точное оформление. С посессионными крестьянами были сближены «непременные работники». Нисколько не затронуло положение 15 марта 1807 г. третьей группы горнозаводских крестьян — частновладельческих, благосостояние и судьба которых всецело были предоставлены их господам.

Несколько позднее, в 1811 г., детализация частновладельческих заводов была проделана еще отчетливее. Все заводы стали разделяться на две группы: а) владельческие и б) посессионные. Владельческие заводы—это те, которые находились во владении дворян. По праву дворянина заводовладелец владел и крестьянами. Посессионными были названы те заводы, содержатели которых, не будучи дворянами, получали право условно и временно владеть заводами, а при них и крестьянами. При этом необходимое пособие в виде людей, лесов, земель и рудников эти заводовладельцы получали от казны. По данным десятой ревизии, посессионных крестьян насчитывалось 186.000 душ муж. пола; из них на горных заводах отмечено 163.000 душ и на других различных предприятиях 23.000 душ. Итак, в первую половину XIX в. крестьянское население Урала, обитавшее на горнозаводских дачах, распадалось на следующие группы: 1) государственные крестьяне, после 1807 г. нисколько не связанные с заводами; 2) горнозаводские крестьяне, включавшие в своем составе три группы: а) крестьяне на казенных заводах (мастеровые и непременные работники), б) посессионные и в) крестьяне крепостные частновладельческие.

Как основанные на условном владении, посессионные заводы и крестьяне отличались меньшей устойчивостью, чем вотчинные и казенные. Посессионный завод, в случае нарушения заводовладельцем своих обязательств, всегда мог быть взятым в казну. Так, напр., в 1822 г. были переданы в казну заводы наследников Турчанинова, в 1892 году был отобран в казну Ирбитский посессионный завод (с 127.000

десятинами земли). Интересным представляется заключение по этому поводу сената (указ 17 февраля 1892 г.): «Самая сущность посессионного владения и возлагаемые при этом казною на посессионного владельца обязанности указывают на то, что казна вправе требовать от такого владельца не только при начале, но и во все время продолжения его владения, чтобы пользование его казенною землею действительно соответствовало цели, для которой этот вид владения установлен законом».

Во все последующее время правительство строго отличало крестьян посессионных от вотчинных—владельческих. Когда накануне крестьянской реформы по губерниям были учреждены дворянские комитеты для обсуждения принципов и методов будущей реформы министр внутренних дел известил губернаторов, что эти комитеты отнюдь не должны заниматься обсуждением устройства быта крестьян посессионных, фабричных и заводских людей, подведомственных министерству финансов. Со стороны уральских посессионеров-заводовладельцев были тенденции добиться права организовать специальные комитеты для обсуждения вопросов, связанных с будущим устройством посессионных крестьян, но на это не последовало разрешения. Вопрос о посессионных крестьянах был разрешен в высших правительственных инстанциях чисто канцелярским способом и применительно к тем положениям, которые были выработаны в губернских дворянских комитетах для крестьян вотчинных. Несколько слов следует сказать относительно земельного обеспечения горнозаводского населения в эпоху крепостного права. Согласно горному уставу, для мастеровых казенных и посессионных заводов полагался сенокосный участок не меньше 2 десятин; каждый же непременный работник должен был получить не менее 5 десятин пахотной земли и сенокоса. В действительности земельный надел непременных работников бывал ниже указанной нормы. Одна из статей (431) горного устава гласит, что заводские работники могут своими средствами расчищать новые места из-под леса и пользоваться ими пожизненно и бесплатно. Вследствие этого среди горнозаводского крестьянства можно было встречать наряду с малоземельными крестьянами владельцев нескольких десятин пахотной земли. Такое же расслоение наблюдалось и среди крестьян владельческих заводов, когда усадьба без пашни и сенокоса существовала параллельно с большим земельным участком [12].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Крестьянские волнения на Урале в первой половине XIX в.

Первая половина XIX в. в истории уральского крестьянства всех разрядов и состояний безошибочно может быть названа периодом непрерывных волнений. Волновались не только посессионные и владельческие крестьяне, но и казенные, государственные. Мотивы этих волнений у каждой из перечисленных категорий крестьян были неодинаковы. Поэтому в интересах научной точности изучать эти волнения следует не в общей массе, а изолированно. Тогда историческое значение классовой борьбы на Урале в первую половину XIX в. удастся выявить более отчетливо. Само собой понятно, что нашему изучению будут подлежать только такие случаи крестьянских волнений, которые зафиксированы в наших источниках и которые поэтому в свое время выходили из ряда обычных конфликтов заводского крестьянства с заводоуправлением, требовали экстраординарных мероприятий со стороны властей придержащих и представляли грозную опасность существующему крепостническому строю. Но, разумеется, не о всех таких крупных волнениях до нас могли дойти сведения. Однако и то, что мы знаем об этих волнениях, достаточно обстоятельно объясняет нам наиболее важные моменты истории классовой борьбы на Урале.

В первую очередь остановим свое внимание на случаях народных волнений среди крестьян казенных, государственных. Как мы уже упоминали, согласно положению 15 марта 1807 г., государственные приписные крестьяне были освобождены, за выделением разряда непременных работников, от какой бы то ни было принудительной работы на заводах. Память о прежних временах почти бесконтрольного распоряжения заводовладельцами трудом приписных кре-

стьян была еще настолько свежа в народе, что малейший намек на покушение снова отнять эту относительную свободу вызывал сильнейшее крестьянское волнение. Любопытные и оригинальные случаи крестьянских волнений представляют так называемые картофельные бунты.

Картофельные бунты происходили не в одном месте, а в разных и сопровождались тяжелыми последствиями для участников их. Расскажем о некоторых из наиболее ярких случаях картофельных бунтов на территории уральского края.

В 1841 г. в Степановской, Ординской и Медянской волостях, Осинского уезда, среди казенных крестьян вспыхнуло волнение по поводу введения принудительной посадки картофеля. На основании циркуляра министра государственных имуществ от 28 августа 1840 г. и 31 января 1841 г. в Пермской губ., как не имеющей общественной запашки, посадку картофеля должно было производить при каждом волостном правлении, на земле, отделенной от крестьянской, в размере хотя бы одной десятины. Работников для запашки поля под картофель предписывалось нанимать на общественные средства; собранный картофель должен был раздаваться на семена бесплатно неимущим крестьянам, а остальное продаваться по дешевой цене. Так как в то время усилился экспорт русского хлеба за границу, разведение картофеля, естественно, энергично поддерживалось правительством. Но управляющий пермской палатой государственных имуществ Фредерикс переусердствовал. Он распорядился, чтобы весною (1841 г.) крестьяне приступили к посадке картофеля не только при волостных правлениях, но и при сельских расправах. При этом работа по посадке и уборке картофеля ложилась на крестьян бесплатно. Для крестьян названных волостей подобного рода мероприятие казалось совершенно излишним, так как они уже были знакомы с процессом разведения картофеля. Кроме того, принудительная обработка общественного картофельного поля для казенных крестьян показалась некоторым подобием барщины, тем более, что для этой обработки снаряжались крестьяне иногда из отдаленных селений. При перегруженности крестьян рядом других налогов, новая повинность была излишним бременем, особенно болезненно переживавшимся как всякое нововведение. Начали распространяться слухи о том, будто бы правительство намерено перевести крестьян из казенного ведомства в удельное.

Переход в удельное ведомство пугал государственных крестьян, рисуя перед ними перспективы крепостничества. Хотя в отношении размера подушной подати и оброка удельные (прежние дворцовые) крестьяне были приравнены к государственным, но организованы они были по типу крепостных. Так, например, с 1795 г., в интересах правильного поступления податей, среди удельных крестьян было введено уравнительное землепользование. Между тем, среди казенных или государственных крестьян существовало земельное неравенство; некоторые из государственных крестьян, так называемые «деревенские владельцы», обладали значительным количеством земли, приобретенной тем или другим способом. Переход в удельное ведомство внушал крестьянам опасение возможности приписки их к тому или другому заводу [12а].

Крестьяне заволновались... Две роты солдат и две пушки, высланные из Перми, водворили спокойствие. Для поддержания порядка на будущее время на месте волнений была оставлена одна из присланных рот. О волнениях осинских крестьян было донесено Николаю, который распорядился по отношению к виновным применить суровые меры. Годных к военной службе приказано было сдать в рекруты, а других отправить на крепостные работы в гор. Бобруйск, Минской губ. Привлекавшихся к суду за участие в волнениях распределили на две категории: 1) противившихся посадке картофеля по невежеству; 2) не повиновавшихся распоряжению начальства по склонности к «буйству» и «беспорядкам». Не одинаково было и отношение к тем и другим. По отношению к первым ограничились внушением преданности «попечительности начальства о благоустройстве крестьян»; к сознательным и активным участникам волнений были применены суровые меры, которые ставили своею целью не только наказание виновных, но и пресечение возможности повторения подобного рода волнений и поддержание престижа начальства. В октябре 1841 г. 37 человек, оказавшихся виновными в «ослушании», «дерзостях» и разглашении «нелепых толков», были частью сданы в рекруты, частью же отправлены на крепостные работы в Бобруйск, сроком на 10 лет. Остальным 287 чел., участвовавшим в восстании «по невежеству», суд вынес строгое внушение впредь быть послушными начальству [13]. Случай картофельного бунта можно было наблюдать и в Вятской губ. Мотивы были те же: слухи о передаче государственных крестьян в удельное ведомство [14].

На почве этих же слухов разрослось сильное восстание крестьян целого ряда волостей в Шадринском, Камышловском и Ирбитском уездах в 1842 г. Это было одно из самых сильных волнений в эпоху крепостного права на Урале. Остановиться на нем будет не безынтересно. Незадолго перед этим по проекту гр. Киселева было учреждено министерство государственных имуществ, в ведение которого были переведены государственные крестьяне. Новое министерство предприняло ряд начинаний (вроде упомянутой уже нами картофельной посадки), дававших повод крестьянам тревожиться за свою участь. Стали разноситься слухи о том, будто бы казенные крестьяне проданы какому-то важному барину; одни называли последнего Киселевым, другие Министером, третьи Министровым. Говорили при этом, что новый владелец бывших государственных крестьян, господин Министеров, уже ввел особый вид барщины, в виде обязательной посадки картофеля, издал указ о сбережении зерна для посевов и собирался взять с каждой души мужского пола по 90 рублей и с души женского пола по 70 руб., кроме холста и хлеба. Создалась сильная паника в ряде деревень, подогретая еще тем, что на волостных печатях вместо государственного герба — двуглавого орла — появился герб Пермской губернии — с изображением медведя. Сомнений в передаче государственных крестьян в распоряжение господина Министерова, повидимому, уже не могло быть. Восставшие крестьяне села Батуринского несли перед собой знамя из белого крестьянского холста с надписью: «царские государственные, а не господина Министера». Правительственные агенты источник этих слухов относили к происках «злонамеренных» людей, желавших использовать в своих видах темную крестьянскую массу. Некоторым из арестованных за участие в восстании крестьянам ставилось в вину то, что они в охваченные волнением села привозили какие-то бумаги, читали их вслух и комментировали перед собравшимися крестьянами с целью агитации.

«Передача под барина» для восставших крестьян не подлежала сомнению. Нужно было лишь раздобыть и уничтожить документ об этой передаче. Об этом в первую очередь и стараются восставшие крестьяне. Прежде всего они требуют «подлинника под барина» у местных священников с. Петропавловского, Уксянского, Полозова и др. Не получая этого документа, толпа обливает холодною водою священника, дьякона и дьячков (дело происходило в апреле),

опускает их в колодцы и т. д. Обрушились крестьяне и на деревенскую администрацию. Писаря села Крестовки за отказ выдать грамоту («запродажную запись»), которая якобы находилась у него, восставшие крестьяне раздели до-нага, катали по усыпанной битым стеклом земле, а затем притвоздили к забору, отчего он и скончался. Подвергся нападению восставших и Далматовский монастырь, где, по слухам, хранилась грамота от г. Министерова о продаже ему окрестных государственных крестьян. Все прежнее озлобление против монастыря-вотчинника вылилось в этом нападении. Мифический г. Министеров был забыт; стали раздаваться голоса о необходимости отнять у монастыря деньги, разбить в церкви кружки, снять с образов оклады; всем этим добром должен распорядиться мир. Монастырь, выдержавший некогда пугачевскую осаду, устоял и на этот раз. В худшем положении оказались сельские церкви, менее приспособленные к осадным действиям. В местном церковном причте восставшие крестьяне видели агентов правительства, и свое озлобление против последнего перенесли и на церковь. Крестьянин Андрей Дм. Хмелинин производил беспорядок в церкви, называл иконы лесом; крестьянин Степан Петров Худых удерживал своих товарищей от хождения в первый день Пасхи в церковь и т. д. Это—далеко не единичные случаи. Волнения в Верх-Теченской, Бродо-Калматской, Белоярской, Уксянской и Батурлинской волостях начались почти одновременно, 10 апреля, в страстную субботу. 11 апреля, в первый день Пасхи, на следующий день в ряде волостей они развивались особенно интенсивно. Из перечня привлеченных к суду участников возмущения не трудно заметить, что инициаторами и наиболее активными лицами были наиболее сознательные крестьяне. Напр., в числе «главных возмутителей к бунту» следственный материал называет отставного солдата Федора Заварницына и др. Только с помощью военной силы восстание было подавлено; число убитых доходило до 69 человек, раненых— 21 человек. По уездным городам были учреждены экзекуционные комиссии; наказания были беспощадны. Главарям присуждено было по 4.000 ударов розгами, наиболее виновным по 1.000 ударов шпицрутенов,— фактически это было равносильно смертной казни,— остальным участникам восстаний по 200—600 ударов. Многие крестьяне были сосланы на каторжную работу. Челябинский острог был переполнен тяжело ранеными, которые в большом количестве умирали здесь и от ран, и от плохого ухода [15].

Еще в 1834 г. началось сильное волнение среди казенных крестьян в сосновских волостях (б. Оханского уезда). Причиной послужило то, что спорные земли, из-за которых крестьяне вели упорную и продолжительную тяжбу с графиней С. В. Строгановой, по судебному решению высших инстанций были оставлены за последней. Правительственные агенты причины происшедших волнений усмотрели в «разглашении» о неправильности данного решения, а также и вообще о «поземельных правах» крестьян. Некоторые чиновники земской полиции были заподозрены в «разглашении» этих неподобающих слухов. Волнение принимало настолько грозный характер, что из Перми пришлось выслать солдат и артиллерию. Крестьяне принесли повинную. В 1835 году волновались крестьяне Кунгурского и Красноуфимского уездов. Поводом послужило введение в волостных правлениях печати с изображением медведя вместо двуглавого орла. Все это было истолковано в том смысле, что казенных крестьян передают в удельное ведомство. С криками «не хотим под медведя» крестьяне стали собираться толпами и выражать свой протест против предполагаемой передачи. Военные отряды водворили порядок [16].

Несколько ниже мы будем описывать случаи волнений мастеровых и непременных работников на частновладельческих заводах и в качестве причин этих волнений будем указывать на бесчеловечное обращение с рабочими массами местного заводоуправления. Естественно спросить, в каком положении находились мастеровые и непременные работники на казенных заводах, все ли там было благополучно? На этот вопрос приходится иногда давать отрицательный ответ. Напр., мы знаем, что на Березовском казенном золотопромывательном заводе 31 марта 1820 г. вспыхнуло волнение мастеровых и крестьян, продолжавшееся около 5 месяцев. Жалоба, поданная пермскому губернатору мастеровыми на заводскую администрацию, рисует неограниченный произвол, царивший на заводе и безудержную эксплоатацию рабочей массы. Рабочий день продолжался для каждой смены (в сутки работали 2 смены) по 12 часов. Скудная плата не обеспечивала даже мало-мальски сносного существования семье рабочего. Заводские рабочие не могли заработать на стороне ни копейки даже в праздничные дни. Всех нерабочих праздничных дней в году, по заводской ведомости, приходилось 70, но и эта цифра подвергалась сокращению. Напр., в 1820 г. на третий день Пасхи (это при-

ходилось на 31 марта) заводоуправление сделало наряд на работы. Кроме исполнения работы на заводе, заводское начальство посылало рабочих на свои личные полевые работы, заставляя их убирать и возить сено, рубить дрова и т. д.— все это совершенно бесплатно. Существовавшие при заводах покосы были захвачены заводской администрацией, на долю мастеровых не приходилось ничего. Необходимо было иметь сенокосные участки где-то на стороне, что представляло громадные затруднения, так как заводоуправление в течение целого ряда лет (1816—1819 гг.) совершенно не отпускало мастеровых с завода, даже на летнюю страду. Следует отметить и то, что не только семья рабочего, но и он сам не получали провианта на заводе, а за хлебом нужно было отправляться на другие заводы: Екатеринбургский, Пышминский, Нижне-Исетский верст за 30—40. Волнение вызвало жестокие репрессии со стороны заводоуправления. Началась порка зачинщиков. В виде протеста мастеровые прекратили работу. В ответ на это заводоуправление вытребовало 2 команды: одну из Перми, а другую (башкирскую) из Екатеринбурга. До вооруженного столкновения дело не дошло, так как мастеровые покорились, вернее — «были приведены в прежний порядок и должное повиновение начальству». По всей видимости, они ожидали справедливого расследования из центра, так как незадолго перед этим было подано прошение на высочайшее имя с указанием на тяжелое положение мастеровых на Березовском заводе, побудившее последних к волнениям. Наиболее активных участников волнения отправили в Екатеринбург для соответствующего наказания [17].

Если тяжелым было положение мастеровых и непременных работников на казенных заводах, то тем более оно оказывалось невыносимым на заводах частных, где больше простора было для личного произвола со стороны заводовладельцев. На частновладельческих заводах вотчинных и посессионных в самом начале XIX в. концентрировалось более 66% всей ценности заводского производства. Выплавка чугуна, производимая на частных заводах, в 1806 г. составляла 10.312.200 пудов, тогда как на казенных заводах в это время было выплавлено 1.900.000 пудов. Если мы обратимся к каждому частновладельческому заводу порознь, то мы заметим, что продукция его растет из года в год. Например, на Строгановском, Очерском и Павловском заводах в 1797 году было выковано железа 101.554 пуда, в 1843 г.—235.436

пудов. На Чермозском заводе Лазаревых в 1797 г. было выработано железа 156.566 пуд., а в 1798 г.—180.836 пуд.; в 1843 г. сертового железа было выработано 80.372 пуда, листового железа — 85.035 пуд. и чугуна 35.102 пуда [18].

Но если возрастало производство, то естественно возникает вопрос, что служило базой для этого роста. Каких-либо технических усовершенствований на уральских заводах мы не видим не только в первой половине XIX в., но и позднее. Все производство держалось на крепостном или полукрепостном труде, и рост его происходил за счет интенсификации этого труда, точнее говоря — эксплоатации мастерового и непременного работника. Атмосфера монополии и правительственных привилегий, традиции барства, обилие рабочих рук превращали уральский завод в крепостную барскую вотчину. Урочная система, при крайней ограниченности заработной платы, отсутствие самых элементарных условий гигиены и санитарии, жизнь впроголодь и жестокие наказания за малейшие и даже невольные провинности — все это обычные явления на наших уральских заводах, о которых мы узнаем из каждого взятого в руки архивного дела за интересующий нас период времени.

Заводчики точно сознательно стараются превзойти друг друга в жестокости. Но все же рекорд старается побить Демидов; о положении рабочих на его Нижне-Тагильских заводах не только полуофициальные, но и официального характера памятники сообщают изумительные по жестокости даже для того времени вещи. Всего изумительнее то, что хотя жалобы на зверства на Демидовских заводах доходили до сената, мы не видели ни малейшего намека на то, что положение Демидовских работников менялось в лучшую сторону. Наши источники зато достаточно красноречиво говорят о том, что даже по незначительному поводу начавшееся волнение и сравнительно невинные и безобидные требования работавших на заводах крестьян вызывали жесточайшие репрессии со стороны правительства. Напр., в 1810 г. работавшие на Н.-Тагильском чугуноплавильном заводе крестьяне, не получая денег за проходные дни и вместо 1 п. 10 ф. муки получая только по пуду, предъявили требование давать им полностью следуемое вознаграждение. Заводоуправление сочло эти требования за бунт. 13 человек из крестьян были посажены в тюрьму; после жестокой порки 12 человек были отпущены домой, а одного из них (Хмелева) задержали в тюрьме как главного возмутителя. Тщетно послед-

ний забрасывал своими прошениями разные учреждения, чтобы было разобрано его дело. После длительной проволочки сенат постановил: «Хмелева, как главаря по возмущению на Н.-Тагильском заводе, наказать 20 ударами палок, вырезать ноздри и сослать в Нерчинск в вечную каторжную работу». Очевидно, все это было проделано в назидание другим... [18]

Сильные волнения горнозаводских крестьян, охватившие значительную территорию Уральского края, происходили в 1822 году. Мы уже упоминали о том, что по закону 15 марта 1807 г. из бывших приписных были выделены так называемые «непременные работники» для обслуживания потребностей завода. Остальные крестьянские массы считали себя свободными от заводских работ, и когда некоторые заводовладельцы (напр., Яковлевы на Верх-Исетских заводах, Демидовы) и заводоуправления (на Гороблагодатских казенных заводах) стали привлекать, по старой памяти, крестьян к заводским работам, те ответили волнением. Для усмирения этих волнений, которые охватили 3 округа с 12 волостями, были привлечены военные команды.

В этом же году, 6 февраля, мастеровые и непременные работники Кыштымского завода Расторгуева прекратили заводские работы и «сделали возмущение». Как гласит официальный документ, они стали требовать «наглым образом» заводских лошадей, фураж и провиант от завода. Заводский исправник был посажен под арест в мирскую избу, непочтительно обошлись возмутившиеся с заседателем, произвели «буйство» в церкви, разломали в земском суде шкап и вообще чинили «разные неистовства», пока не были усмирены воинской командою, а зачинщики волнения (в числе 4 человек) посажены в острог. Сообщение о происшедшем волнении было послано в министерство финансов, а министр финансов доложил о нем Александру. Министр при этом полагал, что надлежит зачинщиков «своевольства» и «непокорности» предать суду и поступить с ними по всем строгостям закона, остальных же 98 человек наказать и отправить на казенные Богословские заводы.

Пока дело в пермском горном правлении решалось в указанном министром финансов смысле, дела на Кыштымском заводе развивались дальше. В марте 1822 г. мастеровые чрез своих уполномоченных (54 чел.) принесли местному начальству (в Екатеринбург) жалобу на притеснения со стороны заводоуправления. Только после того, как берг-инспектором

жалоба мастеровых по расследованию была признана справедливою и заводоуправлению было предписано принять меры к обеспечению мастеровых продовольствием и «безбедному их содержанию», волнения на заводе временно утихли. В ноябре, когда стали приводить в исполнение приговор суда (98 человек рабочих были присуждены к наказанию по 25 ударов), кыштымские рабочие вновь подняли волнение, подавить которое смогла только военная сила.

Расторгуев не принадлежал к дворянскому сословию и не был особенно покровительствуемым лицом, посему на беспорядки, имевшие место на его заводах, правительство взглянуло несколько по-иному, чем это оно делало обычно. Комитет министров нашел, что «беспорядки по сим заводам были следствием, с одной стороны, худого ими управления и крайне несоразмерных с бывшею дороговизною заработных плат; которые при том мастеровые получали, а с другой стороны — небрежность заводчика о благовременном достаточном заготовлении для продовольствия заводских людей необходимых нужных жизненных потребностей, за каковое небрежение Расторгуев, ежели бы не умер, подлежал суду и наказанию по закону». Но так как главный виновник оказался вне досягаемости суда, то правительству пришлось ограничиться передачею Кыштымского завода в ведение казны. Последнее обстоятельство нисколько не содействовало улучшению положения рабочих на этом заводе. Находясь уже в казенном ведомстве, они три раза подавали прошение на имя самого Александра, указывая на невыносимо тяжелые условия своего быта. Поездка Александра в 1824 г. по Уралу вселила было некоторую надежду в крестьянские массы на улучшение условий заводских работ. По повелению Александра специальная комиссия произвела расследование жалоб кыштымских мастеров и работников и признала их неосновательными. Наследницы Расторгуевых воспользовались этим обстоятельством и возбудили дело о возвращении им заводов. В октябре 1825 г. просьба Расторгуевых была исполнена. Такая переходная пора в жизни Кыштымского завода, осуждение, а затем и реабилитация заводовладельцев Расторгуевых еще более продлили обычную судебную волокиту, и окончательный (сенатский) приговор по делу о волнениях 1822 г. последовал только в 1827 году. 22 августа 1826 г. торжествовавший свою победу над декабристами Николай по поводу своего официального воцарения издает манифест, предоставлявший амнистию за

разного рода преступления. Ссылаясь на этот манифест, сенат подводит под амнистию и «преступление» кыштымских рабочих, находит возможным освободить их от суда и следствия и возвращает в распоряжение наследниц Расторгуевых. Иначе взглянула на дело специальная экспедиция, занимавшаяся выяснением вопроса, к каким категориям преступлений можно относить амнистию 22 августа 1826 г. Она вынесла следующее постановление по этому поводу: «Мастеровые, сверх буйства в церкви и разных других неистовств, арестовали исправника, толкали заседателя и разломали в земском суде шкап, каковой поступок заключает в себе явный бунт, за который 137 воинским артикулом полагается смертная казнь, то таковое преступление не может подходить под всемилостивый манифест 22 августа 1826 года» [20]. Итак, несмотря на то, что незаконные действия Расторгуева были засвидетельствованы в высших правительственных инстанциях, и тем самым была смягчена вина восставших, однако, пострадали в конце концов те же рабочие.

Иногда борьба рабочих, направленная против злоупотреблений местного заводоуправления, носила длительный характер на одном и том же заводе. Иллюстрацией этого могут служить волнения углепоставщиков на Ревдинском заводе, начавшиеся в январе 1826 г. Поводом к волнениям послужило то обстоятельство, что новые заводовладельцы Зеленцовы увеличили меру короба для поставляемого на завод угля. Любопытно отметить то, что новая мера короба была выше той, которая применялась у прежних заводовладельцев Демидовых и которая была принята в декабре 1824 г. Углепоставщики отказались принять новую меру и прекратили работу. Для воздействия на забастовавших рабочих 28 января 1826 г. был командирован горным правлением некто Любарский; для большего успеха с ним была отправлена из Перми воинская команда во главе с полковником Костырко. На увещания Любарского возить уголь в положенном размере углепоставщики ответили, что они признают для себя обязательною ту меру, которая была установлена в декабре 1824 г. Как гласит донесение пермского обер-прокурора министру юстиции (Долгорукову), на все кроткие убеждения советника горного правления углепоставщики реагировали «с грубостью и упорством». Только после того, как упорные углепоставщики были переданы «для полицейского исправления» полковнику Костырке, большая часть из них покорилась и согласилась доставлять уголь в желае-

мом для заводоуправления размере. Интересно отметить, что производившие расследование власти нигде не упоминают о нововведенной Зеленцовым мере угольного короба, а говорят только о демидовской мере, против которой углепоставщики пока-что и не возражали. Едва ли такое умолчание можно рассматривать как ошибку или недоразумение. Но, умалчивая о самой важной причине волнений ревдинских углепоставщиков, следователи вину за происшедшие волнения переносят не на заводовладельцев, допустивших произвол, а на углепоставщиков, не желавших выполнять узаконенные нормы труда. В лице углепоставщиков выступает не вся рабочая масса данного завода, а только часть ее. Мы не имеем сведений, как реагировали на волнения углепоставщиков не только мастеровые, но и другие «непременные работники», ближайшие товарищи их по заводской работе.

Совершенно неожиданным, хотя и вполне понятным является финал ревдинских волнений 1826 г. Несмотря на то, что против демидовской меры никто из углепоставщиков не возражал, в вину рабочим поставлено было нежелание их выполнять именно эту меру. Таким образом, ложным представляется самое обвинение, выставляемое против ревдинских углепоставщиков. Однако, уездный суд постановил шестерых крестьян, как «главнейших нарушителей тишины и спокойствия», наказать плетьми и как «вреднейших» сослать в Сибирь на поселение «в страх и пример прочих»; остальных было постановлено наказать батогами и палками и подвергнуть «полицейскому исправлению». Не оставлены были без соответствующего назидания и «сочинители» и переписчики прошений, которые ревдинские углепоставщики подавали с жалобой на своих заводовладельцев.

Цель таких тенденциозных и совершенно необоснованных судебных решений вырисовывается достаточно отчетливо: запугать заводские крестьянские массы, сделать невозможным малейшее проявление народного недовольства на будущее время. Если это и удавалось правительству, то только отчасти, потому что волнения на уральских заводах в изучаемую эпоху развивались непрерывною волною. При этом, чем дальше, тем они становились упорнее и организованнее. За примером далеко итти не приходится.

Посмотрим, в каком положении находился угольный вопрос на том же Ревдинском заводе в последующее время.

3 октября 1840 г. горное правление узаконяет однообраз-

ную меру для поставки угля на заводы:22.400 куб. вершков. Местные заводоуправления предпочли умолчать об этом указе, требуя от углепоставщиков выполнять уже практиковавшуюся меру угольного короба — 27.189 куб. вершков. Между тем, один из писарей ревдинской управы благочиния, служитель Шайтанского завода Сосунов, списав с указа копию, прочитал ее 9 ноября 1840 г. углепоставщику Ревдинского завода Ермилу Дрягину (крестьянину дер. Краснояра), советуя просить исправника об уменьшении размера короба. Дрягин тотчас же поделился полученными сведениями с другими угольщиками, назвав при этом указ горного правления «положением» или «штатом». Кроме того, Дрягин расширил содержание указа. По его словам выходило, что положение 30 октября 1840 г. подробно указывало, как содержать крестьян, точно обозначало нормы заводской работы, снижало плату за провиант и вообще значительно облегчало заводскую работу. Углепоставщики неоднократно обращались к исправнику с просьбой объявить им узаконенные штаты, но успеха не имели. В это время ни «скопов», ни «ослушания» еще не было. Особенно волновалась слухами о штатах деревня Краснояр. Сведения о «штатах» поддерживал унтер-шихтмейстер Криночкин, бывший раньше управляющим Ревдинским заводом, но отставленный от этой должности. Письмоводитель исправника Горбунов за 50 рублей брался даже добыть текст таинственного «положения». Все эти обстоятельства давали крестьянам основание подозревать, что со «штатами» на заводе дело не совсем чисто и что заводская администрация что-то скрывает от рабочих. Наиболее активные из углепоставщиков (напр., отец и сын Моксуновы) энергично повели агитацию. В результате всего этого вспыхнул бунт.

С 7 по 15 апреля 1841 г. рабочие «буйно и нагло» требовал объявления штатов для Ревдинского завода, выдачи 50-копеечного провианта и облегчения рабочей нормы. Для усмирения восставших понадобилась высылка военной команды. Волнение было подавлено с необычайной жестокостью. С обеих сторон были убитые и раненые: крестьян оказалось убитыми 33 чел., раненых взято в больницу 62 чел.; из военной команды тяжело ранеными оказались 1 офицер и 17 рядовых. Отметим некоторые моменты в Ревдинском восстании 1841 г., наиболее характерные для понимания его. Озлобление углепоставщиков не только проявилось по отношению к местному заводоуправлению, но было

направлено и против правительственных агентов вообще и против духовенства. 9 апреля принялись было усовещевать забастовавших углепоставщиков специально командированный для этого советник Карпов и местный священник, но успеха ни тот, ни другой не имели. Вот как доносил об этом в Петербург пермский губернатор:

«Дерзость бунтовщиков простиралась до того, что они явно оскорбляли советников и бывших при нем чиновников, поносили их непристойными словами, а священника называли изменником, миропродавцем и сообщником конторы. Когда приказано было взять самых главных зачинщиков, толпа воспротивилась этому, с шумом и криком: «ура! ребята, не поддавайтесь!» окружила самого советника,повлекла с собой, а сзади при крике «бейте его!» посыпались камни и палки».

Углепоставщики стараются придать своему выступлению организованный характер; они ежедневно собираются на площади, взаимно обязуются «стоять друг за друга до последней капли крови» и не выдавать своих товарищей. В бой с присланной для подавления волнений командою углепоставщики вступают спокойно, и даже тогда, когда команда начинает пальбу, они твердо остаются на местах, заявляя: «умрем за права свои». Мало того: они сами переходят в наступление, пуская в ход камни, куски руды и т. д. Были попытки обратиться за поддержкой к мастеровым других цехов Ревдинского завода и к рабочим Бисертского завода. Следствие потом установило, что некоторые из цеховых мастеров (главным образом кричные) «явно обнаружили намерение оказать им помощь» и готовы были остановить работу. На площади выражали сочувствие углепоставщикам мастеровые каменного и доменного цехов. Волнение могло выйти из узких рамок и принять характер монолитного рабочего движения.

Любопытно, что в разных инстанциях неодинаково реагировали на волнение ревдинских углепоставщиков. Уральское горное правление признало, что работы, налагаемые в Ревдинском заводе на углепоставщиков, превышают нормы не только казенных, но и всех окрестных частных заводов. Посему оно признало желательным некоторое ослабление этой нормы. Здесь сказались тенденции развивающегося капитализма, которому всегда в ы г о д н е е «свободный договор» с рабочими, чем остановка производства. Но военный суд, разбирая дело, пришел к выводу, что хотя обременение

углепоставщиков и имело место на заводе, однако это обстоятельство не могло быть поводом к волнениям. Последние возникли благодаря ложным слухам о каких-то штатах. Отсюда суд нашел возможным освободить заводоуправление от ответственности, возложив на него лишь расходы по всему этому делу. Очевидно, военный суд руководился в том же самом деле обратной тенденцией: крепостническими предпосылками самодержавного правопорядка. Но зато со всей строгостью суд отнесся к углепоставщикам: четверых из них, признанных «главными зачинщиками», постановлено было сослать в каторжные работы; 25 наиболее активных участников—отдать на военную службу, а если окажутся негодными к ней, то направить в арестантские роты и сослать в Сибирь. Из остальных 270 человек, привлеченных к суду, постановлено было каждого десятого по жребию наказать розгами [21].

Еще более, чем на казенных и посессионных, оставалось простора для злоупотреблений и произвола на частновладельческих заводах.

В качестве некоторой иллюстрации остановим свое внимание на волнениях рабочих Верхне-Исетских или Катавских (Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Юрюзанском и Миньском) заводах. Рабочие на этих заводах были обременены непосильной работой, а провиант они обязаны были покупать в местной конторе по весьма высокой цене. Например, в 1828 г. рожь на базаре стоила 35 коп. пуд, а заводская контора отпускала ее крестьянам по 75 к. Заводоуправление отпускало крестьянам для заводских работ лошадей и семена для посева, все это—в долг, который затем погашался ежемесячно вычетом из жалованья. Однако эти расчеты велись таким образом, что общая цифра долга каким-то образом не уменьшалась, а скорее обладала способностью увеличиваться, доходя до значительного размера—300—500 рублей.

Заводский исправник Пузыревский, которому было поручено исследовать причины волнений на Верхне-Исетских заводах графини Белосельской-Белозерской и который вовсе не заинтересован был реабилитировать крестьян, в своем донесении от 21 июля 1829 г. начальнику уральских горных заводов сообщает на этот счет любопытные вещи. Крестьянину Павлу Григорьеву, работавшему с 1 марта по 15 июня, причиталось от завода 10 р. 40 к., но Миньская заводская контора выдала ему только 2 р. 80 к., остальные же деньги

пошли в уплату долга Павла Григорьева, превышавшего 300 рублей. Откуда взялась такая цифра—это было секретом местной конторы.

Лошади, даваемые крестьянам для работ от завода, через 2—3 года отнимались обратно, но уже по низшей цене. Большим бременем для крестьян была работа по устройству и починке больших дорог. К заводской работе привлекались и дети моложе 12 лет. Ручной тележкой они ежедневно должны были вывозить по 150 пудов руды за ничтожную плату—20 к. При этом, если они вывозили пудом или одной тележкой меньше, то лишались платы за полный рабочий день.

Массовые злоупотребления заводоуправления переполнили в конце концов чашу терпения рабочей массы. В сентябре 1828 г. грамотный заводский служащий Илья Тараканов от имени всех заводских крестьян составил жалобу, к которой было собрано 2.571 подписей, и подал ее оренбургскому губернатору. Последний повел дело неумело: Тараканова он счел главным «возмутителем», заключил его в тюрьму, а расследование жалобы поручил управляющему теми же Катавскими заводами подполковнику Гаферланду, т. е. главному виновнику происходивших на заводах злоупотреблений. Скоро впрочем сознали непригодность такого следователя, заменив его земским исправником Юрюзанского завода Коуровым.

Но и Коуров не обнаружил достаточного такта в обращении с рабочими. Когда он прибыл в Юрюзанский завод для расследования причин происшедших там волнений, к нему обратился крестьянин Шерстенев с жалобой на злоупотребления приказчика Максима Костина. Вместо того, чтобы расследовать дело, Коуров приказал арестовать Шерстенева. Так как Костин достаточно вооружил против себя заводское крестьянское население, то рабочие не допустили взять Шерстенева под арест. Тщетно исправник призывал взбудораженное население к порядку и ласковыми уговорами и угрозами. Не действовали в желательном направлении и прочитанные во всеуслышание исправником высочайший манифест от 12 мая 1826 г. и указ правительствующего сената от 10 августа 1826 г.; тот и другой опровергали слухи о предстоящем будто бы освобождении крестьян от власти помещиков. Народ реагировал на это шумом, криком и бросанием камней в окна заводской администрации. Пришлось Коурову

поспешить со своим отъездом с завода и сообщить о всем происшедшем в Пермь губернатору.

Вслед за этим администрация Юрюзанского завода дала знать Коурову, что 75 человек урочных угледелов оставили свои работы по наущению Егора Шерстенева и ушли домой. Для расследования дела был командирован на завод и. д. заводского исправника Пузыревский, который выяснил, что крестьяне принципиально вовсе не думали оставлять работы, что последняя прекратилась сама собой вследствие дурной погоды, но что крестьяне страдают от произвола приказчиков, которые могут довести народ «до последней крайности».

Волнение разрасталось. Поводом к нему служило стремление крестьян, работавших на заводах, охваченных волнением, добиться освобождения из-под ареста Тараканова. Как местная заводская, так и губернская администрация отлично сознавали, что дело вовсе не в Тараканове, что вера заводского населения в благожелательное отношение к их нуждам правительства падает. Так как волнения охватывали ряд заводов и между волновавшимися рабочими установилась классовая солидарность, правительство имело все основания тревожиться. Надеяться на то, что водворить «спокойствие» можно будет при помощи заводской полиции, было наивно. Пришлось выписать военную команду из 300 человек (казаков, башкирцев и пехотинцев). Жестоко было подавлено волнение; была учреждена специальная временная судная комиссия, которая с небывалою по тому времени быстротой (в два с половиной месяца) произвела расследование и вынесла (24 октября 1829 г.) свой суровый приговор: 9 наиболее активных, по ее мнению, бунтовщиков были присуждены к смертной казни, 10 человек по лишении имущества постановлено было отправить в Уфимскую тюрьму [22].

Мы знаем случаи, когда на частновладельческих предприятиях волнуются вольнонаемные рабочие. На Всеволодо-благодатских золотых промыслах помещиков Всеволожских (в Верхотурском уезде) работало по найму около 700 государственных крестьян Усть-Сысольского уезда, Вологодской губернии. Связанные с предприятием лишь условиями найма, они держали себя независимо. Горный инженер Николаев 5 января 1838 г. жаловался по начальству, что некоторые из этих крестьян постоянно оказывали «неповиновение» смотрителям и штейгерам; несмотря на удовлетворение их полным содержанием, они не выходили на работы, наконец, раз-

били двери и окна конторы, где хранилось золото, избили писаря, казаков и штейгеров, запаслись хлебом и мясом и 4 января в количестве 300 человек ушли с промыслов, намереваясь пробраться к себе домой в Усть-Сысольский уезд.

Несколько позднее (10 января) Николаев дал знать, что многие из ушедших отстали от своих товарищей и проявили «покорность», вернувшись на работу, а остальные, в числе 182 человек, возвращены обратно при помощи воинской команды, а главные «возмутители» подверглись аресту.

Каковы были причины этого волнения? Николаев о них в своих рапортах красноречиво умалчивает. Но жандармский подполковник Коссинский постарался, применяя «секретные меры», разузнать о том, что толкнуло рабочих бросить работу. Вотчинная контора Всеволожских, испытывая хронический недостаток в деньгах, не только задерживала зарплату своим рабочим, но и пользовалась дурною репутацией в торговом мире. Предположения жандармского управления оказались основательными, и в своем рапорте по начальству от 6 марта Коссинский сообщает, что «неповиновение и буйство» крестьян на предприятиях Всеволожских произошло оттого, что крестьяне не получили следуемой им нормы хлебного продовольствия. Стало известным и то, что сама норма хлебной выдачи (два пуда муки в месяц) оказывалась для крестьян недостаточной, а «уроки» были признаны непосильными [22а].

Хотя жандармское управление положение работников на золотых промыслах Всеволожских признало тяжелым, объяснив это материальной расстроенностью вотчины, однако приведенный случай не был единичным. В подобном положении оказывались и рабочие на других промыслах, аналогичным же образом реагировавшие на чрезмерную эксплоатацию приисковых предпринимателей.

В декабре 1839 г. и в январе 1840 г. волновались рабочие на Крестовоздвиженских золотых промыслах кн. Бутеро. Вследствие чрезмерного отягощения работою и «за скудностью» содержания работавшие на Крестовоздвиженских промыслах крестьяне в количестве 600 человек в начале декабря оставили работу и всею массою двинулись в Пермь, чтобы подать жалобу губернскому начальству, а проживавшему в Верхних Мулах управляющему имениями кн. Бутеро Мейеру объяснить всю тяжесть золотопромышленных работ и просить о снижении уроков и об улучшении содержания. Губернская администрация встревожилась, и

заводскому исправнику заводов кн. Бутеро было предписано задержать двигавшуюся к Перми крестьянскую массу Исправник мог только успокоить губернатора, что крестьяне «совершенно покойны», но одновременно он должен был сообщить, что вернуться домой крестьяне не могут в виду отсутствия у них пищи и теплой одежды. Крестьяне остановились в Мотовилихе в ожидании решения своего дела. Сюда же, в сопровождении жандармского полковника, направился и губернатор. «Внушения» губернатора стали «внятными» для крестьян, и они сдались на волю правительства. Губернская администрация стала прилагать все усилия к тому, чтобы поскорее удалить беспокойный элемент из Мотовилихи. Посему заводоуправлению кн. Бутеро было предложено снабдить крестьян продовольствием и одеждою для немедленного отправления их на промыслы. Действительно, 300 крестьян немедленно возвратились на работу; вскоре же должны были направиться туда и остальные. Но заводоуправление кн. Бутеро не склонно было, очевидно, придавать большое значение происшедшему волнению, и 8 января в селении Северного прииска крестьяне вновь произвели «ослушание и буйство» в столь крупном размере, что администрации пришлось обращаться за военной силой к главному начальнику заводов Уральского хребта.

Последнее обстоятельство побудило крестьян стать на работу, но через неделю, 15 января,—они вновь прекратили работу и громадною толпою, в количестве 700 человек, вновь направились в Пермь для принесения жалобы на местное заводоуправление. Любопытны подробности этого нового возмущения промысловых крестьян. Толпа двигалась в известном порядке. Впереди шли малолетние и «насильно увлеченные к забастовке», позади выступали наиболее активные («главные зачинщики»), наблюдавшие, чтобы никто не отставал и не возвращался на прииски. Все убеждения вернуться обратно на работу и ожидать результатов расследования положения рабочих на приисках кн. Бутеро оказались тщетными. Не действовала и угроза выслать военную команду. Когда некоторые из выступавших впереди крестьян готовы были в с. Крестовоздвиженском повернуть обратно, из задних рядов стало раздаваться хлопание и крики «ура!» Задержавшись на 2 часа в с. Крестовоздвиженском, толпа направилась дальше в Пермь... Но чем дальше, тем больше редели ряды восставших. 15 января из этих рядов выбыло 145 человек, а на следующий день, 16 января, отстало еще 100 человек.

Все это, конечно, сильно дезорганизовало движение, дало повод как губернской, так и заводской администрации не высоко расценивать его. К сожалению, мы не знаем дальнейшего хода событий; наш источник досадно краток, но полагаем, что каких-либо существенных улучшений своего положения крестьяне не добились, и причин для новых волнений у них оставалось достаточно [23].

Мы рассказали о некоторых наиболее ярких случаях волнений уральского горно-заводского населения, отметили причины этих волнений и обрисовали отношение к ним правительства и заводской администрации. Для полноты картины классовой борьбы на Урале в эпоху крепостного права следует отметить и то, что не относились безучастно к своему тяжелому положению и другие категории угнетенных крестьянских масс. В конце 20-х годов волновались дворовые надворного советника Прокофьева, работавшие на его лесопилке в г. Чердыни. Жалоба, поданная ими на своего господина, рисует чудовищный произвол Прокофьева в распоряжении трудом и личностью своих рабов. «Азартность» Прокофьева выражалась в том, что он заставлял своих дворовых работать и в праздничные дни; условия работы были самые невозможные, вследствие чего рабочие постоянно простужались и болели. Кроме того, Прокофьев принуждал к сожительству с собой жен и дочерей своих дворовых, подвергая их жестокому наказанию за отказ от этого. Поданная дворовыми жалоба пермскому губернатору имела обратные результаты: мужчины, подавшие эту жалобу, были присуждены к военной службе, а неспособных к ней постановлено было наказать плетьми; следствие установило половые связи дворовых женщин со своим господином и квалифицировало этот факт, как половую распущенность,—разврат, но ответственность за все это возложило на пострадавших, предназначив их к церковному покаянию. По отношению же к самому Прокофьеву суд был весьма снисходителен, установив надзор за ним и запретив ему самолично наказывать своих крепостных [24].

Тяжело жилось и крепостной женщине. Барщина была обязательною и для них; при этом норма барщины не была точно регламентирована. Тяжесть положения усугублялась еще тем, что отбывавшие работу на заводах мужчины на-

долго устранялись от ведения своего собственного хозяйства, которое всецело ложилось на спину женщины.

В двадцатых годах XIX в., когда на Урале была сгущена атмосфера и волнения охватывали то один, то другой заводы, началось брожение среди крепостных женщин в б. Екатеринбургском уезде, в с. Куяш и в ряде деревень, входивших в состав имения наследников Турчаниновых. В 1825 г. крестьянки подавали жалобу на куяшского приказчика Игнатия Лазутина управляющему Сысертскими заводами, к которым принадлежали их деревни и на которых работали их мужья. В течение 3 лет они ожидали ответа на свою жалобу и не выходили на барщинную работу. В 1828 г. они вторично подают жалобу, и также безрезультатно. 5 июня 1828 г. куяшские женщины получили наряд на барские работы, но отказались итти туда, несмотря ни на уговоры, ни на угрозы. Было дано знать екатеринбургскому земскому суду, который постановил произвести на месте расследование и наказать виновных. 3 сентября 1828 г. в с. Куяш выехал суд. Женщины с ребятами на руках (не имевшие своих детей заняли у соседок) большой толпой явились к избе, в которой находилось присутствие суда. Суд указывал крестьянам на то, что население с. Куяш находится в положении помещичьих крепостных крестьян, следовательно, они обязаны отбывать барщину. Но женщины заявили, что поскольку их мужья выполняют заводскую работу, постольку они считают себя свободными от каких бы то ни было барщинных повинностей. Попытка суда арестовать наиболее активную крестьянку Потапову вызвала дружный отпор. Так как в это время в с. Куяш начали сходиться женщины из других деревень, то вступать в столкновение с большой толпой суд не нашел возможным. Только через некоторое время, пригрозив выслать в село башкирский отряд, суду удалось посадить под арест наиболее активных участниц волнений. Из Перми был командирован в с. Куяш чиновник особых поручений, который должен был отобрать от крестьян письменные обязательства о «безоговорочном» выполнении крестьянками барщинных работ. Одиннадцать крестьян и восемь крестьянок получили: мужчины по 30, а женщины по 25 ударов; 5 человек (из них 3 женщины) решено было сослать в Сибирь на поселение. Волнение было подавлено [25].

Скажем несколько слов о происходивших на Урале в первой половине XIX в. волнениях так называемых старообрядцев. В исторической науке уже давно существует взгляд на

старообрядчество, как социально-политическое движение, направленное против господствовавшей в то время правительственной системы. Спасаясь от дворянско-полицейского режима, старообрядцы с первых лет своего исторического существования бегут на окраины: в Поморье, на Урал, на Дон, в Белоруссию и т. д. Уральское заводовладение поощряло приток на заводы старообрядческого населения, создавало наиболее приемлемые для старообрядцев условия существования. Прикрываясь поддержкой влиятельных заводовладельцев, старообрядцы беспрепятственно строили на заводах свои часовни, молельни и образовывали целые скиты (напр., на Яковлевских заводах). На одних только Демидовских заводах старообрядцев в 1735 г. насчитывалось до 1.860 душ, а в 1840 г. число их доходило до 12.627 душ (обоего пола), причем на Н.-Тагильском заводе их было до 5.300 душ. Старообрядцы Н.-Тагильского завода сплошь были беглыми из русского центра и принесли с собой на Урал сильную ненависть к существовующей правительственной системе.

В 1781 г. богатый старообрядец Рябин построил для старообрядцев в Н.-Тагиле часовню, объединявшую не только местных, но и вообще соседних старообрядцев. В 1838 г. эта часовня была закрыта и передана единоверцам. Этот поступок вывел из себя старообрядцев, которые были недовольны правительством и по другому еще поводу: зарплата выдавалась им не ассигнациями, а депозитными билетами по исчислению их на серебро. Против передачи часовни стали открыто раздаваться голоса... Для внушения заблудшим повиновения по распоряжению начальства был командирован на Н.-Тагильский завод осинский уездный судья Соболев. «Внушение» Соболева оказалось действенным, особенно после того, как были удалены на лесные и горные работы подстрекавшие крестьян к волнениям чтецы и певцы при часовне, а 30 женщин из состоятельных домов, наиболее оказывавших сопротивление передаче часовни единоверцам, были отправлены нарядом на рудники. Для окончательного разбора дела был организован своеобразный суд под председательством вице-губернатора и с участием подполковника жандармского корпуса Жадовского, асессора пермской палаты уголовного и гражданского суда Пещанского, уездных судей Соболева (Осинского у.), Анисимова (Екатеринбургского у.) и троих заводских чиновников. Выведенным в помещение суда обвиняемым были

прочитаны по старопечатному тексту соответствующие стихи из 13 главы послания ап. Павла к римлянам о повиновении «властям придержащим». Обвиняемые признали свои заблуждения и обязались подпискою воздействовать в соответствующем направлении на своих товарищей. Единственно, против чего они возражали, это—против насильственного присоединения их к единоверию. Когда полиция стала запечатывать часовню, то только 200 человек (главным образом женщины) оказали сопротивление: их пришлось выводить оттуда силой, а для разгона толпы были применены пожарные насосы, действовавшие водой с сажей.

Почти одновременно вспыхнуло волнение крестьян-старообрядцев на соседнем (в 20 верстах от Н.-Тагильского) Черноисточинском заводе. Повод был аналогичный. На заводе с 1761 г. существовала старообрядческая часовня, которая с 1839 г. была запечатана согласно правительственному распоряжению от 9 июня того же года. В этом акте местное старообрядческое население усмотрело вмешательство правительства во внутреннюю жизнь старообрядцев и посягательство на их свободу. Началось волнение, которое могло принять внушительные размеры в случае совместного выступления черноисточинских старообрядцев с н.-тагильскими. Но когда н.-тагильские старообрядцы смирились, черноисточинская заводская администрация решила не применять к своим старообрядцам суровых мер воздействия. Даже арестованных главарей после соответствующих «внушений» выпустили. Правда, глухое брожение среди населения продолжалось. Ходил слух, впрочем не подтвердившийся, что среди группы старообрядцев Черноисточинского завода собрано оружие (топоры, ножи и т. д.). Численностью старообрядцы превосходили единоверцев и православных, и раздражать их не было никакого смысла. Часовню оставили за старообрядцами. Пермский губернатор 25 мая 18402 г., объясняя недавнее волнение черноисточинских старообрядцев их «невежеством» и боязнью обращения в единоверие, просил министра внутренних дел ходатайствовать о всемилостивом прощении виновных [26].

В 1843 г. в Строгановском селе Филатовском волновались крестьяне-старообрядцы, которых православные миссионеры принудительным образом переводили в единоверие. Графиня Строганова в угоду администрации решила было построить единоверческую церковь. Все работы по

постройке должны были вести крепостные крестьяне-старообрядцы; денежные расходы в сумме 7.000 рублей падали на них же. Не следует забывать, что в течение ближайших 50 лет крестьяне построили на свои средства уже 3 церкви (в с. Ильинском, Васильевском и Слудском). Крестьяне прежде всего решительно отказались заготовлять строительный материал и рыть рвы для фундамента. Тогда за счет крестьян были наняты рабочие. Крестьяне начали волноваться; явившись к месту работы, они засыпали землею вырытый ров, разогнали рабочих, а приказчика и старосту пригрозили убить. На следующий день собрался многолюдный крестьянский сход, сменивший сельскую администрацию. Прибывший для расследования дела чиновник (некто Соболев), несмотря на мольбы крестьян не строить никому не нужной единоверческой церкви (единоверцев было в с. Филатовском немного), настоял на закладке ее. За «буйство» и «своевольство» крестьян наказали розгами, а более активных в количестве 11 человек заключили в пермскую тюрьму.[27]

Следует отметить, что в последние годы перед реформой отношения между крепостными рабочими и предпринимателями на уральских заводах обострились до такой степени, что в ряде известных нам случаев волнений само правительство не склонно было поддерживать заводовладельцев, опасаясь возможных осложнений.

В качестве примера приведем события, имевшие место в 1859 г. на Юрюзанском заводе (Оренбургской губ.), где, сколько нам известно, не было сильных волнений чуть ли не со времен пугачевщины. В августе 1859 г. 80 крестьян побросали работы в рудниках и дровосушильнях и разбежались по разным селениям в соседнем уезде. Заводовладелец генерал Сухозанет, сообщая об этом, обратился к губернской администрации с просьбой о предании беглецов военному суду. Так как Сухозанет был известен в правительственных кругах суровым обращением с рабочими, то было произведено дознание, выяснившее другую картину событий. Оказалось, что скудно обеспеченные крестьяне в свободное от работы время не массою, а в одиночку расходились на сторону в поисках насущного хлеба. Было обнаружено и то, что заводоуправление этих уходивших крестьян подвергало жестокой порке. Дознание выявило также крайне тяжелое положение заводских рабочих на Юрюзанском заводе. Производивший дознание исправник должен был признать, что «ни

один почти мастер, работая все семь дней в неделе, не в состоянии выделать назначенного по положению урока». Не выработавший этого урока подвергался вычету из зарплаты, в зависимости от недоработки, вследствие чего часто мастер вместо получения платы за месячную работу оказывался должным заводу. Наиболее высокая плата заводскому мастеру составляла 20 рублей, но фактически мастеровой, имеющий семью в 7 человек и более, получая в месяц рублей 8 и меньше, а иногда и ничего. Престарелым и инвалидам никакого пособия не выдавалось. Иногда, впрочем, заводская контора, продавая в счет заработной платы хлеб своим рабочим по повышенной цене, составляла из этой излишней против нормы суммы специальный капитал, который затем и распределяла среди престарелых, инвалидов и трудящихся малолетних. Мастеровые Юрюзанского завода в сравнении с рабочими других заводов находились в худших условиях и в отношении рабочего времени. Заводская контора не признавала ни воскресных, ни праздничных дней. В интересах наживы Сухозанет жертвовал и своим верноподданническим чувством, отменив и царские неприсутственные и нерабочие дни *. В ноябре 1857 г. на работы по устройству плотины обязаны были явиться даже беременные женщины и матери с грудными детьми, несмотря на холодную погоду.

В большом ходу были на заводе телесные наказания, ослабленные только в последние два года, «вследствие исключительности времени». Правда, заводоуправление с невинным видом заявляло, что осенью 1858 г. «было наказано только 40 человек, и самая высшая мера наказания не простиралась более 100 ударов розог». Сообщение это в значительной мере справедливо, так как несколько лет тому назад главный приказчик Абаимов получил 700 ударов .

Главный начальник уральских горных заводов на запрос губернской администрации относительно положения рабочих на Юрюзанских заводах дал следующий весьма характерный ответ: «На всех вообще частных заводах Оренбургской губернии размеры плат нельзя назвать удовлетворительными, но так как крестьяне не жалуются на бедность содержания, то горное начальство не имеет ни повода, ни права к какому-либо вмешательству».

* На заводах казенных праздничные и высокоторжественные дни соблюдались строго. Вообще рабочих дней в году было не более 250. (К. Пажитнов. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. Арх. ист. труда в России, ч. I, стр. 19—24).

Однако такое флегматичное отношение высшей заводской администрации к положению рабочих в дальнейшем было уже и опасным и недопустимым. Мы знаем, что 8 декабря 1860 г. главный начальник уральских горных заводов Фелькнер побывал на Юрюзанском заводе лично, и ему пришлось выслушать жалобу 100 слишком рабочих на недостаточность заработной платы. Хотя заводская администрация к прежней заработной плате 70.000 рублей прибавила еще 21.345 рублей, но это была весьма ничтожная прибавка, так как жизнь в сравнении с прежними годами вздорожала значительно. В качестве справки приводилось то, что за хлеб заводоуправление вычитало по 43 коп. за пуд и выдаваемая на руки плата была столь ничтожна, что ее нехватало для покупки необходимого количества хлеба. Так как на казенных заводах продовольствие рабочие получали бесплатно и на близлежащих Симских заводах за отпускаемый хлеб вычиталось (при одинаковой заработной плате) только по 24 коп. за пуд, то Сухозанету было сделано соответствующее указание, вследствие чего он должен был сбавить цену за хлеб до 35 коп. за пуд.

Высшая администрация не по каким-либо соображениям гуманности старалась воздействовать на хщного заводовладельца. Время было весьма тревожным. Назревали события, весьма опасные для помещичьего класса. Вот о чем писал в мае 1858 г. главный приказчик того же Юрюзанского завода Абаимов: «В нынешнее время очень стало трудно управляться. Мужичье — дураки, ничего не понимают, и как до сих пор живут на цепи, то и желают сорваться, как обыкновенно срываются цепные собаки и по воле не могут набегаться. А как уже из зла ко мне были зажиги (поджоги), то боюсь, как бы вместо подкладки огня под угольные сараи не подложили огня в людей... Зажигатели все же около меня, и прошлогодняя искра не погасла. Вот причина, по которой я боюсь этой обязанности, как огня, и сочту себе в награду, ежели генерал освободит меня» [27а].

Так чувствовал себя не один Абаимов. Не только власть на местах, но и сам Александр II сильно побаивался всероссийского мужицкого пожара.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НА УРАЛЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разложение крепостной системы на Урале в первой половине XIX ст.— Кризис посессионного заводовладения. — Подготовка крестьянской реформы.—Принципы ее применительно к особенностям Урала.— Уставные грамоты и волнения, сопровождавшие введение их в жизнь.

Накануне крестьянской реформы 1861 года, среди той дворянской помещичьей группы, которая обсуждала и проводила в жизнь эту реформу, совершенно не оказывалось защитников крепостничества. Вопрос шел только о методе реформы, но не по существу: быть ей или не быть. Однако, лет за 30 пред этим не только волнения крестьян на Расторгуевских или Демидовских заводах, но и безобидные теоретические рассуждения крестьянской молодежи на Чермозском заводе о ненормальности крепостного права производили панику в правящих кругах и как «злонамерное предприятие» вызывали жесточайшие репрессии [28]. Почему же дворянское правительство к 60 годам стало более уступчивым и более терпимым по крестьянскому вопросу? Историк-экономист в ответ на это станет развивать целую теорию о преимуществах вольнонаемного труда в земледельческом хозяйстве; при этом будет приведена вполне точная справка о том, что в 50-х годах (даже и раньше) повысился спрос на наш хлеб на заграничном рынке. Энергично заработавшее на внешний сбыт помещичье хозяйство становилось все более и более буржуазным; одним же из основных свойств буржуазного хозяйства является юридически свободный работник. Все это, конечно, вполне справедливо. Вольнонаемный труд все более и более завоевывал себе права гражданства не только в области обрабатывающей промышленности, но и в земледельческом помещичьем хозяйстве. Но идея преимущества вольнонаемного труда усваивалась медленно и вряд ли она была отчетливо осознана помещиками и накануне самой реформы. Самарин, оче-

видно, имел достаточно оснований в свое время утверждать, что почти все помещики (накануне реформы) убеждены были в том, что заведение хлебопашества на коммерческом основании, при вольном найме рабочих, было бы убыточным для помещика. Нет ничего, следовательно, удивительного в том, что приходилось «подстилать соломки», чтобы сделать для отсталого помещика переход к новым формам эксплоатации крестьянского труда незаметным. Проще разрешался вопрос в отношении оброчных крестьян, особенно в тех случаях, когда в пользовании крестьян находилась вся вотчинная земля. Раз положение крестьян при таких условиях приравнивалось к положению вольных арендаторов, то при удовлетворительном разрешении вопроса о выкупных платежах принципиальных возражений против отмены крепостного права с этой стороны ожидать не приходилось. Ликвидация крепостного права вызывалась потребностями и внутреннего рынка, поскольку «пока существовало крепостное право, внутренний рынок расширяться не мог». Фабрикант и заводчик, в погоне за вольнонаемным трудом, стали освобождать своих крепостных и посессионных, не дождавшись всеобщего раскрепощения. Но до самого конца 50-х годов вопрос о ликвидации крепостного права, хотя и был очередным, все же не получил окончательного разрешения. Значительно меняется дело в конце 50-х годов. Теперь история уже не позволяет помещикам долгое время заниматься теоретическими рассуждениями. Обсуждение методов реформы идет усиленным темпом, порывисто, нервно, и в качестве одного из наиболее убедительных аргументов к скорейшему разрешению крестьянского вопроса выдвигается то, что «если не освободить крестьян сверху, они станут освобождаться снизу». При таком самовольном, чисто революционном уничтожении крепостных отношений пришлось бы поступиться не только барщиной, но и многим другим.

Страх перед новой пугачевщиной в 40—50 годах XIX в. был небезосновательным. За всю николаевскую эпоху зарегистрировано было около 556 крестьянских волнений. В частности случаи крестьянских бунтов распределяются таким образом: 1830—1834 гг.—46 волнений; 1835—1839 гг.—59 волнений; 1840—1844 гг.—101 волнение; 1845—1849 гг.—172 волнения; 1850—1854 гг.—137 волнений [29]. Крестьянские бунты терроризовали николаевское правительство, и не случайно при обсуждении в 1842 г. вопроса об обязанных

крестьянах Николай I вспоминал о Пугачеве. Следует отметить, что наши источники в виде донесения местных властей о том или другом случае крестьянского бунта, весьма красноречивые до мельчайших подробностей при передаче фактической стороны дела, чрезвычайно скупы и сдержаны в освещении внутренней стороны процесса. Многое, интересующее нас именно в этом отношении, поэтому представляется недоступным для изучения. Однако некоторую эволюцию в крестьянских волнениях николаевской эпохи проследить возможно.

Прежде всего, эти волнения разрастались количественно, в каждом отдельном случае охватывая бо́льшую площадь и более значительный круг лиц, вызывая необходимость прибытия для подавления волнений целых эскадронов (например, для усмирения крестьянских волнений в 1855 г. в Киевской губ. понадобилось 16 эскадронов). Прекрасно знакомый с бытом крепостной усадьбы, упомянутый уже нами Самарин сообщал по этому поводу следующее: «Прежняя безропотная покорность крепостных людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением, несмотря на то, что суровость и жестокость в личном обращении с ними еще быстрее смягчается». Это обстоятельство позволяет Самарину думать, что «ничтожный беспорядок может легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания». Вообще, по замечанию Самарина, в 40—50-е годы крестьянин уже изменил «свой взгляд» на помещика.

К таким же выводам мы можем притти после изучения крестьянских волнений в горнозаводском Урале в эпоху, предшествовавшую крестьянской реформе́ 1861 года. Нельзя не отметить того обстоятельства, что чем позднее происходит народное волнение, тем оно организованнее и ожесточеннее, тем отчетливее классовое сознание участников волнения, и тем свирепее реагирует на него дворянское правительство. От протеста против жестокостей помещика крестьяне постепенно приходят к протесту против института крепостного права вообще.

Какие были стимулы реформы 1861 года на Урале? На Урале не было,—в большом, по крайней мере, количестве,—таких крупных предпринимательских помещичьих хозяйств, как в черноземной полосе России. Мы в свое время имели случай видеть, как складывалось крепостническое землевладение на Урале. Специфические особенности хозяйства

Урала не вызывали здесь таких оживленных дебатов о сравнительном превосходстве вольнонаемного труда, какие приводились на страницах тогдашних органов русских аграриев по отношению помещичьего хозяйства черноземной полосы. На Урале существовал значительный кадр горнозаводского крестьянства, поставленного в необходимость обслуживать уральские горные заводы. Весьма характерно, что и среди уральских заводовладельцев всех разрядов и сословий мы не наблюдаем той дискуссии о большей продуктивности вольнонаемного труда, какая в это время проводилась в печати наиболее передовыми экономистами русского центра. Прежде всего мы не должны забывать о той своеобразной организации труда, которая была заведена на уральских заводах в крепостную эпоху.

Уральские заводы в достаточной степени были обеспечены мастеровыми и непременными работниками, т.-е. они располагали нужным кадром квалифицированной и чернорабочей силы. Связывал уральского заводовладельца лишь посессионный рабочий, которого он не мог удалить с завода без соответствующего распоряжения правительства. На посессионных предприятиях крепостнические отношения стали разлагаться в первую очередь. Внешним обнаружением этого внутреннего процесса разложения могут служить те правительственные мероприятия, которые были направлены к сокращению посессионных рабочих. Например, закон 20 декабря 1824 г. разрешал заводовладельцу и фабриканту увольнять фабрично-заводских посессионных крестьян в другие звания. Появление в свет этого закона вызвано было тем обстоятельством, что незадолго пред этим некоторые посессионеры-фабриканты и заводчики просили правительство дать свободу их подневольным рабочим. Но в 20-х годах говорить о массовом раскрепощении крестьян считалось недопустимым. По целому ряду экономических условий крепостной труд в общерусском масштабе продолжал оставаться наиболее удобным. Можно было говорить лишь об отдельных случаях раскрепощения, обставленных к тому же рядом условий, напр., для каждого отдельного раза требовалось специальное разрешение комитета министров. Однако уже самый факт появления подобного разрешения, хотя и с большими ограничениями, свидетельствует о нарушении одного из основных принципов посессионного права — неотделимости посессионного рабочего от завода или фабрики.

Несколько позднее, в 1835 г., правительство в отношении посессионных крестьян идет еще дальше. Владельцы посессионных фабрик и заводов получили право отпускать по паспортам своих посессионных крестьян и мастеровых. Характерно то, что оброк с уходящих крестьян поступал не в пользу заводовладельца или фабриканта, а на удовлетворение общественных мирских нужд. Заводовладелец или фабрикант тем не менее находил для себя выгодным отсылать от себя подневольного рабочего. Закон 18 июня 1840 г. предоставляет увольнение рабочих с завода полному усмотрению фабриканта и заводчика. Последние могли получать вознаграждение от казны в размере 36 рублей серебром с ревизской души мужского пола, если увольняемый рабочий был приобретен покупкой или приписан к заводу с уплатой денег заводовладельцем в казну. Следует упомянуть, что, отпуская своего посессионного, заводовладелец или фабрикант обязаны были представить на душу мужского пола по 50 рублей и по 20 рублей ассигнациями на душу женского пола и, кроме того, на перевозку на каждую душу по 20 рублей. Это последнее обстоятельство требовало от заводовладельца значительных денежных затрат и тормозило даже частичное раскрепощение посессионных рабочих [80]. Примем во внимание и то обстоятельство, что посессионное право для уральского заводовладельца предоставляло не только рабочие руки посессионных крестьян, но и значительные земельные угодья, леса и т. д. Посему целью крестьянской реформы для посессионных уральских заводовладельцев было: 1) разгрузить заводы от крепостного балласта, 2) создать такие экономические условия, при которых заводовладелец не будет испытывать недостатка в рабочих руках. Все же это возможно было бы при условии сохранения за заводами если не полностью, то в максимальном размере отведенных для него земельных угодий.

Таким образом, крепостники уральские, как и помещики центральных областей, прежде чем приступить к акту большой важности — реформе крепостного состояния, — затянули бы бесконечные разговоры о том, как осуществить без ущерба для себя ликвидацию крепостного права. Но обстоятельства не благоприятствовали этим чисто теоретическим рассуждениям. Время было чрезвычайно тревожным. Неудачная Крымская война, окончившаяся тяжелым для России Парижским миром (в 1856 г.) и потерей внешних рынков на Ближнем Востоке, требовала отвлечь внимание

«общества» от внешних дел. Крестьяне «бунтовали» уже под другими лозунгами: не уменьшение барского произвола, а полная отмена крепостного права была написана на знамени крестьянских волнений второй половины 50-х годов. Нельзя было игнорировать возможность и даже неизбежность повторения пугачевщины и на Урале, где много материала для этого накопилось от предшествующего времени. Этим и объясняется та нервность, с которою правительство Александра II торопило деятельность дворянских комитетов, заявляя, что лучше будет освободить крестьян «сверху», не дожидаясь освобождения их «снизу».

Состав крестьянского населения на Урале накануне реформы 1861 года отличался большой сложностью. На территории бывшей Пермской губернии крестьян, работавших на казенных заводах, числилось 46.500 душ. В бывшей Оренбургской губернии, которая до 1865 г. была соединена с Уфимской, крестьян, «занимающихся заводскою промышленностью», было 47.215 душ. Государственных крестьян в бывшей Пермской губ. насчитывалось 497.448 душ; удельных в бывшей Оренбургской губ. — около 18 тысяч (56.760 душ обоего пола); приблизительно столько же (18.026 душ м. п.) удельных крестьян было и на территории бывшей Пермской губ. Помещичьих вотчинных крестьян в бывшей Пермской губ. насчитывалось 156.321 душа мужского пола, в Оренбургской губ. — 66.600 душ мужского пола.

Уже такой разнородный состав крестьянского населения на Урале показывает, что реформа 1861 года здесь отличалась большею сложностью, чем в русском центре. Своеобразная же организация горнозаводского крестьянского населения окрашивала эту реформу на Урале в специфические тона.

Вопросом об улучшении быта помещичьих крестьян «занялись» на Урале местные дворянские комитеты 1859 г.: пермский и оренбургский. Но компетенции этих комитетов подлежали только крепостные помещичьи крестьяне, находившиеся в ведении министерства внутренних дел, крестьяне-земледельцы. Крестьяне посессионные числились в ведении министерства финансов и разбиты были по двум департаментам: 1) приписанные к фабрикам и заводам «мануфактурной производительности» находились в ведении департамента мануфактур и внутренней торговли; 2) приписанные к горным промыслам и заводам числились по департаменту горных и соляных дел. Следует отметить некото-

рые варианты в отношении распределения горнозаводских крестьян по министерствам. В ведении министерства финансов находились и те крестьяне, которые принадлежали частным заводчикам, владевшим заводами на правах полной собственности, но которые (крестьяне) были приписаны к самому заводу. В ведении министерства внутренних дел (а не министерства финансов) состояли крестьяне, работавшие на частных помещичьих (дворянских) фабриках, мануфактурах и заводах, крестьяне так называемые подзаводские, выполнявшие на частных горных заводах вспомогательные работы, и крестьяне, работавшие на соляных промыслах. Устройством быта этой категории крестьян, отбывающих работы на горных заводах и соляных промыслах, занялись редакционые комиссии, составившие два проекта, вошедших позднее, как увидим ниже, с некоторыми изменениями в положение 19 февраля 1861 года. Указом 16 марта 1861 г. действие этих «дополнительных правил» было распространено и на посессионных крестьян, охватывая таким образом всех крепостных фабрично-заводских крестьян. Любопытна судьба этих проектов «дополнительных правил о крестьянах, отбывающих работы при частных горных заводах и соляных промыслах». Когда начались работы по составлению положения, некоторые оренбургские заводовладельцы, а также и пермские заводчики-посессионеры стали ходатайствовать о разрешении организовать свои комитеты для обсуждения принципов предстоящей реформы. В качестве мотивов они указывали на то, что создается крайне неудобное различное положение на заводах крестьян собственно заводских, состоящих в ведении горного управления, и крестьян вотчинных, подзаводских, выполняющих заводские работы, но существующих на вотчинном праве. Мысль заводчиков вполне понятна. Они добивались предоставления проведения будущей реформы в их руки; посессионеры, в частности, были заинтересованы в закреплении за собой предоставленных им от казны «пособий» в виде земель, лесов и других угодий, из которых они, разумеется, уделили бы своим крестьянам ровно столько, сколько это нужно было бы для обеспечения заводов рабочею силою. Сначала разрешено было учредить 3 отдельных комитета из заводовладельцев, а затем (по ходатайству Строганова и 6 других пермских заводовладельцев) заводчики-посессионеры были допущены в заседания пермского дворянского комитета. Результаты всего этого выразились

в том, что первоначальный проект устройства быта горнозаводского населения, отразивший на себе интересы заводовладельцев, пополнился в их же интерсах новыми статьями и был ограничен горными заводами и соляными промыслами Пермской губернии. В таком виде эти «дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов» и вошли в положение 19 февраля. Эти правила и определили поземельное устройство горнозаводского населения заводов: Алапаевских, Верхне-Исетских, Невьянских, Нижне-Тагильских, Ревдинских, Сысертских, Шайтанских, Омутницких, Холуницких и Кажимских.

Заводское рабочее население, как в свое время мы уже говорили, делилось на две категории: 1) мастеровых, занимавшихся исполнением технических работ на заводах, и 2) сельских работников, отправлявших различные вспомогательные работы для завода и в то же время не оставлявших хлебопашества. За несколько времени до официального обнародования положения 19 февраля происходило загадочное для непосредственного наблюдателя и выяснившееся только впоследствии явление: заводовладельцы стали увеличивать количество так называемых мастеровых за счет численности сельских рабочих. Фиктивное повышение квалификации однакож не сулило какой-нибудь реальной выгоды рабочему, так как несколько позднее этот разряд горнозаводского населения был совершенно обделен землей Таким образом, уже заблаговременно крепостники-заводовладельцы позаботились создать при своих заводах значительный контингент резервной трудовой армии в виде горнозаводских крестьян, совершенно не обеспеченных землей и вынужденных итти на заводскую работу. Даже на казенных заводах количество мастеровых возрастает за счет заводских сельских работников. Перевод последних в категорию мастеровых продолжается и после опубликования положения 19 февраля, сопровождаясь обычными последствиями в отношении земельных наделов этих крестьян. Согласно изданным 8 марта 1861 г. положениям относительно наделения землею казенных горнозаводских рабочих, принадлежавшие как мастеровым, так и урочным работникам усадьбы (строения и земля под ними) с примыкающими угодьями были оставлены в собственность их владельцам безвозмездно. Тем из мастеровых, которые при заводах имели сенокосный участок, за определенный оброк

в пользу завода отводилось по одной десятине сенокоса. При этом десятина сенокоса отводилась тогда, когда существующий надел или равнялся десятине или превышал это количество. В тех же случаях, когда наличный сенокосный надел был меньше десятины, он не подвергался изменениям, т.-е. не увеличивался. Что же касается так называемых сельских работников, то усадьбы они должны были получить на общих основаниях, а пахотные и сенокосные земли, которыми они, по действовавшему горному уставу, пользовались, оставлялись за ними навсегда за определенный оброк в пользу завода. Расчисти (покосы и пашни) должны были оставаться в пожизненном пользовании лиц, их разрабатывавших, и в число надела не входили.

Поземельное устройство заводского населения частновладельческого и посессионного определялось следующими положениями. Те мастеровые и рабочие на частных заводах, которые числились данными от казны, сохраняли свою усадьбу (на основании ст. 446 горного устава), подобно мастеровым на казенных горных заводах; прочие же заводские люди, как мастеровые, так и сельские работники, не получившие от заводовладельцев усадеб в собственность безвозмездно, могли выкупать свои усадьбы в размере 6 рублей в год с десятины. Точно так же должно было поступать и в отношении крепостных мастеровых частных горных заводов, именно: заводские мастеровые, имевшие оседлость и пользовавшиеся сенокосными участками, получали право на 1 десятину на душу покоса в тех вотчинах, где данный надел существовал именно в таком размере; в тех же местах, где существовавший надел был меньше десятины, он должен был оставаться таким и на будущее время. Были случаи, когда заводские мастеровые пользовались пахотною землею. Относительно их было решено оставить за ними земельные пахотные участки и впредь за соответствующие повинности в пользу завода. Но размер этих участков отнюдь не должен был превышать норму земельного надела в той местности для других крестьян, вышедших из крепостного состояния. Большое значение имеют следующие две статьи цитируемых положений: 1) не имеющие пахотных участков мастеровые не должны и претендовать на них; 2) заводовладельцы могут менять пахотные участки для заводских мастеровых, принимая во внимание «интересы завода». Последняя статья предоставляла заводовладельцам широкий простор для экономического за-

крепощения мастерового. Что же касается земельного надела «сельских работников», которые и до реформы пользовались земельными пахотными участками, то новое узаконение на них распространило общие положения, установленные для всех вышедших из крепостного состояния крестьян, с некоторыми только изменениями, соответственно особенностям их положения, как горнозаводских сельских работников.

При определении размера земельного надела крестьян, выходивших из крепостного состояния, тогдашняя центральная помещичья Россия была разделена на 3 полосы: 1) нечерноземную, 2) черноземную и 3) степную. Каждая из указанных полос дифференцировалась еще на местности. Так, например, нечерноземная полоса делилась на 9 местностей, черноземная—на 8 местностей, степная—на 5 местностей. Бывшая Пермская губерния распределялась между двумя полосами: нечерноземною и черноземною.

В частности, к нечерноземной полосе относились уезды:

7-я местность: Екатеринбургский уезд (нечерноземная часть его); высший надел 5 дес. 1.200 кв. саж., низший— 1 дес. 2.000 кв. саж.

8-я местность: Кунгурский, Оханский, Чердынский; высший надел 6 дес., низший — 2 дес.

9-я местность: Соликамский уезд; высший надел 7 дес., низший — 2 дес. 800 кв. саж.

К черноземной полосе отнесены были:

7-я местность: Екатеринбургский уезд (черноземная область его), Ирбитский, Осинский и Шадринский уезды; высший надел 5 дес., низший — 1 дес. 1.600 кв. саж.

8-я местность: Красноуфимский уезд; высший надел 6 дес., низший — 2 дес.

Отнесение данного крестьянского общества к той или другой местности еще не гарантировало крестьянам ни определенного размера надела, ни цифры выкупного платежа. Положение 19 февраля то и другое предоставляло на благоусмотрение помещика. В «общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», по этому вопросу сказано довольно определенно: «наделение крестьян землею и другими угодьями, а равно и следующие за сие повинности в пользу помещика, определяются преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению»... Для этого составляются «уставные грамоты, в которых должны быть определены

постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами. Составление таковых уставных грамот предоставлялось самим помещикам» [32].

Устраненная от обсуждения принципов реформы при подготовке ее, крестьянская масса не была допущена и к практическому проведению в жизнь положений 19 февраля. Между тем эта масса была наиболее заинтересованною стороной во всей этой реформе. До крестьян долетали слухи о какой-то «свободе», о предстоящей перемене их положения. Но эту свободу крестьяне понимали как полное освобождение от какого бы то ни было оброка или барщины. Получение земли в достаточной мере почиталось необходимым условием этой реформы. Во всяком случае, крестьяне не предполагали возможности каких-либо отрезок от тех наделов, которыми они пользовались при крепостном состоянии. Само собой понятно, что положение 19 февраля внесло сильное разочарование в крестьянские массы. Воля, возвещаемая манифестом 19 февраля, далеко не соответствовала ожиданиям народа. Это выразилось при самом чтении манифеста в церкви, откуда народ, по рассказам очевидцев, расходился «с поникшими головами». «Манифесту никто не обрадовался, от крестьян ни слова, ни звука радости», сообщает один сельский приказчик центральной русской губернии. Мужицкая мысль заработала энергично. Крестьянин не мог или, по крайней мере, не хотел думать, что царь обманул его, поэтому весьма популярною была мысль о фальсификации положения 19 февраля, возвещавшего «неполную волю», волю, «подмененную господским указом». На ряду с этим существовала и другая версия, что подлинная, настоящая воля последует через 2 года, т.-е. 19 февраля 1863 г. Поэтому крестьяне решительно отказывались от каких бы то ни было соглашений с помещиками в ожидании «полной» воли.

Поводом к открытым столкновениям крестьян с помещиками и местной губернской администрацией служили попытки ввести в действие уставные грамоты. Уставные грамоты почти всегда вызывали взрыв негодования в народных массах крайне невыгодным для крестьян разрешением аграрного вопроса и неимоверно высокими выкупными платежами. «Недоразумения», «беспорядки» и «волнения» начались сразу же после опубликования манифеста и положения. Волновалась вся крепостная народная масса.

По официальным данным министерства внутренних дел, за 2 года (1861—1863) произошло 1.100 волнений, т.-е. больше, чем было зарегистрировано в министерстве внутренних дел за предшествующие 35 лет. В частности, в 1861 г. волновались крестьяне в 39 губерниях, в 1862 г. по 37 губерниям и в 1863 г. по 31 губернии [33]. Вообще все крестьянское движение 1861—1863 годов, несмотря на разрозненность отдельных выступлений, было объединено общим недовольством реформою. Озлобленные против помещиков, как главных виновников своего несчастья, крестьяне держали себя в высшей степени лойяльно по отношению к органам правительственной власти. Поражает нас проявленная к крестьянам чрезмерная жестокость, для подавления восстания почти всегда даже излишняя, свидетельствующая разве лишь о том, насколько запуганы были помещики и дворянское правительство возможностью новой пугачевщины. Крестьян секли так часто и так много, как никогда раньше. Недаром у них складывалась уверенность, будто бы в самом положении есть специальная статья, повелевающая сечь крестьян после того, как они познакомятся с этим положением.

Много «недоразумений» возникало и на Урале, как на заводах, так и в помещичьих вотчинах, на почве введения тех же уставных грамот. Недаром пермский губернатор держал у себя команду (200 человек) оренбургских казаков и не считал возможным отправить их обратно в Оренбург, пока губерния не придет в нормальное положение, в частности, пока не будут введены в помещичьих имениях уставные грамоты [34].

Оснований у губернатора для тревоги было вполне достаточно: уральские крестьяне волновались. Известен ряд случаев, когда крестьяне решительно отказывались принять навязываемые им уставные грамоты. Особенно остро стоял вопрос с уставными грамотами на заводах, где мастеровые не только остались без земельных наделов, согласно «дополнительным правилам», но частью лишились и работы, в виду сокращения действий некоторых из уральских заводов. Для иллюстрации можно указать на продолжительные волнения мастеровых и так наз. «сельских работников» на Чермозском заводе Лазаревых, где заводоуправление стремилось оставить значительную группу заводских «служителей» без земельных наделов, а у крестьян эти наделы сократить, взяв за них значительную выкупную сумму. Завод-

ское население энергично боролось с такою вопиющею несправедливостью, выдвинув в качестве своего поверенного заводского служителя Михаила Ромашева, не только обивавшего пороги пермских правительственных учреждений, но и доходившего до высших правящих лиц в Петербурге. Известно имя и другого «возмутителя» крестьянина Кошкарова, который долго и успешно агитировал среди крестьянского населения Пермского уезда, убеждая крестьян воздерживаться от подписывания уставных грамот. Благодаря «нелепым толкам» Кошкарова, происходили волнения на Лысьвенском заводе кн. Бутеро и в целом ряде деревень Нижне-Мулинской и Сергинской волостей.

Крупное волнение на почве расхождения в понимании «воли» у крестьян и помещиков имело место в Строгановских вотчинах в с. Кудымкоре (14 марта), Верх-Юсвинском, Архангельском (15 марта), Егве (14 марта), в Отевском и Верх-Ивенском (16 марта) и в Нердвинском (17 марта). В с. Кудымкоре народ с радостью и благоговением, стоя на коленях, выслушал от флигель-адъютанта кн. П. Р. Багратиона весть об освобождении и понял эту волю в желательном для себя смысле. Когда Багратион уехал, крестьяне объявили, что они ни за что не станут повиноваться помещице Строгановой и отказываются впредь платить ей подати и выполнять господские работы. Волнения перебросились и в другие соседние села. Особенно сильно волновалось крестьянское население в с. Егве. В с. В.-Юсвинском для усмирения непокорных достаточным оказалось прибытия небольшого отряда солдат; в с. Егве пришлось прибегнуть к оружию, вследствие чего там оказались убитые и раненые. После подавления восстания — так называемый Егвинский расстрел происходил 8 апреля — был учрежден суд над наиболее активными участниками, при этом 60 человек были преданы военному суду, а 26 соликамскому уездному. Наиболее активные, или «зачинщики», были присуждены после наказания шпицрутенами к ссылке на каторжные работы, остальные к тюрьме на разные сроки и к розгам; 35 человек от суда были освобождены [35].

Как и в других районах России, крестьяне на Урале не представляли себе освобождения без земли. Поэтому, когда помещики предлагали им землю за выкуп, они с негодованием отвергали это предложение. В имении кн. Бутеро-Родали, бывшей Пермской губернии, Оханского уезда, крестьяне отказывались от надела, заявляя, что они освобо-

ждены царем и в мае месяце будут обеспечены казенною землею. Высланы были казаки с целью разогнать крестьянский сход, но крестьяне оттеснили их и, в свою очередь, осадили в доме местного священника представителей администрации. Только прибывшему с войском губернатору удалось разогнать толпу. Специальная военно-судная комиссия не смогла выделить зачинщиков, так как всех привлеченных по делу оказалось до тысячи человек. Выяснилось, что крестьяне желают во что бы то ни стало получить казенные земли, хотя бы в Сибири. Наиболее активных участников волнения, в количестве 138 человек, комиссия присудила к разным видам наказания: от ссылки в каторжные работы с лишением всех прав состояния до простого внушения. Интересно отметить, что против столь сурового приговора возражал сам пермский губернатор. Он указывал на то, что волнение произошло вследствие каких-то слухов о новых льготах для крестьян и что крестьяне действовали, твердо надеясь на благую волю царя, которую для них старались подменить. Кроме того, по словам губернатора, положение крестьян вследствие неурожая было чрезвычайно тяжелым, что также не могло не отразиться на их спокойствии [36].

Крестьяне жадно ловили всякий слух о какой-то другой воле, не той, которую растолковывали им мировые посредники и становые пристава. В селе Ивановском, Ирбитского уезда, летом 1862 г. появились какие-то загадочные две личности, в длинных халатах, опоясанных кушаками, в серых широкополых шляпах с кистями. Одна из этих личностей стала выдавать себя за великого князя, а своего товарища называла своим братом. Свое появление в этих местах загадочные незнакомцы объяснили крестьянам желанием разузнать, как истолковывается помещиками манифест 19 февраля. Собрав крестьян на сходку, незнакомцы обложили каждую душу по 1 р. 75 коп. для ведения дела по устройству быта крестьян и, получив с них около 700 рублей, скрылись. Крестьяне проявили по отношению к помещику полное неповиновение. Они не стали признавать ни оброка, ни издельной повинности; отказывались получать от помещика наделы, уверяя, что и землю и скот они получат из царских рук. Никакие доводы и объяснения со стороны помещика не действовали. Не помогли и уговоры мирового посредника, станового пристава и исправника. По распоряжению губернатора, из Ирбита была выслана военная команда. Энергичная порка зачинщиков розгами и арест таинственных «великих

князей», из которых один оказался переодетою женщиной, не могли вполне успокоить крестьян, которые продолжали глухо волноваться и после этого [37].

Почти все мировые посредники, на обязанности которых лежало улаживание поземельных дел между помещиками и крестьянами, как в официальных своих рапортах, так и в частных сообщениях жалуются на значительные трудности при выполнении возложенного на них задания. Мировой посредник А. Песляк в сентябре 1862 г. сообщал на странице журнала «День», что в Бирском уезде, Оренбургской губернии, в начале введения в действие положения 19 февраля, явились некоторые «недоразумения» и «неясности понимания» новых отношений между помещиками и крестьянами, чему немало способствовали ложное толкование «положения», разные «нелепые слухи», распространявшиеся в народе, и, наконец, по мысли Песляка, самая «резкость» перехода в жизни крестьян от «совершенной бесправности и рабского повиновения помещику» к прежнему «святому для славянина областному земскому управлению». В первые месяцы после опубликования положения крестьяне (а по 10-й ревизии в Бирском уезде числилось государственных, удельных и бывших помещичьих 1.505 душ) недоверчиво смотрели на нововводимые порядки, ожидая какой-то новой воли и новой царской милости. Но с течением времени они убеждались, что их ожидания напрасны, и они стали все более и более «вникать» в смысл положения и доверять своим новым властям. В самом начале введение уставных грамот, рассказывает Песляк, было сопряжено с большими трудностями. Все способы толкования «положения» были тщетны: крестьяне плохо верили этому толкованию и все ждали какой-то «новой воли». Но теперь, утешает своих читателей бирский мировой посредник, мало-по-малу исчезли ни на чем не основанные их ожидания, и уставные грамоты принимаются крестьянами хотя и не с полным желанием и не с должным доверием, но и не с прежним страхом и робостью при подписывании. Впрочем, еще и теперь, сообщает Песляк, крестьяне имения Г. Т., состоящие из 200 душ, переселенных из 8 разных губерний, никак не поддаются убеждению добровольно принять уставную грамоту, несмотря на все уступки владельцев [38].

Волнения крестьян происходили на почве явно неприемлемого для них разрешения положением 19 февраля аграрного вопроса. Но в силу специфической для горнозаводского

Урала связи между земледельческим и заводским рабочим населением, эти волнения не могли не отразиться соответствующим образом и на настроении рабочей массы, затронутой, как мы видели, реформой 19 февраля.

Известные нам случаи волнений уральских рабочих, происходившие в связи с реформой 19 февраля, протекали под лозунгом перехода их в положение вольнонаемных. По мысли самих волновавшихся, такое требование было вполне справедливым и вытекало из существа только-что опубликованной реформы. Лысьвенские рабочие, как гласит рапорт прибывшего в Пермскую губернию для претворения принципов реформы в жизнь флигель-адъютанта Багратиона, желали получать «платы возвышенные, равняющиеся, с безденежною выдачею провианта, платам вольнонаемного труда». 1 мая 1861 г. лысьвенские «ремесленники» потребовали от заводоуправления повышения заработной платы. Через неделю, не получая ответа, лысьвенские рабочие повторили свое требование, назначив заводоуправлению окончательным сроком для ответа 15 мая. Прошел намеченный срок, а требования рабочих удовлетворены не были. На 18 мая рабочими была назначена новая стачка. На всех четырех лысьвенских заводах рабочие в количестве 500 человек оставили работу, кроме доменного производства. Это последнее обстоятельство вполне естественно бросается в глаза, так как с прекращением доменной работы шихта в оставленной домне застыла бы в виде сплошной массы, что вызвало бы необходимость в длительном ремонте и на долгое время прекратило бы производство на всех лысьвенских заводах. Но рабочие не хотели остановки производства, поскольку они не были намерены уходить с завода, поэтому на доменные работы они выделяют отдельных товарищей, чтобы потом, в нужный момент, начать работу во всех цехах.

К сожалению, источники, которые могли бы подробно рассказать нам о ходе лысьвенской стачки, утеряны, и мы знаем о ней только немногое. 23 мая стачка окончилась. Для подавления ее на завод прибыла военная сила в виде казаков и земская полиция. Для «убеждения» и приведения рабочих к повиновению на завод прибыл и сам старшина оренбургского казачьего войска Лихошерстов. По всей видимости, вопреки существующему и традиционному обычаю администрация не пускала в ход мер физического воздействия, точно так же, как не подвергла она обычной «порке» виновников стачки. Это говорит о том, что администрация была

напугана организованностью стачки и боялась раздражать рабочих.

Аналогичным характером отличалось волнение углежогов на двух Катавских железоделательных заводах: Усть-Катавском и Катав-Ивановском (в б. Уфимском уезде, Уфимской губернии), принадлежавшим князьям Белосельским-Белозерским. Углежоги менее, чем рабочие доменного производства, были связаны с заводом. Они только на известный сезон уходили из деревни в заводские лесные дачи жечь уголь, семья же их оставалась дома, в деревне. Работа в одиночку или небольшими партиями также мало содействовала сплоченному выступлению углежогов. Однако и они действуют организованно. В мае 1861 г. они в числе более 100 человек явились к управляющему заводами ген.-майору Романову и заявили, что за прежнюю незначительную плату они впредь не согласны работать. Заводская администрация, в свою очередь, избегая репрессивных мер, после долгих убеждений, уговорила углежогов стать на работу и ожидать разрешения вопроса с введением уставных грамот.

Дело о волнениях на Катавских железоделательных заводах вскрывает ряд весьма интересных подробностей экономических условий быта углежогов на этих заводах. Углежоги делились на две категории: сотенные и пятидесятные. Первые работали для завода 321 день и обязаны были весною, летом и осенью выжечь из 34 сажен готовых дров 106½ коробов угля и доставить его по зимнему пути к заводу. В продолжение 91½ дней сотенный углежог работал на паре лошадей и кормил их за свой счет. Во время этой работы он получал продовольствие от завода для себя и своей семьи, — разумеется, в счет зарплаты. Продовольствие это выдавалось на одного углежога с семейством по такому расчету:

Ржи в зерне 63 пуда по 45 к. за пуд	28 р. 35 к.
Овса для двух лошадей в течение 91½ дня 45 пуд. по 43 к. пуд	19 р. 35 к.
Итого . .	47 р. 70 к.

Если принять во внимание, что годовой заработок сотенного углежога составлял 51 р. 72½ коп., то, за вычетом стоимости продовольствия, у рабочего оставалось 4 руб. 2½ коп. Даже заводская администрация сознавала, что такой суммы было «недостаточно на покрытие других необходимых нужд».

Не выше оказывался заработок пятидесятного углежога, который должен был работать на заводе 207 дней в году. За этот промежуток времени он обязан был из 21 сажени готовых дров выжечь 65⁵/₉ коробов угля, доставить их по зимнему пути на завод и, кроме того, заготовить 13 саж. куренных дров. За эту работу он получал 39 р. 83½ коп. в год. Но в счет зарплаты и пятидесятным углежогам отпускался провиант:

56 пуд. ржи по 45 к. за пуд	25 р. 20 к.
28 пуд. овса по 43 к. за пуд	12 р. 04 к.
Итого . .	37 р. 24 к.

Следовательно, на руки пятидесятный углежог получал 2 р. 59½ коп. Требования, предъявленные углежогами заводоуправлению, заключались, во-первых, в том, что зарплата должна быть повышена с 66½ коп. с сажени до 1 рубля; во-вторых, заводоуправление обязано было бесплатно отпускать 2 пуда хлеба. Не трудно заметить, к чему сводились требования катавских рабочих по существу. Они домогались полного перевода их в положение вольнонаемных рабочих. Легко установить более чем хронологическую связь между выступлениями катавских углежогов и недавно пред тем опубликованною реформою. Интересно, что горнозаводская администрация и министерство финансов стали на сторону углежогов. Графу Э. К. Сиверсу, опекуну князей Белосельских-Белозерских, было предписано удовлетворить «претензии» углежогов.

Вообще, если сравнить волнения уральских горнозаводских рабочих и крестьян с таковыми же волнениями крестьян русского центра, вызванными тою же крестьянскою реформою, то нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что уральские горнозаводские крестьяне выступают организованнее. Однако, специфические особенности уральского заводского населения, еще не порвавшего связи с сельским земледельческим хозяйством, отражались и на характере волнений, сопровождавших практическое осуществление принципов положения 19 февраля. С непререкаемою очевидностью устанавливается, что чем больше заводские рабочие были связаны с крестьянством, тем больше на происходивших среди них волнениях заметно специфических черт крестьянских движений. Чтобы не быть голословным, в качестве иллюстрации приведем случай, имевший место на казенном Богословском золотопромывательном заводе. Работа на этих

заводах не требовала такой квалификации, как на доменном производстве. Приписные к Березовскому заводу крестьяне имели земельные участки и значительную часть времени уделяли земледельческому хозяйству. Словом, это были те же крестьяне, только временно появлявшиеся на заводе. Когда им был объявлен манифест 19 февраля, получилась картина, которую можно было наблюдать в крепостных крестьянских районах. «Мастеровые»-золотопромышленники не поверили подлинности прочитанного манифеста и стали требовать от священника и управляющего, чтобы был прочитан настоящий манифест, напечатанный золотыми буквами на гербовой бумаге, совершенно освобождающий их от заводской работы. В результате зачинщики волнения были арестованы и преданы суду. Волнение успокоилось [38а].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Положение пореформенного крестьянства на Урале.—Обезземеление крестьянской массы.—Отработки на уральских заводах.—Малоземелье и аренда.—Владельческие, удельные и государственные крестьяне.—Башкирское землевладение.—Закон 19 мая 1893 г.—Землевладение на Урале в конце XIX ст.—Расслоение уральской деревни.—Формы хозяйства.—Башкирская и татарская аренда.—Сектантское движение.

Чтобы понять причины столь решительного протеста крестьян против введения уставных грамот, следует рассмотреть вопрос о том, как отразилась реформа 1861 года на положении крестьянской массы. Нас в данном случае интересует крестьянское обеспечение в послереформенное время на Урале. Возьмем для примера бывшую Пермскую губернию, где было приписано к казенным заводам 46.500 душ населения и к частным 147.576 душ. Оказывается, что после реформы 10 тыс. душ совершенно не имели надела; 56,8 тыс. на частных заводах и 23,7 тыс. душ на казенных получили меньше 1 десятины, следовательно, остались совершенно необеспеченными землей; 37,9 тыс. получили только покосы размером 1—1½ десятины; 27,5 тысяч получили надел в 1½—2 десятины; 17 тыс. получили участки от 2 до 3 дес., и только 17,9 тыс. получили более 3 дес., следовательно, могли считаться относительно обеспеченными. Таким образом, лишь весьма незначительная часть всего горнозаводского населения могла сосредоточить свои занятия исключительно на земледелии и не искать побочного заработка на заводах. Вся же остальная масса, не дополучившая около 80% всего количества причитающегося ей земельного надела, в силу создавшегося положения вещей вынуждена была продавать свою рабочую силу на заводах. Уральские заводовладельцы, следовательно, попрежнему и после реформы 1861 года, концентрировали в своих руках земли в горнозаводских частях Урала. По официальным данным, в 1890 г. при всех 262 же-

лезоделательных заводах Российской империи числилось 11,4 млн. дес. земли (в том числе 8,7 млн. дес. леса), из которых 10,2 млн. дес. (леса 7,7 млн. дес.) числилось за 111 уральскими заводами. Средним числом каждый уральский завод владел громадными латифундиями, около 10 тысяч десятин земли. Это обстоятельство давало возможность в организации горнозаводского труда надолго сохранять элементы прежней крепостнической системы в виде отработков, практиковавшихся на некоторых уральских заводах до недавнего времени. Малоземелье толкало крестьянина на аренду заводской земли. Право же заводовладельца «в интересах завода» при наделении крестьянина землею переносить его участок, куда угодно, давало возможность поставить крестьянина в такие условия, что он в силу необходимости вынуждался пользоваться заводской землей как пахотной, так и выгоном и лесом. Пониженная плата за эту землю, а иногда и совершенно бесплатное пользование ею вовсе не свидетельствует о какой-то особенной доброте заводовладельцев. Низкая заработная плата на уральских заводах с лихвой компенсировала заводовладельцев за их уступки. Можно с полной уверенностью утверждать, что отработки, широко практиковавшиеся на уральских заводах, давали возможность местным горнозаводчикам не чувствовать недостатка в рабочих руках. Но возникает вопрос о том, не испытывали ли недостатка в работе горнозаводские крестьяне, т.-е. в достаточной ли степени существовал спрос на рабочую силу на местных заводах.

Приведем небольшую статистическую справку:

Работало рабочих:

Годы	на казенн. заводах	на частн. заводах
1860	14.712	70.746
1862	9.685	44.566
1865	4.343	63.205 [39]

Не трудно заметить, что за 5 лет общее количество рабочих на горных уральских заводах сократилось приблизительно на 20%, следовательно, горная промышленность на Урале не могла, при тогдашней степени развития ее, охватить всю резервную трудовую армию: предложение значительно превышало спрос. Между тем пореформенный уральский рабочий так же был связан со своим заводом, как и его подневольный дед или прадед. В. Д. Белов по этому поводу го-

ворит следующее: «Между уральскими рабочими и заводами существует неразрывная связь; отношения их те же, что были и раньше, до их освобождения от крепостной зависимости; переменилась только форма этих отношений, но не более. Принцип прежней крепости сменился великим принципом взаимной пользы. Уральский рабочий—местный житель, у которого тут же, при заводе, и земля, и хозяйство, и семья... Уйти с завода — это значит бросить землю и хозяйство, и семью... Он готов итти со своим хозяином на всякие соглашения, лишь бы только остаться при заводе»... [40]

Таков был «великий» принцип реформы 1861 года по отношению к горнозаводскому населению. Но, кроме последнего, на территории Урала были и другие разряды крестьянского состояния. Мотивы для реформы их положения были на Урале те же, что и в остальной России. Капиталистические отношения, проникавшие в помещичье хозяйство, делали крепостной труд мало продуктивным, а следовательно, и малоценным. Крестьянские волнения, которые охватывали, как мы уже видели, и уральские помещичьи вотчины, побуждали соответствующие правительственные инстанции торопиться с проведением крестьянской реформы.

Как велик был надел владельческих крестьян на Урале? По величине надела на наличную душу бывших владельческих крестьян Пермская губерния могла занять одинаковое место с Белоруссией и Московскою промышленною областью. Мы не приводим средней цифры этих наделов, так как значительные наделы в одном районе маскируют небольшие наделы в другом. С очевидностью следует одно: бо́льшие земельные наделы владельческие крестьяне получили в районах чисто землевладельческих. Для бывшей Пермской губернии самые значительные наделы бывших владельческих крестьян приходились на уезды: Оханский, Соликамский, Шадринский, Красноуфимский и Осинский, тогда как мелкие наделы преобладали в Ирбитском, Екатеринбургском, Верхотурском, Чердынском и Красноуфимском, т.-е. или в горнозаводских или же в лесных. Государственные крестьяне получили на Урале наделы большие, чем бывшие владельческие. Так было и в других районах России. У большинства государственных крестьян надел свыше 10 дес., затем идет надел в 3—4 дес. По отношению к государственным крестьянам горнозаводские районы также придерживаются принципа малого надела. Крестьяне бывшего удельного ведомства получили в большинстве случаев наделы от 4 до 5 дес.;

затем идут наделы от 5 до 6 дес., попадаются и крупные наделы свыше 10 дес.; редко встречаются наделы в 2—4 дес. Земельные наделы у башкирского населения довольно значительны. Большинство этих наделов превышает 15 дес.; но свою землю башкиры, неспособные к интенсивной обработке земли, разорившиеся и попавшие в кабальную зависимость к русским капиталистам, предпочитали продавать за бесценок или отдавать в аренду и не обрабатывать самостоятельно *. Вообще же должно сказать, что площадь крестьянского землевладения на Урале после реформы 1861 года подверглась сокращению. До реформы на 1 ревизскую душу в бывшей Пермской губернии приходилось 5,5 дес., после реформы 4 дес.[41].

Мало изменения в положение горнозаводского крестьянства внес закон 19 мая 1893 г., предоставивший мастеровым и сельским работникам посессионных заводов в постоянный надел сверх усадебной их оседлости: 1) покосы и расчисти в определенных уставными грамотами размерах; 2) полевые и покосные угодья, которыми крестьяне пользовались не по найму от заводоуправления по 1 января 1893 г., и 3) выгоны по 600 кв. саж. на душу. Строго говоря, закон 19 мая 1893 г. лишь узаконяет существовавшие кабальные отношения, и, таким образом, заводское посессионное население попрежнему предоставлялось на произвол заводовладельцев.

Интересно отметить, чем правительство мотивировало свой законодательный акт. После реформы 1861 года правительство рассчитывало организовать класс самостоятельных земледельцев — хозяев из бывших заводских работников,— но вскоре же убедилось, что это невозможно «по климатическим условиям». Поэтому, при разрешении вопроса об устройстве земельного быта этого населения, правительство нашло необходимым «земельные потребности» его удовлетворить настолько, насколько это представляется желательным для упрочения оседлости этого населения и для предоставления ему земельного обеспечения только в качестве

---

* «Хищение» башкирских земель должно было обратить на себя внимание правительства. Во избежание пролетаризации разорявшегося народа, в 1881 г. башкирцам разрешено было продавать землю лишь с тем условием, чтобы и по продаже на душу оставалось не менее 15 дес. Эти наделы башкиры и сдавали в аренду (подробнее об этом см. в статье «О продаже и уступке башкирских земель»— «Отеч. Зап.». 1882 г. № 1).

подспорья, могущего дополнять его заработки на заводах. При этом правительством были приняты во внимание интересы заводовладельцев в смысле санкционирования их прав «на леса и месторождения ископаемых». Все эти соображения и легли в основу организации поземельного устройства населения горных заводов Алапаевского, Верхне-Исетского, Невьянского, Нижне-Тагильского, Ревдинского, Шайтанского, Сысертского, Омутницкого, Холуницкого и Кажимского округов. В частности: 1) Мастеровым и сельским работникам предоставляются в постоянный надел, безвозмездно, сверх усадебной их оседлости: а) покосы и расчисти в лесах и куренях в тех размерах, в коих покосы определены уставными грамотами, а расчистки признаны таковыми установленным порядком; б) все те полевые и луговые угодья, коими пользовались не по найму от заводоуправлений по 1 января 1893 г.; в) выгоны по 600 кв. саж. на душу с тем, чтобы недостающее до сего размера пространство выгонной земли дополнялось из смежных заводских земель по возможности без нарушения целости лесов, по соглашению сторон, а если таковое не последует, — то по решению соответствующих учреждений по крестьянским делам. 2) В тех округах, где надел населения в среднем выводе для всего общества окажется менее низшего размера надела, установленного для соответствующих районов положением 19 февраля, разрешалось ходатайствовать пред крестьянскими учреждениями об увеличении надела до надлежащего размера посредством прирезок из заводских дач, с согласия местного заводовладельца. 3) Мастеровым и сельским работникам предоставлялось право пользования лесным материалом из посессионных дач с разрешения владельцев. 4) По истечении 15 лет со дня издания настоящих правил, мастеровые и сельские работники получают право собственности на отграниченные им наделы без всякого выкупа. 5) До истечения же этого срока заводовладельцы имеют возможность: а) производить раскопки и разведки в земельных угодьях, отводимых мастеровым и сельским работникам, б) обменивать угодья в интересах завода; обмену не подлежали лишь те угодья мастеровых и сельских работников, которыми они владели на правах полной собственности до издания настоящего узаконения [42]. Таким именно образом и неудачно для крестьян был разрешен реформою 1861 года аграрный вопрос на Урале.

Принципы, определявшие организацию поземельного устройства уральского крестьянства, были те же, что легли

в основу земельного обеспечения и крестьян центральных районов. Положение 19 февраля на Урале так же энергично отстаивало интересы заводовладельцев, как в земледельческих районах оно зорко стояло на страже интересов помещика. Если в земледельческих районах в бывшей крепостной деревне в пореформенную эпоху очень долго сохранялись пережитки крепостничества в виде широко практиковавшихся отработков, то это же следует сказать и относительно организации труда на уральских заводах. В свое время на сильное развитие на Урале отработков и прикрепление рабочих к заводам указывал, как на самые непосредственные остатки дореформенных порядков, и В. И. Ленин [43].

Практические результаты реформы 1861 года к концу XIX ст. сказались в целом ряде явлений. Отметим главнейшие. В первую очередь коснемся вопроса о видах землевладения на Урале в пореформенную эпоху. В бывшей Пермской губернии государственные земли к концу XIX в. составляли 40% всей площади и равнялись 11.468.000 дес. [44]. Частное землевладение составляло 30,9% всей площади и определялось в 8.757.000 дес. Крестьянские надельные земли занимали 29,1% всей площади и исчислялись в 8.338.000 дес. Казенные земли расположены были главным образом в северных районах губернии на территории бывших Чердынского и Верхотурского уездов и распределялись примерно таким образом: 3,1 млн. дес. приходилось на долю обрабатываемой земли и 8,3 млн. дес. леса. Частное землевладение занимало территорию Среднего и Южного Урала. Частновладельческие латифундии на Урале были весьма значительны; в бывшей Пермской губернии среднее дворянское имение заключало в себе 68.000 дес. В 1905 г. во владении 99 помещиков-дворян находилось 6.721.000 дес. земли; у двух владельцев в Соликамском уезде было свыше 1,1 млн. дес., а у одного землевладельца из Пермского уезда числилось 530.000 дес. По достаточно точным данным с 1877 г. по 1905 г., за 25 с небольшим лет, площадь дворянского землевладения увеличилась на 29 тысяч десятин. За этот же промежуток времени частное землевладение, купеческое и разных торгово-промышленных компаний, также увеличилось с 1.790.000 дес. до 2.006.700 дес. Крестьянское землевладение в 1877 г. составляло 4.400 дес.; в 1905 г. оно равнялось уже 119.600 дес.; к 1907 г. оно поднялось до 203.000 дес. С 1908 г. по 1911 г. крестьяне приобрели чрез посредство Крестьянского банка 83.000 дес.

Причины столь незначительного увеличения крестьянского землевладения понять не трудно. Наделы государственных, удельных и владельческих крестьян (в земледельческих районах) были относительно достаточны; экспроприированы были главным образом горнозаводские крестьяне. Они больше всего и нуждались в земле, но эту нужду удовлетворяли арендной и отработочной системой. Таким образом, налицо оказывались все данные для экономического расслоения уральской деревни. Статистические данные об этом расслоении говорят достаточно убедительно. К 1905 г. 88 тысяч крестьянских дворов, что составляло в общей сложности 16% всех крестьянских дворов, владели 219.000 дес. земли, т.-е. 2,7% всей надельной земли: на двор приходилось менее 5 дес., в среднем 2,5 дес. Но в то же время 148 тыс. дворов (они составляли 28% всех крестьянских дворов) владели 4.070.000 дес., что составляло почти половину всей надельной земли. На каждый двор приходилось свыше 20 десятин. Еще точнее эту дифференциацию можно представить в таком виде:

Колич. десятин.	Колич дворов.	Земли (в дес.).
От 5 до 8 включ. . . .	23.743	158.987
„ 8 до 15 „ . . .	139.148	1.660.088
„ 15 до 30 „ . . .	240.897	4.954.464
свыше 30	28.590	1.236.689

Такое же расслоение можно наблюдать и в частном (дворянском) и др. землевладении. Тогда как 69 владений в 1905 г. обладали имениями, каждое свыше 10 тысяч десятин, а в общей сложности 8.635.000 дес., что составляло 97,5% всей площади частного землевладения, 911 владений занимало только 219.000 дес., а это равнялось лишь 2% всей частновладельческой территории.

Переходим к следующему вопросу — о формах хозяйства. На основании имеющегося у нас под руками материала, распределение угодий на территории бывшей Пермской губ. можно представить в таком виде (в тыс. дес.):

Годы	Усадьба и пашня		Сенокос и выгон		Лес		Неудобная земля		Всего
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1803	1.902	6,4	848	3,0	23.362	78,8	3.456	11,8	29.568
1908	3.746	13,0	3.539	12,3	19.051	66,0	2.496	8,7	28.832

Из этой небольшой таблицы можно видеть, что за сто лет пахотная площадь только удвоилась. Увеличение (вчетверо) сенокоса и выгона особенно не должно останавливать наше внимание, так как в 1803 г. не шли в расчет лесные поляны, которые в оценочном описании земства вполне основательно зарегистрированы как сенокосы и выгоны. Вполне основательно напрашивается вывод, что горнозаводская часть Урала—страна лесов. По данным «статистики поземельной собственности», общее число земель в бывшей Пермской губернии в 70-х годах равнялось 29.265.631 дес.; но из этого числа пахотных земель насчитывалось только 2.826.631 дес., следовательно, 9,6%. Иначе говоря, только $^1/_{20}$ часть земли во всей обширной Уральской губернии запахивалась! Обращаясь дальше к отдельным группам земель, можно с большою точностью сказать, что казна, имея в своем распоряжении 81,6% всей территории бывшей Пермской губернии, распахивает из нее всего лишь 3%, крестьяне же, владея 18,4%, распахивают около половины всей земли. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что пахотная земля у частных землевладельцев обычно сдавалась в аренду крестьянам и собственного хозяйства уральские помещики почти не вели вовсе; 67% всей принадлежавшей им территории было занято лесом. Таким образом, сельское хозяйство в горнозаводской части Урала почти сплошь было крестьянским.

Дополнительно к сказанному выше добавим, что недостаток собственного земельного надела побуждал состоятельного крестьянина покупать или приарендовывать землю; это же обстоятельство крестьянина маломощного заставляло сдавать свою землю в аренду, в виду невозможности вести свое крестьянское хозяйство. Покупалась и арендовалась земля у помещиков, при этом цена на землю возрастала со значительной быстротой:

Десятина земли в б. Пермской губ. стоила:

Годы	Руб.
1868—1877	1,9
1888—1897	14,4
1914	46,6

Особенно популярною была аренда земли у башкирского населения. Продавали и сдавали землю в аренду русскому населению башкиры-землевладельцы. Несколько позднее в дело вмешался крестьянский банк, скупивший с 1900 по

1913 г. 137,7 тыс. дес. Помимо дешевизны, башкирская аренда была привлекательна для крестьянина еще тем, что он мог выплачивать ее не только деньгами, но и натурой: мукой, чаем, хлебом, солью, лошадиным кормом, соломою и т. д. Земли у башкир арендовались на разные сроки: начиная с 1 года до 12 лет. Арендовались земли и у татар. Средняя плата башкирской аренды по Красноуфимскому, напр., уезду в 1 год за пахотную десятину составляла 1 р. 32 к., для сенокоса 84 коп. за десятину; по Шадринскому уезду за десятину в год платили 1 р. 32 к., а за 2 года—2 р. 28 к. Это была весьма сходная цена, так как в 1879 г., напр., средняя арендная плата в год за десятину достигала 2 рублей (аренда десятины пахотной земли стоила 1 р. 96 к., сенокоса 1 р. 90 к.); церковные земли сдавались в аренду в 1875 г. за десятину 3 р. 50 к. в год; аренда одной десятины пахотной крестьянской земли стоила в год 2 р. 67 к., а десятина сенокоса 1 р. 80 коп. [45].

Как в свое время мы видели, площадь крестьянского землевладения до 1905 г. увеличилась незначительно в сравнении с тем, как она стала увеличиваться позднее. К данному раньше объяснению причин этого явления добавим, что аренда земли у башкирцев и у своего брата-крестьянина давала возможность зажиточному крестьянину не покупать земли у помещика по непомерно вздутой цене и, при случае, уклоняться даже от аренды помещичьей земли.

Скажем несколько слов о происходивших среди уральских крестьян в пореформенную эпоху волнениях. Как мы видели уже, реформа 1861 г. и на Урале не была подлинным освобождением крестьянской массы. В экономическом отношении последняя попрежнему оставалась в рабстве у прежних господ. Высокие выкупные платежи и малоземелье грозили маломощному крестьянскому хозяйству полным разорением. Крестьянство разными способами протестовало. Этот протест вылился и в форму сектантского движения. Вот что произошло в Сарапульском уезде (бывшей Вятской губ.). Бывшие удельные крестьяне четырех волостей (Мостовинской, Галановской, Мазунинской и Арзамасцевской) отказались принять навязываемую им уставную грамоту на том основании, что предоставленный им земельный надел для них неудобен, так как до введения этой уставной грамоты крестьяне Сарапульского уезда владели большим количеством земель. Такой акт признан был сопротивлением вла-

сти, или, как тогда говорили, «упорством». Явилась военная команда, которая «успокоила» крестьянскую массу, ввела уставную грамоту и стала взыскивать выкупные платежи. Взыскивались выкупные деньги так энергично, что через несколько времени был распродан весь домашний крестьянский скот. Крестьяне были сильно раздражены и свое недовольство выразили прежде всего в отрицательном отношении к местной церкви и к «православной» вере. Они не только перестали ходить в церковь, но и уничтожили у себя в избах образа. Это происходило летом 1865 г. На убеждения начальства и духовенства крестьяне отвечали, что они никого не признают, никому не верят, ни от кого не ожидают защиты, как только от отца небесного. Образовалась секта, которая получила название секты «немоляков». Она охватила целый ряд селений.

В ноябре 1867 г. образована была особая комиссия из светских лиц для подавления движения. Но суровые меры по отношению к «немолякам» в виде ареста и рассаживания по тюрьмам не имели никакого значения. Когда правительство арестовывало или сажало в тюрьму главных зачинщиков новой секты, большая толпа крестьян требовала, чтобы в тюрьму посадили их всех. В 1868 г. было посажено в местную тюрьму 170 человек, т.-е. ровно столько, сколько тюрьма могла вместить. Когда меры физического воздействия не увенчались успехом, была организована комиссия уже из духовных лиц для вразумления «упорных». Не привели ни к чему усилия и этой комиссии.

Среди посаженных в тюрьму немоляков началась смертность, и губернская администрация поспешила (в январе 1869 г.) выпустить оттуда заключенных, оставив там около 50 человек наиболее упорных. Дело затем разбиралось в Вятской судебной палате, и по ее приговору сорок крестьян были подвергнуты разного рода наказаниям: от заключения в тюрьме на 4 месяца до 3-недельного ареста.

Сектантское движение в Сарапульском уезде после этого, однако, не сокращается. Одинаковые причины вызывают и одинаковые результаты. Аналогичный протест крестьянской массы на Урале против выдачи уставных грамот имел место и в других местах бывшей Пермской губ., напр., в смежном с Сарапульским Осинском уезде, затем на заводах Бизярском, Юго-Кнауфском и в особенности в Бымовском. В Осинском уезде, в селе Рябках, немоляки появились около 1869 г., но об их существовании правительство узнало лишь

в 1872 г. Местное духовенство в секте немоляков видело влияние молоканства и называло ее в своих официальных рапортах молоканскою сектою. Так как осинские немоляки не предпринимали открытого похода против церкви, то епархиальное начальство отнеслось к ним терпимо, а губернская администрация на этом основании не находила нужным возбуждать против новой секты дело.

Однако секта немоляков все больше и больше находила сочувствия в уральском населении. В начале 70-х годов она нашла себе последователей в Курганском уезде, бывшей Тобольской губернии, а оттуда переходит в Шадринский уезд. По рекам Исети и Тоболу были расположены среди поселений старообрядцев («двоеданов») и поселения немоляков. Есть сведения, что немоляки проживали около г. Бийска, бывшей Томской губ.

Вероучение немоляков не имело ярко выраженной и самобытной формы. Секта появилась как протест против несправедливого разрешения правительством аграрного вопроса в 1861 г. и была направлена против церкви, как духовного орудия, к которому прибегало дворянское правительство для держания в повиновении народной массы. Отрицания духовенства, а в связи с этим и церковных обрядов, икон и т. д. еще недостаточно для того, чтобы немоляков выводить из молоканства [46]. Однако мы должны отметить, что пропагандистами секты были крестьяне зажиточные, вербовавшие себе сторонников путем денежной субсидии и разного рода подарков, напр., полушубков и т. п. [47].

На почве разорения крестьянской массы после реформы, в связи с неимоверно высокими платежами и малоземельем, появилась в бывшей Вятской губернии и секта «медальщиков». Сущность учения их заключалась в следующем: подати за землю настолько высоки, что они не окупаются урожаем. Царь знает об этом и освободил крестьян от земли и податей и в знак этого вычеканил медали. Пахать землю заставляют чиновники, но вот стоит только показать им медаль, и никто не посмеет спрашивать подати. По словам современников, медальщики побросали землю и дома и скитаются по заводам. Они признают только одну подать — подушную, от остальных решительно отказываются. Чтобы обезопасить себя от притязаний сборщиков податей, они запаслись медалями, вычеканенными царским правительством, в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. Цена на эти медали поднялась в деревне до 25 руб. за штуку, и но-

сили их на груди вместе с крестом. Распространена была секта медальщиков главным образом в Маракулинской и Сочневской волостях (Вятской губ.), откуда она проникла и в другие уезды, напр., в Котельнический.

О начале секты медальщиков наш источник говорит глухо: «Первое начало этой секты было положено ссыльными из крепостных, которые были посланы на житие в Маракулинскую волость». Однако, кто такие были эти «ссыльные-крепостные», мы так и не знаем. Несомненно только одно, что вызвана была эта секта тяжелым экономическим положением пореформенного крестьянства. Были ли медальщики религиозною сектою? А. С. Пругавин совершенно справедливо связывает «медальщиков» с «немоляками», считая медальщиков отпрыском того аграрного движения, которое в своем дальнейшем развитии получило более или менее определенную окраску [48].

Как немоляки, так и особенно медальщики не представляли ярко выраженного антиправительственного движения. Но на Урале в пореформенную эпоху возникают такие секты, которые внушают правительству уже серьезные опасения и заставляют его предпринимать более решительные и суровые меры. Мы имеем в виду, в данном случае, секты странников, или бегунов, и неплательщиков. Странничество, или бегунство — явление далеко не новое на Руси. Мы видели, что бегунство было выражением протеста против дворянско-крепостнического режима еще в крепостную эпоху и даже в конце XVII в., когда происходило закрепощение тяглых сословий. В связи с реформой 1861 г. изменились лишь формы этого закрепощения. Широко практиковавшаяся помещиками система отработков, которые производились крестьянами за арендуемую у помещиков землю, в сущности говоря, представляют остатки прежнего крепостничества. Отрезки от крестьянских земель необходимых для всякого крестьянского хозяйства участков земли, непомерные выкупные платежи и высокая арендная плата стягивали петлю у крестьянского горла. Вместо прежней юридической внеэкономической зависимости крестьян от помещика установилась зависимость экономическая. Теоретические обоснования для так наз. бегунства, или странничества, нам известны. Это—вера в пришествие и воцарение в мире антихриста. Некоторые бегуны под антихристом разумели ряд царствующих лиц, другие же антихриста понимали в смысле всего направления жизни современного общества.

При том и другом понимании вывод может быть только один: от антихриста нужно бежать и каких-либо податей антихристу платить не следует. Конечно, отсюда должно было вытекать и отрицательное отношение бегунов к церкви и духовенству—слугам антихриста.

Странники второй половины XIX в. необычайно точно воспроизвели и внешнюю организациию бегунства предшествующей эпохи. Они делились на 2 категории: 1) так наз. совершенные христиане, принимающие новые имена и странствующие в лесах или тайно в селах, и 2) мирские, «жиловые» христиане, странноприимцы, живущие в мире и дающие приют действительным странникам, но обязанные умереть в «странстве». На Урале особенно сильно было развито странничество на Невьянском и Ревдинском заводах, затем идут Кушвинский и Нижне-Салдинский заводы бывшего Верхотурского уезда и Михайловский завод и ряд селений Алтыновской волости Красноуфимского уезда. Мы, к сожалению, не располагаем даже приблизительно точными данными относительно действительного количества странников на Урале в первые годы по реформе. Во-первых, бегуны вообще с трудом поддавались точному учету, во-вторых, представляемые иногда миссионерами или исправниками цифровые справки заведомо уменьшены по вполне понятным соображениям *.

Бегунство, или странничество, имело несколько вариантов, которые было бы ошибочным считать за самостоятельные сектантские движения. Это прежде всего так наз. неплательщики, а затем секта лучиновцев. Секта неплательщиков мало известна даже лицам, специально занимающимся историей сектантства. Между тем, как совершенно правильно отметил в свое время А. С. Пругавин, «она явилась прямым и характернейшим продуктом современных условий социальной жизни русского крестьянина, в частности же тех ненормальных условий, которые окружают наше горнозаводское население». Сектанты-неплательщики не признавали никаких властей и не желали платить добровольно никаких податей. Но в то же время они пассивно относились к тому,

---

* Напр., по донесению бывшего екатеринбургского миссионера Шишева, бегунов в Невьянском и Рудянском заводах в 1878 г. первого и второго чина (т. е. вышеназванных категорий) насчитывалось 18 душ. Цифра — совершенно маловероятная. Приблизительно в это же время кунгурский исправник сообщил своему начальству, что «сектаторов, учение которых имеет основным началом непризнавание

когда за недоимки у них отнималось какое-либо имущество. Отобранного имущества неплательщики не выкупали. Фабрично-заводской работы неплательщики не любили, поскольку она связывала человека с производством. Неплательщики предпочитали кратковременные и сезонные работы, напр., сенокос, жатву хлеба, рубку дров, пилку леса и т. д. Секта неплательщиков возникла после крестьянской реформы и, несомненно, в связи с нею. Особенно распространена она была в Сергинском округе, Красноуфимского уезда. Местная администрация прямо заявляла, что «среди заводского населения Красноуфимского уезда существует лишь одна секта — «неплательщики» *.

Следует отметить, что в своих показаниях на суде сектанты-неплательщики особенно заметно подчеркивали связь своего учения с тогдашней экономикой. Вот небольшой отрывок из рассказа крестьянина Нижне-Сергинской волости, Красноуфимского уезда Петра Гурьянова Контаурова на первоначальном допросе в волостном правлении в марте 1880 г. Он заявил, что до 1861 г. он признавал власть властью, а с тех пор (т.-е. со времени реформ.—**А. С.**) она для него сделалась антихристом. 27 июня 1880 г. Контауров выступает уже в Пермском окружном суде. На вопрос суда, кому он угрожал при своем аресте, Контауров ответил, что антихристу. «Кто же этот антихрист?»—спросил член суда. «Кто закон нарушил, тот и антихрист», ответил Контауров и добавил тут же: «а все остальные бесы». «Разве власть нарушила закон?»—спросил член суда. «Нарушила,—ответил Контауров,—потому что законом до 1861 г. предоставлено нам право пользоваться всеми землями, покосами, полями и угодьями и не нести за сие повинностей, так было сказано, а она нарушила, потому как бог дал землю всем без пошлин и без налогов» [49]. Члены суда могли, конечно, не соглашаться с выводами подсудимого, но не могли не понимать тех оснований, которые заставили Контаурова сделать эти выводы.

В начале 80-х годов в Верхне-Тагильской волости открылась секта лучиновцев. Местный уездный исправник в

властей, известных под названием бегунов или странников, во вверенном мне уезде не находится». Между тем в 1879 г. в расположенных в районе Кунгурского уезда Урминских лесах, исконном притоне всякого рода беглых и сектантов, обнаружены были два тайных раскольничьих скита.

* В 1881 г. неплательщиков считалось: в Нижне-Сергинском заводе 25 семейств, в Верхне-Сергинском—9, Михайловском—9, Аннинском — 5, а всего в уезде 48 семейств.

своем рапорте по начальству, на запрос последнего о сущности этой секты, сообщал, что секта Лучинова—вид секты странников, или бегунов; название свое она получила оттого, что последователи этой секты при молениях для освещения пользуются исключительно лучиною *. Обнаружена была эта секта только после того, как несколько лиц, принадлежащих к ней, бежали в леса вместе со своими малолетними детьми. При этом исправник сообщил целый ряд имен сектантов-лучиновцев из Рудянского, Невьянского и Шуралинского заводов, скрывшихся со своими малолетними детьми «неизвестно куда». Из других донесений местных властей можно видеть, что сектанты-лучиновцы не признавали церкви, духовенства, отрицательно относились к царской и всякой другой власти, называли царя антихристом, а правительственных лиц—слугами антихриста. Само собой понятно, что отрицательно лучиновцы относились к выполнению разного рода государственных повинностей, напр., к уплате податей, военной службе и т. д. Кроме Екатеринбургского уезда, лучиновцы существовали в Верхотурском и Кунгурском уездах. В начале 80-х годов 10 семейств лучиновцев мы встречаем в Невьянском заводе, 6 семейств—в Шуралинской волости и 2—в Черноисточинской волости,—всего 18 семейств. Бегство сектантов-лучиновцев в «пустыню» вместе с детьми давало повод местным крестьянам думать, что сектанты-лучиновцы приносят этих детей в пустыне в жертву, распинают их там и кровью их причащаются. Однако, по наблюдению лиц, вовсе не заинтересованных в реабилитации этой секты (напр., по отзыву кунгурского миссионера Луканина), все эти наветы на лучиновцев совершенно не состоятельны. Сектанты, по достаточно авторитетным данным, уносили своих детей в пустыню для того, чтобы приготовить из них «граждан пустыни», сохранить их от «антихристовой прелести, которая всюду разлилась в мире, как чума, и только сущие в горах и пустынях не оскверняются ею». Отвергая все то, на чем так или иначе

---

* По мнению сектантов-лучиновцев, все способы освещения так или иначе осквернены в мире антихристом: или через вес на гирях и на коромыслах весов печати антихриста, или через продажу, «так как продающие имеют патенты и свидетельства с печатью антихриста» (двуглавый орел), или через те молебствия, которые служат еретические священники при отправке кораблей с елеем и воском. Словом, так или иначе, всякий материал осквернен и неприятен богу. Иное дело лучина—добытая непосредственно из выросшей в лесу березы.

могла сказаться печать антихриста, лучиновцы отказываются от паспортов и других правительственных документов.

Разочарование в правительстве, так хорошо отразившееся в движении разночинной русской интеллигенции 60—70 годов, на Урале выявилось в своеобразной секте иеговистов, объявившей борьбу правительству. Начало этой секты положил в 70-х годах некто Ильин, артиллерийский капитан, проживавший на Баранчинском заводе, где он работал по приемке артиллерийских снарядов. В вину Ильину было поставлено то, что он на свой лад переделал апокалипсис, при чем так, что имена жестоких царей, упоминавшиеся в этой книге, он путем своеобразного толкования стал относить к российским императорам, а апокалиптические события он применял к переживаемым в то время русским событиям. Хотя сам Ильин подвергся ссылке в Соловецкий монастырь, где и окончил свои дни, но его последователи пропагандировали, и не без успеха, апокалипсис своего учителя. Лесные скиты стали постепенно наполняться последователями новой секты.

В 80-х и 90 гг. среди иеговистов можно было различать два течения. Одни из них, считая существующую политическую организацию за организацию антихриста, часто пассивно желали дождаться пришествия Христа. Другие же, оценивая апокалипсис, как аллегорическое и иносказательное произведение, стали учить о необходимости борьбы со слугами антихриста, т.-е. с правительственными агентами.

Иеговисты работали на пушечном заводе и научились изготовлять бомбы в виде карманных часов и красивых шкатулок; все это они, под видом подарка, рассылали правительственным агентам. В 1894 г. происходил судебный процесс над иеговистами, и 12 наиболее видных сектантов были отправлены в бессрочную каторгу, остальным было определено более легкое наказание.

После этого иеговисты несколько ослабили свою деятельность по истреблению административных лиц, но секта продолжала распространяться. Из Баранчинского завода она перебросилась на Тагильский завод, где приняла характер политического течения; возле Черноисточинского завода, в скитах, она существовала как религиозная секта.

В начале XX столетия секта иеговистов вошла в соприкосновение с чисто политическими партиями (на Тагильском заводе). Были случаи, когда сектанты влились в эти организации в качестве наиболее активных членов [50].

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1906 ГГ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Положение крестьян на Урале накануне революции 1905 года.—Первые революционные организации на Урале.—Уральский союз социалистов-революционеров и социал-демократов.—Пермский комитет РСДРП.—Социал-демократическая пропаганда в деревне.

К концу XIX в. положение бывших крепостных на Урале оказывалось «невыносимо тяжелым». К этому времени успели уже достаточно проявиться все отрицательные результаты реформы 1861 года. Малоземелье особенно болезненно ощущалось в виду повышенных арендных цен, недостатка крестьянских лесных наделов, выгона и т. д. Расслоение деревни обрисовалось довольно отчетливо, отношения между крестьянами и помещиками обострились.

Вот как рассказывают об этом крестьяне Оханского уезда Спешковской волости. При выходе из крепостной зависимости население получило от своего бывшего помещика Строганова по 6—7 дес. на ревизскую душу; пастьба крестьянского скота была обусловлена на помещичьих владениях. Были предоставлены крестьянам и некоторые другие льготы. «На первых порах население как будто не чувствовало неудобства», так как пашни было достаточно, для пастьбы скота на помещичьих землях «большого стеснения не ощущалось», лесные материалы крестьяне покупали у Строгановых по «доступной» цене и т. д. Но вот население растет. К началу XX в. оно увеличивается почти втрое (в 1905 г. оно составляло около 7 тыс. душ обоего пола). Земли стало нехватать. Между тем «обузу» за землю крестьяне несли «непосильную». Управление Строгановских вотчин стало «усваивать свою прежнюю крепостную власть». В конце концов существовать крестьянам стало «совершенно трудно» по следующим, как они уверяют, «безусловно правдивым» причинам. Недостаточная в количественном отношении крестьянская земля истощилась от постоянной

перепашки, так что и удобрение для нее стало «почти бесполезным». Скотоводство, игравшее в хозяйстве Спешковской волости «второстепенную» роль, стало приходить к «совершенному» упадку. В данный момент (дело происходило в декабре 1905 г.) почти ⅓ населения волости не имела даже рабочих лошадей, не говоря уже о «второстепенном» домашнем скоте. Арендовать землю у помещика было почти невозможно из-за «неимоверной» арендной платы. Поэтому происходила ожесточенная борьба из-за «клочка земли» в самой деревне; начались ссоры, драки и даже убийства. В волостном суде ежегодно разбиралось более 100 поземельных тяжеб. Многосемейные и бедные крестьяне питались «без прихлебки» (за исключением разве капусты), только хлебом, и то не ситным, а сеянным на редкое решето и пополам с мякиной. Управление имениями гр. Строгановых сумело «забрать в свои кулаки» почти «неограниченную» власть; за скотский выгон стали взимать с крестьян «обременительную» плату—20—30 к. с каждой головы скота; «неимоверная» плата стала взиматься за пчеловодство, рыболовство и за размол хлеба; «почти мало доступная» цена была на лесные материалы и дрова; даже за сучья, которые «бесполезно» гнили в лесу, Строгановское управление взимало «порядочную» плату. Если крестьянин «рисковал воспользоваться» бесплатным суком в лесах помещика, то подвергался за это «порядочному» денежному штрафу или аресту в уездном городе (верст за 60 от своей деревни) [51].

Крестьяне Спешковской волости не представляли исключения. Жалобы крестьян на безвыходное положение несутся и из других мест Уральского края. Особенно остро обстоял вопрос с лесными угодьями. Не имевшие в своем распоряжении ни сука, деревни были окружены густыми помещичьими лесами, куда вход крестьянину был строго воспрещен. Самовольные порубки вызывали жестокие репрессии со стороны вотчинного управления.

До нас дошли «просьбы» крестьян Нижне-Мулинской волости главноуправляющему вотчинными имениями кн. Голицына Рудольфу. Крестьяне желали объяснить причины случаев самовольной порубки помещичьего леса и указывали на тяжелое положение, в которое они поставлены: 1) Местное вотчинное управление не отпускало крестьянам из помещичьих лесов ни строительного материала, ни топлива, между тем как помещичьий лес сплавлялся по Каме

лесопромышленникам. 2) Если крестьянам и удавалось выпросить у приказчиков лесного материала, то за высокую плату, доступную конечно для немногих. 3) Арендная плата за землю систематически повышалась. Кроме того, при сдаче земли в аренду, в качестве необходимого условия, крестьяне обязаны были брать под ответственную охрану лесные участки. 4) Лесная стража, скудно обеспеченная от владельца, вынуждена была увеличивать свой бюджет поборами и взятками. Пользуясь этим, богатые крестьяне за соответствующую мзду могли вывозить себе из помещичьего леса целые бревна, а на бедняка составлялся протокол за одну вицу. 5) Протоколы за порубку составлялись пристрастно, без соблюдения элементарных требований справедливости. Попавший с одним деревом крестьянин отвечал за всю порубку. Лесная стража констатировала порубку не по следам ее в лесу, а разыскивая деревья по дворам крестьян.

Не лучшим было состояние крестьян других разрядов, например, бывших удельных. В своем прошении на имя председателя совета министров гр. С. Ю. Витте бывшие удельные крестьяне дер. Шульдихи, Толстика, Быстрой и Глубокова Дубровской волости Осинского уезда весьма красочно рисуют свое бедственное положение. «Мы находимся,— пишут они,— в самых невыносимых условиях нашего существования, главной причиной чего является наше крайнее малоземелье». Хлеба с собственной запашки, по словам крестьян, им хватало только на 3—4 месяца и то при хорошем урожае. Вследствие этого крестьянам приходилось арендовать удельные земли, цена которых оказывалась по их средствам «довольно высокою». Лесов у крестьян этой волости совершенно не было. Каждый прут и каждое полено крестьяне вынуждены были покупать по дорогой цене. Промыслов никаких не существовало, но не по отсутствию желания заняться ими, а из-за недостатка средств к заведению ремесла. Неурожаи последних лет (1891 и 1901 годов) еще более подсекли «небогатое» хозяйство крестьян. Обременительные подати и налоги вырывают у крестьян последние достатки. В результате всего этого явилась крайняя бедность, переходящая в нищету. Будущее положительно «ужасает» крестьян, так как их земля «год с годом становится менее плодородной» вследствие отсутствия средств удобрить ее. «Голодаем мы,—пишут они,—и еще больше будут голодать наши дети. Ранее, когда у нас было больше

земли, мы жили сносно, но в 1863 г. пятая часть нашей земли была отрезана удельным ведомством; с тех пор положение наше стало невыносимым» [52].

Малоземелье, ужасный бич уральского крестьянства, основная причина всех крестьянских волнений, отмеченных в наших источниках, было общим явлением в жизни уральской деревни. Причиною этого малоземелья были не только малые земельные наделы, полученные крестьянами при освобождении их от крепостной зависимости. В некоторых районах Урала (на территории бывшей Оренбургской губ., в Троицком уезде) крестьяне в 1861 г. совершенно отказались получать полагавшиеся им земельные наделы, воспользовавшись только «дарственными» наделами (по 1¼ десятины). Они не хотели связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к своему помещику, так как на правах вольных арендаторов они не чувствовали недостатка в земле очень высокого качества. Но с начала 90-х годов XIX в. арендная цена поднялась настолько, что крестьянское благосостояние оказалось значительно подорванным. Особенно гибельно отразились на нем неурожаи 1891 и 1901 годов. Аренда представляла еще то неудобство, что до уплаты ее крестьянин не имел права свозить хлеб с поля. Неудивительно, что на этой почве возникали постоянные недоразумения между крестьянами-арендаторами и помещичьими экономиями. Эти недоразумения временами получали характер открытых крестьянских волнений, вызывавших вмешательства губернских властей и военных команд [53].

В начале 900-х годов, когда арендные цены поднялись еще значительнее, когда малоземелье и дровяной голод еще теснее стали давить маломощное крестьянство, то в том, то в другом районе Урала происходят «беспорядки». Прежнее спокойствие (хотя и относительное) отходит в область преданий. Издававшаяся за границей эсеровская «Революционная Россия» в июне 1902 г. отмечает это следующими словами: «Тихая, богоспасаемая, блаженным сном спавшая Пермь, волновавшаяся только при убыли воды на перекатах Камы и Волги и видавшая жандармов только на пароходах, тоже не устояла от «тлетворного влияния крамолы, как червь, разъедающей всю Россию». На заводах (напр., на Добрянском заводе) появляются прокламации, производятся обыски и аресты. Несколько позднее, в августе того же года, «за сопротивление властям» было аресто-

вано 100 человек крестьян Ильинской волости Пермского уезда. Поводом послужило обычное для того времени на Урале явление. Строгановское вотчинное управление стало принимать усиленные меры против лесных порубок. Это окончательно вывело из себя крестьян, которые, собравшись большою толпой, направились в лес и произвели там массовую порубку. Лесная стража не могла остановить крестьян. Возник судебный процесс, в результате которого 18 крестьян было посажено в пермскую тюрьму, а остальные были разосланы по уездным тюрьмам [54].

Аналогичные случаи массовых порубок помещичьих лесов мы можем наблюдать в это же время и в других районах Урала.

В феврале 1902 г. происходил любопытный и громкий процесс в Екатеринбурге над крестьянином Сергеем Федорихиным и другими, обвинявшимися в вооруженном сопротивлении властям и покушении на убийство административных лиц. Дело возбуждено было Алапаевским заводом, и поводом к нему послужила «самовольная» порубка леса на дачах названного посессионного завода. Интересно отметить, что еще до этого дела на Алапаевском заводе велась бесконечная тяжба между крестьянами и заводоуправлением на почве лесных порубок. В 1902 г. земский начальник Дементьев утверждает, что, принимая должность, он получил от своего предшественника свыше 3 тысяч исполнительных листов на самовольных порубщиков [55]. Но чем ближе к нашему времени, тем более организованными становятся отдельные выступления крестьян, принимая характер массовых выступлений. От выстрела в царский портрет, от брани царствовавшего императора «сквернo-матерными словами» постепенно дело идет к критике всей правительственной системы, к осознанию необходимости преобразования политического строя страны. Скажем несколько слов относительно положения на Урале революционных организаций в изучаемый нами период времени. Историю первых революционных кружков и первых опытов революционной работы на Урале приходится восстанавливать главным образом по мемуарной литературе, не всегда надежной, особенно в тех случаях, когда воспроизводятся события давно минувших дней. Можно утверждать, что революционное движение в центре находило отголосок и на Урале. Революционного же материала на уральских заводах и в уральской деревне было достаточно.

В конце 70-х годов, в связи с выстрелами В. И. Засулич в петербургского градоначальника Трепова (1878 г.) и Соловьева в Александра II (1879 г.), усиливаются репрессии по отношению как к отдельным заподозренным лицам, так и целым группам. Происходят массовые высылки из крупных центров, особенно же из обеих столиц в места отдаленные: в Вятскую и Пермскую губернию и в Сибирь. Высылая политически неблагонадежных лиц на далекие окраины, правительство тем самым, вопреки собственному желанию, предоставляло последним возможность революционной работы и на периферии. На Урале начало кружковой революционной работе положено было высланными в Пермскую губернию «политиками». В 1883 г. под влиянием пропаганды этих административно высланных лиц, так называемых «пермских декабристов», в Перми организуются кружки из учащейся интеллигенции и рабочих *. На ряду с культурно-просветительными целями деятельность некоторых из этих кружков направляется явно «к свержению существующего монархического строя». Кружки ставили себе широкие задания по части революционной пропаганды: выписывалась «нелегальная» литература, пропагандировалась теория социализма, устанавливалась связь с окрестными рабочими, завязывались сношения и с крестьянскими массами. Около 1893 г. Николаем Васильевичем Арефьевым «с целью преступной пропаганды среди молодежи», как гласит официальный правительственный документ, были организованы кружки среди молодежи (гимназистов и семинаристов). В них читался Добролюбов, Чернышевский, Михайловский. Из «нелегальной» литературы в обращении был, главным образом, «Вестник Народной Воли» **. Одновременно почти, но самостоятельно и независимо от Перми возникает кружок молодежи в Красноуфимске и Кунгуре. В этих городах скоплялась учащаяся интеллигентная молодежь; у нее естественно возникало стремление к самообразованию, а

---

* В 1884 г. пермской полицией возбуждено было дело об учреждении негласного полицейского надзора за разными лицами, «освобожденными от тюремного заключения и привлеченными к революционному обществу». В вину этим лицам (в количестве 41 чел.) поставлено было то, что они организовали «социально-революционный кружок». (Пермский Окрархив. Фонд бывшего архива губернатора, 1884 г., дело № 5).

** Ссыльные Дениш, Маноцков, Фролов, Неклепаев и некоторые другие организовали у себя собрания, происходившие обычно по субботам и называвшиеся субботниками.

затем из кружков самообразования стали формироваться революционные кружки. В Кунгуре революционная пропаганда началась в кружке, в который входили Е. П. Поморцев, А. В. Давыдов и Воскресенский. Когда кружок был раскрыт, то к ответу были привлечены, кроме названных лиц, крестьяне и мещане — кунгурские сапожники: Лукьянов, Хлебников, Голдобин, Харлов и Соболев. Связь кунгурского кружка с Пермью поддерживалась через А. В. Давыдова, проживавшего в Перми.

Аналогичные процессы о «противоправительственном сообществе» ведутся и в Красноуфимске.

Первый марксистский кружок организован был в Перми в 1898 г. из местной интеллигенции. Во главе этого кружка стоял Влад. Никол. Трапезников (помощник присяжного поверенного, известный в своих кругах под кличкой «рабочий адвокат») и И. П. Ладыжников (железнодорожный фельдшер). Кроме них, в состав названного кружка входили: Р. П. Поморцева-Трапезникова, П. А. Матвеев (служащий на железной дороге), служащие губернского земства Ф. Граудзин, Д. Д. Юшков, А. А. Локтин, высланный 19 декабря 1898 г. из Петербурга за участие в пропаганде среди текстильных рабочих студент Е. А. Пузырев, зубной врач Ф. И. Мондштейн, библиотекарша Е. В. Савельева и некоторые другие. Сначала кружок имел чисто теоретическое направление: изучали Маркса, писали и обсуждали рефераты на экономические темы. Но затем мало-по-малу кружок стал переходить к революционной работе. Последнее обстоятельство вызвало некоторое количественное сокращение кружка: из состава его стали выходить члены, не желавшие итти дальше теоретической работы. В 1900 г. 2 мая кружок лишился деятельного своего члена Е. А. Пузырева, умершего от чахотки. Для собраний кружка в Новой Слободке по Оханской улице был снят вместительный новый дом. Собрания кружка стали посещать рабочие Мотовилихинских заводов и железнодорожного депо. В Мотовилихе среди рабочих действовал отдельный марксистский кружок под руководством В. Южакова.

На ряду с названным выше марксистским социал-демократическим кружком, превратившимся уже в 1898 г. в комитет РСДРП, в Перми существовал кружок, куда входили как социал-демократы, так и эсеры; здесь работали муж и жена Ягодниковы, губернский агроном Вс. Владимирский, П. А. Матвеев, Житкова (учительница) и некоторые другие.

Этот кружок повел энергичную работу среди учительства. На Далматовской улице, в квартире учителя Ф. Н. Ягодникова, нередко собиралось человек до 30, главным образом из Пермского, Оханского и Кунгурского уездов. На зимних каникулах для учителей здесь же устраивались особые собрания, где они знакомились с жизнью заграничного учительства и обсуждали различные злободневные вопросы. Руководил собраниями В. А. Владимирский. Этот кружок послужил ядром для образования в Перми отделения Уральского союза * социал-демократов и социалистов-революционеров. С организацией союза (в 1902 г.) расширилась издательская деятельность вошедших в состав его революционных сил.

Для этого пришлось снять новую квартиру по Большой Ямской улице в сторону Данилихи. Работа кипела во-всю. Брошюры по рабочему вопросу, по образному выражению Анны Никол. Ягодниковой, «пеклись, как блины». Уральский союз сразу же постарался наладить связь с рабочими ближайших заводов: Мотовилихинским, Добрянским, Чермозским, Бисерским, Чусовским и некоторыми другими. Установились тесные сношения с Вяткой, Екатеринбургом и Уфой. Ближайшие заводы снабжались агитационной литературой, печатавшейся сначала на тектографе, а затем в хорошо оборудованной собственной типографии, в которой самое деятельное участие принимал Мих. Туркин. Типография скоро впрочем попала в руки жандармов.

Параллельно с Уральским союзом с.-д. и с.-р. в Перми действовал и комитет РСДРП, в состав которого в начале его функционирования входили такие лица, как В. Н. Трапезников, Р. П. Трапезникова, Б. А. Вологдин, А. А. Шнееров, Янкевич, Ткаченко, врач Н. И. Иванов, В. П. Житкова. Ядро будущего комитета первоначально именовалось «группой освобождения рабочего класса». Была проделана попытка использовать для пропаганды социал-демократических идей среди широких масс трудящихся какое-нибудь периодическое издание. Руководителем социал-демократической группы была организована газета «Пермский Край». В распоряжении лидеров пермского комитета РСДРП «Пермский Край» находился с 6 декабря 1900 г. по 11 февраля 1903 г. После выхода из состава редакции «Пермского Края» членов мар-

* Уральский союз с.-д. и с.-р. первоначально был организован зимой в 1898 г. в Челябинске («Уральский Коммунист», 1923 г., апрель, стр. 47).

ксистского кружка, последними было организовано (с марта 1903 г.) издание «Рабочего Бюлетеня».

В течение 1900—1902 г. горная промышленность на Урале не переживала еще во всей остроте того общероссийского промышленного кризиса, который сказался здесь в более тяжелых формах несколько позднее,— с 1903 г. Для иллюстрации приведем небольшую справку:

Годы	Выплавлено чугуна в тыс. пуд.	% к выплавленному в 1900 г.
1900	49.873	100
1901	48.745	98
1902	44.192	89
1903	39 690	80
1904	39.6 0	79
1905	40.689	82
1906	36.152	73,9

Некоторые новые заводы: Шуваловские, Богословские, а из старых — Алапаевские и Тагильские даже расширяли свое производство. Наблюдается приток на уральские заводы рабочих из других районов России, выброшенных с разных предприятий в переживавшийся тогда промышленный кризис. Приток этот был иногда довольно значительным. Например, на Лысьвенском Шуваловском заводе отмечено 70% пришлого элемента. Шли на Урал рабочие отовсюду, главным образом с Поволжья: Саратова, Сормова и др. Некоторые (напр., А. Уральский) с появлением этого нового кадра рабочих связывают и развитие революционной социал-демократической пропаганды на уральских заводах. С этим однако не вполне можно согласиться, так как новоприбывший рабочий социал-демократ, ведший среди своих товарищей политическую работу, в целом ряде известных нам случаев имел предшественников.

Уральский союз социалистов-революционеров и социал-демократов оказался сшитым на живую нитку. К 1905 г. он распался сам собой. Между обеими группами очень скоро после организации союза началось расхождение, постепенно углублявшееся. Правда, некоторые видные работники (В. А. Владимирский) напрягали все усилия, чтобы установить контакт между революционной работой социал-демократов и социалистов-революционеров, отводя для первых работу среди рабочих масс, а для вторых — среди крестьян. Главным пунктом расхождения была аграрная программа

обеих партий. Социалисты-революционеры действительно скоро отмежевались, взяв на себя работу среди крестьянского населения. Но в условиях уральской горнозаводской жизни такое размежевание фактически провести было очень трудно. Эсеровская пропаганда находила себе прием на Урале именно потому, что она заостряла внимание на разрешении аграрного вопроса. Идеалом для рабочего на Урале, тесно связанного с заводом своим земледельческим хозяйством, была свобода от заводовладельца-помещика. Мы уже имели случай говорить, что средством приобретения рабочих рук на Урале был не только наем, но и отработки. Земская статистика по бывшему Красноуфимскому уезду свидетельствует, что тысячи крестьянских хозяйств пользовались от заводов землею, выгоном, лесом и т. д. либо бесплатно, либо за пониженную плату. В. И. Ленин в свое время отмечал, что Урал представляет оригинальный строй промышленности и порядки на нем освящены веками [56]. Действительно, рабочий на каком-либо петербургском или московском производстве легко оставлял место работы и искал нового. Уральского рабочего привязывал к заводу его земельный участок. Предметом недовольства рабочего на производстве в других районах была низкая зарплата, удлиненный рабочий день и т. д. На Урале, после реформы 1861 года, особенно остро ставился земельный вопрос.

Давно уже отмечалась и техническая отсталость Урала в сравнении с Югом. Замечено, что и применение машин к производству и увеличение числа рабочих на Юге шло гораздо быстрее, чем на Урале. Например: с 1877 по 1893 год на Урале число паровых сил увеличилось только в 2½ раза, а на Юге вшестеро, число рабочих на Урале—в 1⅔ раза, а на Юге почти вчетверо [57].

Сохранение крепостнических или полукрепостнических отношений создавало на Урале обостренность отношений между заводскими крестьянами и заводовладельцами, условия же заводского труда спаивали рабоче-крестьянскую массу в прочный коллектив, привыкший действовать вместе не только у домны или в лесах, на заготовках дров, но и в отстаивании «шумною и буйною» толпою своих прав в заводской конторе. Урал, бывший некогда очагом пугачевщины, и в последующее время казался наиболее подходящею ареною для выступления революционной народной массы, прошедшей хорошую школу классовой борьбы. Но если заводская обстановка влияла на крестьянскую массу революционизи-

рующим образом, — этим и можно объяснять относительный успех эсеровщины на Урале,— то и обратно: мелкобуржуазный уклад жизни горнозаводского рабочего сказывался на характере и глубине революционного движения уральского рабочего. Мы сможем заметить,— об этом будут говорить сами эсеры,— что в некоторых районах Урала эсеры пользовались незначительным успехом. Присмотримся внимательнее к этим районам, и мы заметим, что именно здесь в большой степени произошло раскрестьянствование рабочей массы, меньше практиковалась отработочная система и чище был пролетарский состав рабочих. Несколько ниже мы увидим, что в 1905 г. рабочие и крестьяне на Урале выступают вместе, одним фронтом. Но если в период первой революции крестьянский элемент создавал успех эсеровщины на Урале и тормозил рабочее движение в его чистом виде, то позднее рабочий элемент в этой исторической смычке оказал свое влияние уже в другую сторону. Эсеровщина очень быстро была изжита, социал-демократические идеи спаяли рабоче-крестьянскую массу в монолитную громаду, о которую разбились захлестнувшие было Урал колчаковские банды. И остатки эсеровских рабочих, выродившиеся в контрреволюционную банду Каппеля, вынуждены были покинуть Урал.

Но в начале 900-х годов революционное движение горнозаводского крестьянства еще не пришло к этому этапу своего исторического развития. На сцене эсеры еще фигурируют, хотя кризис партии уже намечается: специфический характер уральского крестьянства создавал различие «воззрений отдельных членов партии». Последнее же обстоятельство, как увидим ниже, очень долго не позволяло эсерам организовать на Урале свой областной комитет.

Присмотримся внимательнее к классовому составу эсеровских организаций. Наши источники дают нам возможность изучить почти полностью весь актив уральских эсеровских организаций. Без труда можно заметить, что главный контингент членов для партии поставляло учительство, служащие правительственных учреждений, учащиеся средних и высших учебных заведений и т. д.

Эсеры пытались выработать революционную теорию для крестьянского движения. Но поскольку эта «теория» нашла свое отображение на Урале главным образом в организации и деятельности так наз. крестьянского союза, постольку она оказалась недостаточно ясной и отчетливой.

Нам известен приговор крестьян Крыловской волости Осинского уезда от 13 декабря 1905 г., который между прочим гласит и о том, что крестьяне «вполне присоединяются к всероссийскому крестьянскому союзу, но не одобряют насильственного захвата частной собственности...» [58].

Аграрная программа крестьянского союза, равно как и политические его идеалы, отличались туманностью. Ясна была только необходимость расширения крестьянского землепользования, но на каких условиях следовало ликвидировать помещичье землевладение, об этом говорилось сбивчиво. Одни настаивали на выкупе, другие считали необходимою конфискацию. Компромиссного и точного решения данного вопроса не было. Это чувствовалось заметным тормозом во всей работе крестьянского союза. Не должно забывать и того, что, окружив своим вниманием крестьянина-собственника, союз значительно меньше уделял внимания деревенскому батраку. Таким образом, значительная категория сельского пролетариата фактически была отодвинута в сторону. Интересы мелкого собственника, интересы мелкобуржуазного хозяйства — вот о чем в конце концов печалился крестьянский союз. Как и партия с.-р., он игнорировал капиталистические отношения и был уверен, что стоит лишь распределить землю поровну между крестьянами, как социализм будет обеспечен. Туманность и расплывчатость, отсутствие какой-либо определенной программы, эклектизм—все это, по видимости, и создавало успех союзу среди мелкобуржуазной интеллигенции.

Недаром руководящую роль при союзе играло так наз. «бюро содействия», враждебно настроенное к социал-демократам, которые выступали с критикой аграрной эсеровской программы, призывали сельский пролетариат к смычке с пролетариатом городским—фабрично-заводским—и в пролетарской революции и в конечном торжестве социализма видели разрешение аграрного вопроса.

Трудно и не всегда даже возможно в том или другом случае крестьянских волнений усмотреть следы непосредственного воздействия социал-демократических организаций. Однако, имеющийся в нашем распоряжении материал, касающийся работы той или другой группы РСДРП на Урале, дает основание утверждать, что уральская деревня в 1905 — 1906 г. была широко охвачена социал-демократической пропагандой. Для примера укажем на работу очерской (Оханского уезда) группы РСДРП. Названная организация

находилась в тесном контакте и зависимости от пермского комитета РСДРП. Связь между ними поддерживалась через специальное окружное бюро *.

Для пропаганды среди очерских заводских рабочих и кустарей устраивались кружковые собрания, на которых читались популярные доклады и рефераты. В соседних деревнях (Сивинской волости) работа велась большею частью посредством раздачи листовок и популярной литературы. Время от времени проводились и беседы с крестьянами на животрепещущие и злободневные темы. Листовки распространялись в большом количестве. Во время обыска 31 декабря 1906 г. в квартире Елены Андреевны Пищальниковой, в Очере и с. Бубинском был обнаружен сверток с прокламациями (свыше 100 штук), предназначенными для крестьян с. Вознесенского (Сивинской волости). Очерская группа выпустила даже специальную листовку «Ко всем крестьянам». Из арестованных при обыске писем Елены Пищальниковой к матери узнаем, что в с. Сивинском (недалеко от с. Бубинского) «условия пропаганды весьма удачны». Сама Елена «под видом обыкновенных чтений для взрослых» намерена была кое-что еще прочесть крестьянам для более широкой работы. «Единственной задержкой являлось отсутствие хороших агитаторов-пропагандистов». Деревня представляет большие возможности для пропаганды. «Вот куда бы нужно сыпнуть летучек»,— пишет Елена Пищальникова. «Летучки» сыпались в деревню щедрою рукой, и результаты этого не заставляли ждать себя долго. Пермская жандармерия имела все основания считать «заметное брожение» среди населения Очерского завода в конце 1906 г., в связи с предстоящими выборами в Государственную Думу второго созыва, за результат работы местной группы РСДРП [59]. Аналогичных случаев мы знаем несколько.

Таким образом, судя по дошедшему до нас огромному количеству прокламаций и листовок, обращенных от имени существовавших на Урале комитетов РСДРП к местным крестьянам, социал-демократические организации вели значительную работу в деревне.

При внимательном изучении материала этого рода можно видеть, что эта работа протекала в двух направлениях.

---

* Сношения очерской группы РСДРП с пермским комитетом происходили через Елену Андреевну Пищальникову, служившую помощницей учительницы в с. Бубинском (Оханского уезда). В Очере проживала мать Пищальниковой, которую она очень часто навещала.

С одной стороны, крестьянство, как отдельное сословие, социал-демократические организации призывали к борьбе с царизмом в целях уничтожения всех крепостнических пережитков как в области аграрных отношений, так и в сфере политического режима. С другой стороны, социал-демократы особенное свое внимание сосредотачивали на сельском пролетариате, развивая перед ним теорию классовой борьбы в деревне, как борьбы за социализм с капиталистическими элементами.

Почва для такой работы в значительной степени была подготовлена всем предшествующим ходом развития уральской деревни. Мы неоднократно могли наблюдать, что крепостной режим на уральских заводах отражался на политическом развитии рабоче-крестьянской массы. Крестьянские волнения на Урале отличались большею сознательностью, чем где-либо в других районах России. Классовая борьба на Урале, как мы видели, велась на два фронта: с одной стороны, против крепостнической системы, с другой — против капиталистической эксплоатации. Та и другая на уральских заводах теснейшим образом переплетались и создавали, при родстве рабочих и крестьян на Урале, любопытные образцы революционной и политической смычки еще до великой Октябрьской революции.

В дополнение к сказанному заметим, что бо́льшим влиянием социал-демократическая организация пользовалась в тех районах, где крестьянские массы более тесно связаны были с заводом и где острее чувствовались капиталистические и крепостнические противоречия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Крестьянские волнения в 1905—1906 гг.—Правительственные мероприятия к пресечению этих волнений.—Предпосылки на Урале для дальнейших революционных движений.

Из сказанного видно, что крестьянские массы на Урале в период революции 1905—1906 гг. уже находились под воздействием революционной пропаганды. Обратимся к непосредственному обозрению самих событий и на ряде отдельных случаев посмотрим, как уральские крестьяне в 1905—1906 годы боролись за землю и волю.

Прежде всего нужно отметить, что в подавляющей своей массе крестьяне и в 1905 г. продолжают верить в благожелательное отношение к ним высшего правительства. Они убеждены, что в высших правящих сферах просто не знают об их тяжелом положении. Поэтому мы встречаемся со случаями посылок крестьянских делегатов и прошений в Петербург к царю, председателю совета министров С. Ю. Витте и т. д. Особенно откровенно заговорили крестьяне о своих нуждах после объявления манифеста 17 октября, когда блеснул сквозь нависшие мрачные тучи некоторый луч политической свободы. Деревня зашевелилась: стали созываться сходы, выносились приговоры, составлялись коллективные прошения и т. д. Укажем для иллюстрации несколько наиболее характерных случаев.

29 ноября 1905 г. крестьяне Оханского уезда, Спешковской волости, «в силу права, дарованного высочайшим манифестом 17 октября», на сходе постановили «уполномочить из среды волости для личных переговоров о нуждах народных с государем императором» крестьян Клементия Яковлева Попова и Афанасия Федотова Корелина, которые после этих «переговоров» должны были испросить разрешение о допущении названных двух уполномоченных «для участия

в Государственной Думе». Соблюдая некоторую осторожность и своего рода деликатность, сход постановил предварительно подать на царское имя телеграмму о разрешении вступить с ним в переговоры. При этом сход так был уверен во внимательном к нему отношении царя, что даже избрал специальных лиц (крестьян Артемия Иванова Шадранова и Сысоя Евлампиева Корелина), которые должны были получить «ответ» на посланную царю телеграмму.

Любопытное явление представляет самое прошение царю «доверенных от русских граждан», крестьян Спешковской волости (в количестве 10 человек). В начале его доверенные «считают неизлишним поставить на вид» царю, что хотя высочайшим актом 19 февраля 1861 г. население Спешковской волости и «было раскрепощено и освобождено от рабства в лице помещика графа Строганова, но тем не менее «полной гражданской политической свободы народу дано не было». Весьма ограниченное право местного хозяйственного самоуправления в конце концов было уничтожено. «Экономические притеснения» со стороны вотчинного управления гр. Строгановых, при создавшемся малоземелье, сделали то, что «населению существовать стало совершенно трудно». В заключение «доверенные» просят царя и (очевидно, для большей вероятности успеха) Государственную Думу «упрочить земельный строй» крестьян Спешковской волости путем отчуждения от помещика гр. Строганова земли и нарезки из этого земельного фонда крестьянам по 15 дес. на наличную мужского пола душу без уплаты выкупных платежей. Указывают крестьяне и на необходимость предоставления им права бесплатной пастьбы скота, права ловить рыбу, заниматься пчеловодством и охотою, снижения помольной платы (не дороже 2 копеек с пуда), продажи крестьянам по доступной цене лесного материала и бесплатного отпуска из помещичьего леса топлива. Затем идут «пункты» более общего характера, иногда не совсем увязывающиеся друг с другом и с перечисленными выше крестьянскими «просьбами». Некоторые из них трафаретны и встречаются во всех известных нам крестьянских приговорах; например: конфискация частновладельческих, казенных, удельных и церковных земельных имуществ, с предоставлением их в пользование трудящимся, устройство лесоохранительных комитетов, отмена косвенных налогов на предметы народного потребления и введение прогрессивного подоходного налога, передача продовольственного дела в ведение обще-

ственных учреждений, упразднение должностей, не имеющих значения, но причиняющих «ненормальные страдания» народному карману (имеется в виду «государственная» полиция в деревне, излишняя при существовании сельской полиции), отмена сословий и полное уравнение всех перед законом, удешевление и упрощение судопроизводства в высших судебных инстанциях, всеобщее образование и бесплатное обучение в низших, средних и высших школах, обеспечение населения медицинскою помощью, расширение избирательных прав в земских учреждениях и замещение земских должностей без вмешательства администрации, подчинение всех правительственных учреждений народному и гласному контролю, преобразование волостных правлений и содержание их на счет казны, право избрания духовенства, подсудность последнего общим судебным установлениям и изъятие его из ведения духовных консисторий, установление таксы («нормы») за церковные требы и полноправное участие мирян в управлении церковным хозяйством, всеобщая амнистия политическим заключенным. В завершение просители выражают уверенность, что и прочие народные нужды будут выполнены, например, будут открыты уездные богадельни для вдов, сирот и калек, и что вообще Дума сумеет установить такой порядок, «чтобы нищеты в народе не происходило, а все бы нуждающиеся оставались своим положением довольными».

Переписав ряд требований общего характера, просители снова возвращаются к своему личному положению. «На основании дарованных народу... свободы печати и совести...», крестьяне просят царя и Думу выслушать своих доверителей «заключительное прямое желание», чтобы не происходило более «беззаконного пользования баснословным пространством земли помещиком Строгановым, а установилось бы в отношении сем, как и должно быть, полное гражданское равноправие, т. е. тот же помещик, как и прочие граждане, такой же смертный человек, должен пользоваться тем пространством земли, которое может он обрабатывать с пролитием пота, собственными силами, а не строить и созидать золотых кумиров от природного дара и народного труда, пота и крови (крови в том отношении, что из-за клочка земли происходили у крестьян увечья и убийства, а между тем помещики от неограниченного пространства земли составляли и увеличивали свои капиталы и прогуливали деньги миллионами, а народ из-за земли дрался и

проливал слезы и кровь, где же она, матушка справедливость!)».

Доверители должны были требовать отобрания от помещика Строганова не только всех земель и разных «имений», но и денежных капиталов, значащихся по документам, и передачи последних в распоряжение правительства для употребления на народные и «безотлагательные» правительственные нужды (напр., на сооружение военных судов и пр.). В заключение просители уверяют правительство: «мы, народ, не будем производить беспорядки и бунты, а будем чувствовать себя в полном смысле равноправными без всяких сословно-природных привилегий всероссийскими гражданами и верными сынами и заступниками отечества на благо его спокойствия и процветания» [60].

Мы несколько задержались на изложении содержания этого в высшей степени интересного документа. В нем все останавливает на себе внимание: и описание горького, «совершенно трудного» положения крестьян Спешковской волости и вера их найти справедливую защиту у царя и Думы. Интересными представляются разнообразные «пункты» их просьбы: здесь все свалено в одну кучу, без малейших элементов редакторской работы: свое и чужое, лично пережитое и заимствованное извне. Наконец, характеризующее настроение крестьянской массы Спешковской волости заключение цитированного прошения превосходно отражает исторический момент. Одно и то же прошение переписывается в двух экземплярах: один адресуется царю, другой в Думу. Не трудно выявить и некоторые источники, использованные составителями цитированного прошения. Это — перечень разнообразных требований, начиная с конфискации частновладельческих земель, кончая учреждением богаделыни и т. д. Подобные требования, как мы увидим ниже, с некоторыми местными вариантами встречаются всюду в крестьянских приговорах, даже весьма часто в одних и тех же литературных выражениях, и предполагают одно и то же происхождение. Зато, когда протокольный перечень «свобод» и «прав» оканчивается, сразу же начинается индивидуальное творчество самих просителей, страдающее литературными погрешностями, но зато верно отображающее деревенскую действительность своего времени и своего места. Мы не знаем подробностей, сопровождавших попытку крестьянских «доверителей» вступить в «переговоры» с царем, но не сомневаемся в том, что прошение их, скрепленное

подписью волостного старшины и писаря и удостоверенное печатью Спешковского волостного правления, оказалось в недрах архива губернаторской канцелярии.

Приблизительно в то же время удельные крестьяне ряда деревень (Шульдихи, Толстика, Быстрой и Глубокова) подают прошение тогдашнему председателю совета министров С. Ю. Витте с просьбой направить («препроводить») его в будущую Государственную Думу «на предмет рассмотрения их нужд» для удовлетворения которых, по мнению просителей, нужно: 1) увеличение земельного надела до такого размера, чтобы его было достаточно для ведения полного хозяйства, что должно быть сделано за счет помещичьих, удельных и частновладельческих земель; 2) введение подоходного налога; 3) прекращение выкупных платежей; 4) устройство кредитных учреждений; 5) введение бесплатного «государственного» обучения; 6) устройство бесплатных мастерских при школах; 7) всеобщее избирательное право... (на этом цитируемое прошение обрывается) [61].

Мы знаем случаи коллективной подачи прошений крестьянами и местному вотчинному управлению в расчете на мирное разрешение больных вопросов.

И только потом уже, отчаявшись добиться удовлетворения своих нужд мирным путем, крестьяне начинают волноваться. Иногда вотчинное управление делает частичные уступки крестьянам, не особенно убыточные для владельца. Укажем для иллюстрации на такой хотя бы случай. Крестьяне Нижне-Мулинской волости обратились с рядом «просьб» к главноуправляющему вотчинными имениями кн. Голицына Рудольфу; и на каждую просьбу со стороны последнего был дан ответ. Например: крестьяне просили, чтобы лес отпускался всем крестьянам и только для домашних надобностей, а не на продажу, потому что дача настолько оказывалась истощенною, что «скоро рубить будет нечего». Главноуправляющий согласился впредь отпускать лес по спискам обществ.

Крестьяне Нижне-Мулинской волости, как мы уже говорили выше, при заключении арендного условия на землю обязывались «охранять лесные площади». В виду тяжести этих обязанностей они просили освободить их от этой охраны. Управляющий Рудольф согласился удовлетворить данную просьбу крестьян. На просьбу крестьян отпустить лес по казенной таксе, а на выданные в кредит валовые билеты

сделать скидку управляющий согласился продавать лес по расценке, принятой на юговском казенном лесничестве, не делая снижения против этой таксы, кроме старого валежного леса.

Большой интерес представляет просьба крестьян сдавать земли в аренду целым обществам, а не отдельным «личностям» — кулакам. На это также Рудольф выразил согласие и даже желание. Некоторые пункты крестьянских просьб были удовлетворены частично. Напр., крестьяне просили, чтобы произведенные ими порубки, как вызванные необходимостью, не вызывали судебного преследования. Управляющий согласился не возбуждать дела по валовым порубкам скопом, но при условии, если крестьяне добровольно уплатят убытки за вырубленный лес по казенной таксе. Не трудно видеть, что вотчинное управление сделало небольшие уступки крестьянам, и после этого оно могло считать конфликт улаженным [62].

Иногда такое коллективное прошение крестьян носило характер ультиматума. Пред нами прошение управляющему пермскими вотчинами князя Голицына крестьян Осинского уезда, Беляевской волости, такого содержания: «Имеем честь покорнейше просить вас, ваше высокородие, разрешить бесплатный отпуск нам, всей волости, леса за прежние 46 лет, на каждый дом по 5 дерев строевого леса, по 10 жердей, по 15 кольев, по 3 сажени дров, по ¼ сажени березника для лучины, так как по сие время, согласно уставной грамоте, все это количество леса нами не получалось; кроме того, еще по 5 штук берез на топорья и по 1 возу лык. Кроме того, покорнейше просим ваше высокородие дать по сему делу распоряжение в течение 3 дней; если же ничего не будет сделано, то, по истечении сего времени, упомянутое количество леса будем рубить сами самовольно, в том и подписуемся». Прошение подписано волостным старшиной и 9 сельскими старостами [63]. Какова была судьба, постигшая это крестьянское прошение-ультиматум, догадаться не трудно. Историк крестьянских волнений находит его в архиве бывшего пермского губернатора!

Подавая коллективные прошения царю, в Думу, председателю совета министров и т. д., уральские крестьяне на своих съездах и сходах выносят соответствующие приговора, которые имеют большое значение не только сами по себе, как свидетельство о постепенном росте крестьянского самосознания, сплоченности и революционности крестьян-

ской массы, но и как довольно обстоятельная картина быта уральского крестьянства. В этом отношении большой интерес представляет постановление происходившего зимою 1905 г. в селе Путино съезда крестьян Оханского уезда (волостей Путинской, Старо-Путинской, Спешковской и Дубровской) под председательством крестьянина Спешковской волости Климентия Якимова Попова.

Указав на малоземелье, обременение крестьян высокими прямыми и косвенными налогами, непосильную плату и штрафы за пастьбу скота, отсутствие кредита, гнет бюрократического и полицейского произвола, отсутствие сельскохозяйственных складов и агрономов для улучшения сельского хозяйства, отсутствие в деревне «техники и правильного сельскохозяйственного производства», невежество и недостаток школ, библиотек, читален и больниц, неравенство перед законом и высокие «поборы» духовенства, съезд вынес следующее постановление: 1) Чтобы учредительное собрание отобрало в пользу народа все частновладельческие, казенные, удельные, церковные и монастырские земельные имущества, предоставляя таковые без выкупа в пользование сельских общин и отведение (уничтожив при этом чересполосицу) в личное распоряжение крестьян по 15 десятин земли на душу, т.-е. столько, сколько может обработать самостоятельно каждый отдельный хозяин. 2) Немедленно упразднить всю государственную полицию и институт земских начальников, эти крестьянские «крепостные хомуты и лишние проживатели народных средств». В виду того, что в скором времени предполагалось в губернии ввести уездно-государственную полицию, съезд постановил бойкотировать это правительственное нововведение: «Всем таким чинам полиции квартир не давать, всякие продукты им не отпущать, никаких распоряжений их не исполнять и согласия на поступление в чины полиции никому из крестьян не изъявлять». 3) Отменить все косвенные и прямые налоги, заменив их прогрессивным подоходным налогом. 4) Отменить всесословные и всякие другие привилегии, установив равенство перед законом. 5) Удешевить и упростить ведение процессов в высших судебных инстанциях. 6) Организовать выборный народный всесословный суд. 7) Ввести общее бесплатное обязательное обучение. 8) Отменить плату за обучение в средней и высшей школе, открыв туда свободный доступ всем желающим учиться. 9) Увеличить сеть медицинских пунктов. 10) Просить об амнистии для всех поли-

тических заключенных, пострадавших в борьбе за свободу и религиозные убеждения. 11) Немедленно созвать учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. 12) В дер. Денисовке (Старо-Путинской волости) организовать бюро, куда должны поступать все крестьянские «замечания» и вновь выработанные «нужды» крестьян. В дер. Денисовке должны происходить и следующие крестьянские съезды. 13) Председателем Оханского уездного крестьянского союза съезд избирает крестьянина Спешковской волости Клементия Попова. 14) Съезд присоединяется к Всероссийскому Крестьянскому Союзу «для солидарных стремлений». 15) О своих решениях бюро должно оповещать все волостные правления в уезде и опубликовывать в газетах «Пермский Край», «Сын Отечества» и др. 16) Лес помещика Строганова, имеющий в будущем перейти к крестьянам, последние обязуются охранять сами, предложив выселиться и немедленно покинуть службу (под угрозой отнятия у них земли) всем лесным сторожам [64].

Некоторые приговоры отличаются скудостью содержания, хотя и выносятся довольно многочисленным собранием. Например: 11 декабря 1905 г. в Мотовилихинской волости мастеровые и сельские обыватели Югово-Запрудского, Иваново-Висимского и Лугово-Запрудского сельских обществ, собравшись в количестве 722 человек, «рассматривали» сначала вопросы «чисто хозяйственного характера», а затем сход «возбудил» вопросы, «волнующие сердце каждого русского человека, разрешение которых успокоило бы не только исстрадавшиеся сердца мотовилихинских обывателей, но и всю истерзанную дорогую родину, Россию, как неудачной войной, так и внутренними раздорами». После такого высокопарного начала можно было бы ожидать, что сход станет обсуждать вопросы действительно государственной важности, однако, в этом приходится разочароваться. Только в первом пункте резолюции мотовилихинские мастеровые и сельские обыватели взглянули дальше своей колокольни, вынеся постановление послать царю телеграмму с просьбой для успокоения страны немедленно созвать Государственную Думу на началах прямого, всеобщего, равного и тайного голосования для выработки основных законов. Следующие 7 пунктов касаются вопросов об организации в Мотовилихе милиции, о жаловании милиции и полицейским чинам, о порядке дежурства патрулей. При этом

детально обсуждены и вынесены соответствующие постановления о таких предметах, как обязательность для легковых извозчиков обслуживать потребности милиции. Обстоятельно трактует сход о мерах соблюдения тишины и порядка на улицах, запрещая ходить на святках в маскарадных костюмах, в масках и т. д. Несколько особняком стоят два пункта (§§ 9 и 10) относительно школы и права рабочих посылать туда своих детей [65]. Можно предполагать, что эти 722 обывателя—мелкие мастеровые, извозчики, лавочники, трактирщики и т. п. с достаточной примесью полицейских чинов—специально созваны были полицией для предъявления ее собственных требований, которые она сама предъявить не решалась.

Значительно содержательнее являются приговоры крестьянских сходов по разным волостям бывшей Пермской губернии.

Отметим то общее, что можно наблюдать во всех редакциях имеющихся у нас под руками приговоров. 1) Немедленные выборы в учредительное собрание на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, поскольку только такое собрание может успокоить страну; 2) передача в общую собственность народа всей земли; 3) замена косвенных налогов прямыми подоходными; 4) полная отмена выкупных платежей; 5) отмена деления на сословия; 6) упразднение института земских начальников; 7) всеобщее и бесплатное образование; 8) организация медицинской помощи; 9) выборность судей и административных лиц; 10) упрощение административного и судебного аппарата; 11) неприкосновенность личности, неограниченная свобода слова, печати, собраний, стачек и союзов; 12) широкое развитие местного самоуправления; 13) сохранение навсегда крестьянской земельной общины (приговор бывших государственных крестьян Притыкинской волости Оханского уезда); 14) амнистия политическим арестованным; 15) жалованье духовенству от казны (приговор Крыловской волости Осинского уезда); 16) общественное призрение для престарелых и увечных; 17) решение о присоединении к Крестьянскому Союзу.

Сделаем к сказанному выше несколько дополнительных замечаний. Крестьянские сходы бывали почти всегда весьма многолюдными. Напр., в Крыловской волости (Осинского уезда) в 1905 г. 13 декабря на сход, вынесший обширный приговор, из общего числа 990 домохозяев явилось

679 человек. В Притыкинской волости 23 ноября 1905 г. приговор вынесли 234 человека; в Мотовилихинской волости на сходе присутствует 722 человека и т. д.

Интересно отметить происхождение резолюций, принятых на этих сходах, выяснить их литературные источники, несомненно имевшиеся налицо, и указать дальнейшую судьбу этих резолюций. В архиве Пермского Истпарта мы встречаем несколько заготовленных и отпечатанных на гектографе бланков для будущих резолюций крестьянских сходов. В них после слов: «мы, крестьяне...» оставлено пустое место, а в некоторых бланках просто сказано: «такого-то сельского общества, волости и уезда»... Существованием таких ранее заготовленных образцов резолюций можно объяснить текстуальные совпадения в целом ряде приговоров. Имеются и еще более веские данные утверждать, что для приговоров были литературные источники. В Пермском Истпарте хранится гектографированный образец крестьянского приговора с. Маркова, Московской губ., представленный в Московскую губернскую земскую управу. В свое время, как наиболее выразительный, он был перепечатан в «Самарской Газете» за 1905 г., № 213, от 10 ноября. На том гектографированном экземпляре, который был у нас под руками, имеется следующая приписка: «Желательно, чтобы этот приговор прочитывался на сельских и волостных сходах, и, если крестьяне признают пользу высказанного в нем, то составляли бы подобные приговоры и присылали копии с них в г. Пермь, в губернскую земскую управу, для передачи в Крестьянский Союз». Таким образом, некоторое незримое для непосвященного глаза руководство Крестьянским Союзом выработки на сходах приговоров подтверждается текстуальным разбором этих приговоров. Недаром почти в каждом из них крестьяне выносят решение о присоединении их к Всероссийскому Крестьянскому Союзу; и только крестьяне Крыловской волости, Осинского уезда, свидетельствуют о своем «полном» присоединении к Крестьянскому Союзу с оговоркой: «но не одобряем насильственного захвата частной собственности»...

В архивном фонде Пермского Истпарта попадаются копии крестьянских приговоров Черниговской губернии, присланные на Урал, очевидно—для соответствующего руководства.

Имели ли крестьянские приговоры какое-либо реальное значение? В правящих кругах они известное впечатление

производили. Крестьянская масса, которую привыкли считать безгласною или же, в крайнем случае, способной только на стихийный, неорганизованный бунт, вдруг заговорила настоящим человеческим языком и заговорила на такие темы и о таких вещах, которые считались для нее совершенно недоступными.

Неудачный исход революции 1905 года вообще решил судьбу и приговоров. После уже, в период реакции, крестьяне стали отказываться от того, за что так горячо ратовали зимою 1905 года. Мало того, инициативу составления приговоров крестьяне стараются снять с себя. Вместо прежних составляются новые приговоры, совершенно другого содержания. Вот для образца один из таких приговоров:

«1906 года, февраля 12 дня. Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Пермского уезда, Чусовской волости, жители села Куликова, деревень Колобет и Пеньков, быв сего числа в общем собрании под руководством куликовского сельского старосты Дмитрия Николаева Долматова, постановили сей приговор в следующем: Около декабря 1905 года нами был подписан приговор (в копии который при сем прилагается), предъявленный нам врачом Чусовского участка г. Буториным и учителем Верхне-Чусовского 2-классного училища г. Гринь к подпису, каковой приговор мы подписали по малограмотности своей и по увещеванию Буторина и Гринь; теперь мы, убедившись в незаконности означенного приговора, постановили таковой считать недействительным и подписи свои берем обратно. Подлинность подписали: Григорий Субботин, Влас Рычков и другие. Скрепил волостной старшина Трубинов и волостной писарь Бражкин». Подлинность же приговора удостоверяет пермский уездный исправник [66].

Каких-либо комментариев к этому весьма характерному документу эпохи реакции не требуется. Аналогичная судьба, по всей видимости, постигла и многие другие приговоры.

Приговоры сельских сходов были, так сказать, легальными приемами крестьянской борьбы за землю. Но на ряду с этим для крестьян очень часто единственным выходом из создавшегося положения оставался путь волнений, самовольная порубка леса, разгром помещичьей усадьбы и т. д. Поводов к этим волнениям было достаточно.

По сведениям, полученным из Пермской губернии в Вольном экономическом обществе, крестьянские волнения

выразились прежде всего в массовых порубках леса. Начались эти волнения в конце октября—ноября 1905 г. В Соликамском уезде (Юсьвинская, Козьмодемьяновская и Кувинская волости) движение шло с юга на север, от ближайшей железной дороги. Испытывая острую нужду в лесе, крестьяне, вследствие слухов о свободе, решили, что все принадлежит им и начали порубку. Последняя протекала довольно энергично, так как из каких-то источников крестьяне узнали, будто бы рубить лес можно будет только до 1 января (1906 г.).

Бывали случаи, когда крестьяне рубили и возили лес «помочью». В Пермском уезде, Верхне-Мулинской волости, крестьяне поспешили было составить приговор от имени всего общества, чтобы помещик не смел продавать леса, так как он должен быть крестьянским. В порубке помещичьего леса принимали участие все слои крестьянства, даже кулаки, у которых было больше перевозочных средств. В качестве агитаторов называли «манчжурских» солдат, демобилизованных после заключения мира с Японией. По словам одного корреспондента Вольного экономического общества, эти солдаты вернулись домой с таким «духом», что прямо заявляли: «теперь—все наше». Отмечают «руководящее влияние» в происходивших волнениях и крестьян, побывавших на стороне, на заработках, и набравшихся там «вольного духу» [67].

Разумеется, нужда в лесе не была единственною причиною крестьянских волнений на Урале в 1905—6 гг. Были и другие. Когда 21 декабря 1905 г. в дер. Казаеву, Колосовской волости, Кунгурского уезда, прибыли волостной старшина Лаптев, полицейский урядник Смирнов и сельский староста для отобрания описанного за недоимки у башкир имущества, население не допустило их до этого и избило старосту и урядника.

Характер аграрного движения приняло крестьянское волнение в с. Крылове (Осинского уезда). 11 декабря 1905 г. там собрался частный соединенный сход крестьян. На сходе оказался земский начальник Дружинин, исправник и становой пристав. Произошел конфликт между властями и крестьянами. Вот как рассказывает о происшедшем официальный документ—донесение (телеграмма) в министерство внутренних дел управляющего Пермской губернией Стрижевского от 13 декабря 1905 г. Крестьяне сначала нанесли Дружинину массу оскорбений словами; потом произвели осмотр его бумаг и грозили провести босым через село. Когда

Дружинин пытался удалиться из волостного правления, ему стали наносить побои. Вмешательство исправника оказалось безрезультатным. Досталось и полиции. У околоточного кто-то из толпы вырвал револьвер. Дружинину и становому приставу крестьяне пригрозили, что не выпустят их из села. Контора Голицына, квартиры лесничего и конторщика подверглись разгрому, а имущество изломано и расхищено; разогнана была лесная стража, а имение было объявлено достоянием крестьян, которые прежде всего занялись порубкою леса.

Почти вся волость была охвачена волнением, которое угрожало распространиться и на соседние волости. Интересно отметить то, что управляющий губернией причиной волнений в Крыловской волости считает пропаганду со стороны Крестьянского Союза [68].

В декабре крестьяне Крыловской волости собрали сход, выработавший приговор, представляющий попытку оправдать происшедшие незадолго пред этим волнения. Первым «пунктом» поставлено было требование, чтобы вся земля с растущим на ней лесом, казенная, удельная, монастырская, церковная и частновладельческая, принадлежала народу, а равно и помещичья (выражение «частновладельческая» казалось составителям приговора мало убедительным и недостаточным). После перечня ряда других требований, общих для всех известных нам приговоров, особым «пунктом» поставлено следующее: «чтобы была полная амнистия пострадавшим за политические убеждения и за крестьянские беспорядки, которые происходят по темноте, невежеству и малоземелью, которое привело нас к нищете, и чтобы была отменена смертная казнь» [69].

Данная крестьянами мотивировка происшедших «беспорядков» наиболее ярко подчеркивает настроение крестьян Крыловской волости в данный момент. Требование снятия повсюду военного положения и усиленной охраны, а также отмены института земских начальников, становых приставов, исправников, полицейских стражников и податных инспекторов для крестьян Крыловской волости после событий 11 декабря также не было лишь только теоретическим требованием. Решение крестьян «вполне» присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, но без выражения «одобрения» насильственному захвату «частной» собственности, звучит для нас совершенно непонятно после того, как авторы его всего лишь два дня тому назад объявили имение Голи-

цына крестьянскою собственностью, разгромили контору, а первым пунктом в своем приговоре поставили переход частновладельческой земли к народу.

Возможно, что такая оговорка была мерой предосторожности против правительственного возмездия. Основания для этих опасений действительно имелись. В ответ на донесения управляющего губернией из министерства внутренних дел последовала резолюция: немедленно послать в Крыловскую волость отряд вооруженных винтовками стражников и водворить порядок, агитаторов арестовать, а от всего крестьянского населения требовать исполнения закона и подчинения властям. Стражники должны были действовать решительно.

Аналогичным характером отличались в 1905 г. крестьянские волнения и в других уездах Уральского края. Правда, уфимский губернатор Цехановский 10 апреля 1905 г. доносил министру внутренних дел, что «нигде в губернии не замечается среди сельского населения признаков насильственного движения против казенной и частной земельной собственности, подобно имевшим место в Черниговской, Орловской и других губерниях, так что надо подумать, что политическая пропаганда на почве волнений аграрных хотя во вверенную мне губернию и проникла, но пока не возымела своего действия».

Однако отдельные случаи и притом «острых земельных споров», могущих породить нежелательные волнения, в этой мирной губернии существовали. Еще в мае 1904 г. крестьяне в с. Красном Холме, Бирского уезда, не позволяли рабочим помещицы Шишковской обрабатывать поле, изъявляя на него свои претензии. Только после того, как полиции удалось «изъять» и выслать из губернии 5 инициаторов («подстрекателей»), спокойствие «восстановилось». В ряде других сел споры крестьян с помещиками велись судебным порядком, не угрожая разрешиться открытыми волнениями.

Не замечает ретивый губернатор и крупных случаев отказа крестьян от аренды владельческих земель, из чего без особого труда можно было бы усмотреть признак предстоящих захватов крестьянами арендуемой земли; упустил он из виду и выходящие из ряда обычных порубки, запашки и потравы в помещичьих угодьях [70].

Более тревожные вести доходили в Департамент полиции от Оренбургского жандармского управления. В Оренбургском уезде, в с. Спасском, возникло «неудовольствие»

между крестьянами и помещиком Мих. Эдуард. Эверсманом (сын его в то время был и. д. оренбургского губернатора), который самовольно отрезал от крестьянского надела еще в 1902 г. целых 30 дес. земли. Несмотря на то, что крестьяне неоднократно ходатайствовали о присылке казенного землемера, власти медлили с выполнением этой законной, казалось бы, просьбы. Весною 1905 г. Оренбургское жандармское управление получило сведения, что «возбужденные более беспокойными элементами из своей среды» крестьяне предполагают с началом весны произвести самовольную запашку отрезанной у них Эверсманом земли. В связи с этим среди крестьян шло какое-то брожение, выявлявшееся в толке, что, де, надо бить господ, так как у властей не найдешь защиты.

В селе Семакине, той же Спасской волости, существовало сильное озлобление крестьян против местных землевладельцев, оренбургских купцов Оглодкова и Назарова, которые отняли от крестьян 300 десятин земли, предоставленных крестьянам прежним помещиком Абрамовым.

В Троицком уезде волновалось большое село Николаевка, Екатерининской волости, также на почве малоземелья. При проведении реформы 1861 года крестьяне села Николаевки отказались получать душевой надел, несмотря на военную экзекуцию. Они предпочитали арендовать землю у соседних помещиков, у казны и даже у башкир, но не итти в экономическое рабство к своему прежнему барину, графу Мордвинову. Согласно положению, николаевцы получили так наз. дарственный надел в размере 1¼ десятины, но зато без всяких обязательств по отношению к своему помещику. Но в 80-е годы Троицкий и Челябинский уезды были колонизованы переселенцами из внутренних губерний. Повышение арендных цен в 90-е годы и неурожаи подорвали экономическое благосостояние николаевских крестьян. Обострились отношения с барской экономией, принявшие резкий характер.

Осенью 1904 г. в разное время были произведены два выстрела в окна конторы экономии и кабинета управляющего. Вслед за этим были подожжены хозяйственные постройки помещика. Вотчинное управление получило сведения, что крестьяне намерены окончательно разгромить помещичью усадьбу. Для выяснения причин волнений на месте, командирован был С. П. Сафонов, который установил, что «главная причина всех недоразумений кроется в отсут-

ствии земли у крестьян». Хотя управляющий экономией Волков считал арендную цену 3 р. в год за десятину «посильной» для крестьян, но в действительности дело обстояло иначе: за 1904 г. крестьяне задолжали помещику 7 тысяч рублей, а к 1 сентября 1905 г. должны были уплатить около 18 тысяч рублей текущей аренды. По существующему договору, до уплаты аренды, крестьяне не имели права увозить хлеб с поля. Посему управляющий имел все основания ожидать осенью крестьянских беспорядков.

На крестьянском сходе 17 июля С. П. Сафонов предложил крестьянам, чтобы они 1) обратились к вотчинному управлению с просьбой продать им земли при посредстве Крестьянского банка; 2) или же, при желании, позаботились о переселении на башкирские земли, купленные при помощи того же Крестьянского банка. Но суть дела, очевидно, заключалась в другом. Крестьяне претендовали на помещичьи земли на том основании, что некогда их отцы и деды отказались получать землю от помещика. Напрасно Сафонов развивал «логику юридического права»: у крестьян была своя логика, которую они считали неопровержимой. Среди крестьян оказалось несколько человек запасных чинов, а также несколько лиц, побывавших в других губерниях; воздействовать на них было весьма трудно.

Аграрное движение в других губерниях отразилось и на настроении оренбургских крестьян. Имелись налицо следы пропаганды. Многие крестьяне читали либеральные газеты и журналы, напр., газету «Русь», «Нашу Жизнь», «Сын Отечества», «Русские Ведомости» и др. и цитировали целые отрывки из этих газет «с удивительным пониманием». Единственным «рациональным» средством устройства безземельных крестьян с. Николаевки Сафонов считал восстановление права их на получение установленного надела из окружающих эти села помещичьих земель. Но последнее шло в разрез с интересами помещика, и, само собой понятно, нельзя было рассчитывать на его исполнение [71].

На Урале в 1905 г. можно было наблюдать случаи совместного выступления рабочих и крестьян. Для иллюстрации назовем Алапаевскую стачку. Алапаевские бывшие посессионные рабочие у заводов и губернской администрации была «на дурном счету» с ранних пор. Оснований для этого и в прошлом, и в настоящем было достаточно Осенью 1902 г. рабочие Алапаевских рудников разгромили контору; возникший по этому делу процесс тянулся вплоть до 1905 г. и

закончился благоприятно для подсудимых едва ли не под воздействием надвигающихся тревожных событий.

В свое время процесс алапаевских рудокопов привлекал внимание широких общественных кругов, и обвиняемых защищали на суде лучшие адвокаты. Сильное впечатление произвело, вызвав множество комментариев, заявление обвиняемых: «мы были голодны, как волки, и голод и притеснения горной администрации заставили нас итти на преступление». И действительно, повидимому, только непереносимый голод толкнул алапаевских рудокопов на резкие и решительные шаги, так как революционной организованности среди них еще не было: она только-что начинала появляться. Один рабочий-революционер вспоминает, что когда он пришел работать в механический цех (это было в сентябре 1904 г.), там царила «мертвая тишина». Рабочие читали только «Уральскую Жизнь», «Дружеские Речи» и т. п. Этот рабочий посоветовал выписать «Право», «Русь», «Вестник Фабричного Законодательства» и ряд других периодических изданий. Можно судить, что происходило в Алапаихе!

В феврале 1905 г. приехал в Алапаевский завод т. Т., и дело значительно оживилось. Стали организовываться кружки, появилась нелегальная литература и т. д. Раскаты революционного грома стали доноситься до Алапаевского завода довольно явственно. Стрелка барометра неумолимо близилась к роковому «гроза»! 7 марта 1905 г. в целях выяснения принципиального вопроса: бастовать или нет, алапаевцы собрали митинг. Полиция оцепила дом, разогнала собравшихся, а одного товарища (В.) арестовала: у него оказалась нелегальная литература. На другой день громадная толп рабочих явилась к зданию правления и потребовала как освобождения арестованного товарища, так и разрешения рабочих собраний. Растерявшаяся полиция выполнила и то и другое. В течение ближайших дней забастовка охватила все цехи Алапаевского завода. Были выработаны требования к администрации и избраны лица, которые должны были отстаивать эти требования. Заводское управление растерялось, так как завод был удален от губернских административных центров. Пришлось поэтому согласиться на совместные заседания выбранных рабочих депутатов с представителями заводской администрации и окружной инспекции.

Хотя общих требований забастовавшие рабочие не выработали, а каждый цех выступал со своими требованиями

отдельно, но единство движения от этого не нарушалось. Отдельные варианты объяснялись различными условиями работы того или другого цеха. Основные положения выставленных рабочими-алапаевцами требований сводились к следующему: 1) введение восьмичасового рабочего дня и сокращение рабочего времени в праздники и воскресные дни, 2) увеличение заработной платы и оплаты сдельных работ, 3) своевременная и аккуратная выдача денег, пенсий и пособий больным и престарелым рабочим, 4) улучшение обращения с рабочими. Кроме того, некоторые цехи, напр., механический, выставили требование непреследования делегатов-рабочих и неувольнения рабочих с заводов по требованию полиции.

Но только часть предъявленных требований была удовлетворена—и главным образом те, которые не влекли за собой особенно заметного сокращения предпринимательской прибыли. Интересно и то, что заводская администрация признала рабочую делегацию, и управляющий заводами горный инженер Грум-Гржимайло обещался не преследовать ни делегатов, ни других рабочих, особенно заметным образом проявивших свою активность во время стачки.

Ярко бросается в глаза сознательность и планомерность в алапаевском движении. Сознательность рабочих проявилась в избрании совета рабочих депутатов, просуществовавшего на заводе в течение полутора месяца. Этот совет фактически направлял всю жизнь завода в период своего кратковременного существования. Следует указать и еще некоторые особенности алапаевской стачки. Чуть ли не впервые на Урале алапаевские стачечники затронули политические вопросы и выдвинули политические лозунги. Если политические требования не отличаются достаточною определенностью и отчетливостью, то объяснять это приходится не только отдаленностью алапаевского движения от центрального партийного руководства, но и связью с одновременно происходившим в Алапаихе аграрным движением. Все же, несмотря на это, политические лозунги алапаевцев интересны. Они требовали: 1) узаконения стачек, стачечных комитетов и других рабочих организаций, 2) неприкосновенности личности и устранения административного произвола, 3) государственного страхования рабочих, 4) свободы печати, всеобщего обучения и свободы внешкольного образования и 5) участия рабочих с правом совещательного голоса в высшем законодательном учреждении страны. Эта петиция бы-

ла послана в Петербург в нескольких экземплярах. Не доверяя канцелярскому делопроизводству и волоките, в средине апреля алапаевцы посылают в Петербург специальную делегацию продвигать поданную петицию.

И по сути Алапаевский совет рабочих депутатов, судя по имеющимся данным, был первым по времени советом рабочих депутатов в тогдашней России, прообразом возникших потом Петербургского и Московского советов. И так как возник он совершенно стихийно и также стихийно, в силу логики вещей, с чисто экономических функций перешел на функции политические,—то как же прав был недолго спустя Ленин, провидевший, что форма советов—это форма будущей организации государства, данная самой жизнью, самим рабочим движением!

Но особенно нужным считаем мы отметить то обстоятельство, что алапаевская стачка была тесно увязана с местным крестьянским движением. Этот момент в алапаевском революционном движении придавал ему грозную в глазах правительства силу, хотя, с другой стороны, специфические черты крестьянской идеологии могли неблаготворным образом отразиться на чистоте революционных лозунгов.

Суть дела заключалась в следующем. Мы уже неоднократно указывали на то, что отношения уральских рабочих к заводовладельцам в значительной степени определились земельным вопросом. Поземельные отношения крестьян в посессионных заводах Урала определялись и регулировались законом 19 мая 1893 г. Алапаевское заводское управление разными правдами и неправдами добилось права устроить земельный быт своих крестьян на основании добровольного соглашения с ними. Крестьянскими представителями была подписана какая-то бумага, из которой они уже позднее узнали, что они получат далеко не то, что им обещали.

В 1905 г. бывшие посессионные крестьяне-алапаевцы вспомнили об этом обмане, и на сходе 18 апреля был сконструирован земельный комитет, который заново должен был пересмотреть запутанный аграрный вопрос в Алапаевском посессионном округе и разрешить его справедливым образом. В состав комитета вошли и крестьяне-земледельцы и рабочие. Это второй известный нам из истории Урала (и не только Урала!) случай революционной смычки рабочего и крестьянина. Первый опыт этой смычки происходил в эпоху пугачевского движения.

И здесь опять-таки приходится вспомнить Ленина, еще в 1901—02 году поставившего во главу угла своей аграрной программы создание революционных крестьянских комитетов (в противовес дворянским) «б) для устранения остатков крепостного права, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства» [72].

Аграрный вопрос был разрешен комитетом, и земский начальник не отваживался протестовать против этого решения. Открыто и свободно, со знаменем в руках отпраздновали алапаевцы первомайский праздник трудящихся. Праздник прошел мирно, хотя заводская администрация, опасаясь возможности каких-либо неприятностей для себя, предпочла весь этот день провести вне дома.

Особенно ненавистным был для администрации совет рабочих депутатов, который вникал во все стороны заводской жизни и контролировал каждый шаг заводского управления, в том числе и поземельные отношения. Чтобы избавиться от этой опеки, управляющий заводом (известный уже нам Грум-Гржимайло) обратился к губернатору с просьбой ввести на заводе чрезвычайную охрану. Но губернатор отказал в этой просьбе, так как завод сохранял полное спокойствие и раздражать рабочие и крестьянские массы губернские власти считали рискованным.

Тогда заводская администрация измыслила другой способ борьбы с советом рабочих депутатов: 1) сокращение производства с 1 мая, 2) провокационные слухи о поджигателях. Первый прием имел своей целью озлобить рабочих и вызвать с их стороны какие-либо насильственные акты; второй должен был подготовить почву для будущих событий. Для осуществления своего замысла заводская администрация мобилизовала все реакционные силы.

Призрак предстоящего пожара сильно взволновал население. 9 мая вспыхнул первый пожар: загорелись заводские дрова. Только-что удалось локализовать огонь, как 10 мая вспыхивает новый пожар: горит квартира одного из заводских служащих, на удалении которого во время недавней забастовки рабочие особенно настаивали. 12 мая поздно вечером загорелась квартира земского начальника. На этот раз пожар принял громадные размеры: огонь уничтожил целый квартал—почти в два десятка домов. Теперь уже забеспокоились и губернские власти, и на завод были высланы две роты солдат. Население охватила паника, так как циркулировали слухи о готовящихся новых пожа-

рах. Агенты заводской администрации разошлись во-всю и даже стали открыто называть имена мнимых поджигателей. В некоторых случаях довершали дело деньги и водка.

14 мая местный благочинный произнес в церкви погромную проповедь, в которой призывал население расправиться с поджигателями, крамольниками и безбожниками. Был созван искусственно подобранный сельский сход, оказавшийся в руках местных кулаков, который и выдал весь состав рабочих депутатов. Дорого заплатил Алапаевский совет рабочих депутатов за свое непродолжительное существование: 11 человек были привлечены к суду, как обвиняемые в поджогах, а 17—высланы в Сибирь по приговору общества, как вредные для общественного спокойствия. Все революционные достижения алапаевским рабочих или были аннулированы, или оказались сведенными к минимуму. Когда в августе рабочие заявили протест против отмены прежних обещаний, алапаевские рудники были закрыты. Пермская губернская администрация стала на сторону заводоуправления, и рабочим грозила безработица со всеми ее следствиями. Только уже в октябре, с изданием манифеста (17 октября), заводская администрация снова на время сочла необходимым считаться с требованиями рабочих. Но и это было только временною уступкой.

Конец 1905 г. (после 17 октября) и начало 1906 г. в истории крестьянского движения представляют отдельный этап. Это был период сходов, составления приговоров и пора радужных надежд на то, что собравшаяся Государственная Дума в законодательном порядке разрешит все наболевшие вопросы и удовлетворит нужды народа. В деревне установилось некоторое затишье. Это обстоятельство дало повод местной губернской администрации поднять голову и заговорить самоувереннее.

Исправляющий должность пермского губернатора Болотов 16 января 1906 г. сообщал на имя министра внутренних дел следующее: «Очистку деревень и заводов от революционных подстрекателей продолжаю неуклонно, ни пред чем не останавливаясь. По моим ходатайствам несколько священников, замеченных в революционной пропаганде, устранены архиереем от священнослужения и удалены от приходов. Несколько писарей, учителей, врачей за вредную агитацию среди крестьян арестовано. В места, где происходят бесчинства, своеволие крестьян, самовольные порубки, посылаю войска для строгого восстановления порядка, секвестровки

леса; мера эта оказывает отличное действие, крестьяне сознают свою вину, приносят повинную, сами покорно обращаются к владельцам, чтобы не привлекали их к ответственности...»[73].

Самоуверенный тон представителя пермской администрации однако мало имел для себя оснований. Взоры крестьянской массы были, как мы сказали уже, устремлены на будущую Думу, и до поры до времени эта масса приумолкла.

Действительность не оправдала надежд крестьянской массы. Как и следовало ожидать, аграрный вопрос занял в Думе первое место в ряде других: нельзя было не обратить на него самого серьезного внимания. Не только все политические партии, не исключая правых, но даже и правительство в своих программах высказывалось за расширение крестьянского землепользования. Но по вопросу о способах и размерах этого расширения партии и правительство расходились. Партия народной свободы выдвинула проект (подписанный 42 членами), состоявший в принудительном отчуждении помещичьих и вообще частновладельческих земель по справедливой оценке, т.-е. «сообразно с нормальной для данной местности доходности, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой». Но такой проект не удовлетворил ни помещиков, ни крестьян. Помещики не желали отказаться от кабальной аренды; партии левее кадетов считали, что этот проект грозит финансовым крахом и закабаливанием государства помещиками. Крестьянам идея выкупа, хотя и «справедливого», казалась все же незаконною.

Трудовики выступили со своею программою национализации земли, образования общенародного земельного фонда, в который должны были войти все земли: казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, помещичьи и вообще частновладельческие, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму. Земля, годная для сельскохозяйственной деятельности, должна отдаваться только тем, кто будет обрабатывать ее своим трудом. Таким образом, трудовики оставляли надельные земли за настоящими их владельцами, не стремясь ввести уравнительное землепользование.

Правительство выступило со своей программой обеспечения крестьян землею за счет свободных казенных земель и приобретенных частновладельческих земель при содей-

ствии Крестьянского поземельного банка. Беспощадная критика правительственных предложений со стороны большинства членов Думы, а равно и то напряженное внимание, которое было устремлено на Думу со стороны крестьянского населения, побудило правительство разогнать Думу и вырабатывать новые законы без нее, но, во избежание всяких волнений, назначить созыв 2-й Думы на начало будущего года [74].

Уже с самых первых дней работы Государственной Думы можно было убедиться, что добиться каких-либо уступок со стороны правительства будет невозможно. Почувствовали это не только в городе, но и в глухом деревенском углу. Деревня заволновалась снова. Вот о чем сообщал 5 июня 1906 г. пермский губернатор в Департамент полиции: 28 мая в Нейво-Рудянском заводе (бывшего Екатеринбургского уезда) был созван сельский сход для выбора доверенных по нарезке земли. В начале схода во двор здания волостного правления явился крестьянин Степан Иванов Коржавин (служивший раньше волостным писарем) и убедил сход послать Государственной Думе сочувственную телеграмму. Текст последней был заготовлен Коржавиным раньше и гласил следующее: «Петербург, председателю Государственной Думы Муромцеву. С глубоким чувством негодования выслушав декларацию совета министров, в которой похоронены все светлые надежды измученной родины, мы выражаем Думе полную свою солидарность в ее действиях, считая, что все выраженное в ответном адресе есть действительные и неотложные нужды нашего отечества. Мы вполне согласны с резолюцией Думы об отставке нынешнего министерства и полагаем, что оно, идущее по реакционному пути, не получив доверия и симпатии страны, уйдет в отставку. Мы просим гг. народных представителей крепко отстаивать желания изнуренного крестьянства и настойчиво добиваться «земли и воли». Помните, что на вашей стороне мучившийся столетия народ, он всегда вас поддержит и никакие препятствия для него не страшны». Проекты аналогичной телеграммы были разосланы Коржавиным и в другие соседние волости (напр., в Верхне-Нейвинскую).

В один и тот же день, т. е. 28 мая, когда в Верхне-Исетском заводе (бывшего Екатеринбургского уезда) собрался сельский сход для обсуждения общественных дел, в помещение волостного правления явился неизвестный человек, который стал убеждать крестьян выразить поддержку на-

рода членам Государственной Думы. Только прибытие станового пристава и отряда полицейских внесло некоторое успокоение; неизвестного же «агитатора» крестьяне скрыли. 29 мая происходили «преступные сходы» крестьян дер. Темряз и Урукуль (бывшего Екатеринбургского уезда), на которых выносилось решение об отнятии земли у Куят-Александровского землевладельца Чикина. При этом следует отметить, что «руководителями» и «подстрекателями» крестьянской массы являлась группа зажиточных крестьян во главе с сельским старостой дер. Темряз, Максимом Беспаловым. Сначала группа крестьян в количестве 120 человек потребовала от управляющего имением Чикина Ивана Кузина, чтобы владельческая земля не сдавалась в аренду посторонним лицам, а только им, крестьянам дер. Урукуль. Кузин не согласился на просьбу крестьян. Тогда толпа стала шуметь и угрожать самовольно запахать землю Чикина. Потребовалось вмешательство полиции, чтобы водворить порядок [75].

Обозревая известные нам случаи крестьянских волнений на Урале в 1906—1907 г., мы приходим к следующим выводам. Разгром Государственной Думы первого созыва и разочарование, постигшее крестьянские массы в благожелательном отношении к ним правительства, явное нежелание последнего разрешить аграрный вопрос в интересах крестьян отразились и на дальнейшем ходе крестьянских волнений.

Прежде всего следует отметить их количественный рост в 1906 г. в сравнении с предшествующим годом. Приговоры, к которым прибегали крестьяне раньше, теперь уже теряют свой смысл, прошения правительству не подаются в виду отчетливо осознанной бесполезности их. Крестьяне добиваются земли, леса и других угодий самостоятельно, путем разгрома помещичьих усадеб, захвата земли и самовольной порубки леса.

И когда собравшаяся 20 февраля 1907 г. вторая Государственная Дума действительно не могла ничего сделать по крестьянскому вопросу, крестьянские волнения и разгромы владельческих усадеб и были естественным выходом из создавшегося положения.

В волнениях 1906 — 907 годов можно усмотреть еще одно качество, несколько отличающее их от предшествующих. Это — элементы классовой розни между кулацким и бедняцким элементами в самой деревне. Можно назвать случаи, когда деревня разделяется на два лагеря: кулаков

(«правых») и бедняков («левых»). При этом «левые» настолько усиливаются, что кулаки начинают опасаться за свое положение. Так было, напр., в селении Прости, Мензелинского уезда, бывшей Уфимской губ. 15 декабря 1906 г. здесь кулаки учинили настоящий погром крестьянской бедноты [75]. И в других случаях крестьянских волнений мы можем проследить отход кулацкого элемента от массовых выступлений крестьян того или другого района.

Само собой понятно, что неорганизованные частичные выступления в каждом отдельном случае подавлялись жестокими мерами. Политическая пропаганда, после неудач 1905 — 906 гг., мало имела успеха в деревне. Надвинувшаяся реакция сковала деревню, давая выход недовольным элементам кулацкого типа в сектантстве. Деревенский же пролетариат получал революционную закалку на фабриках и заводах.

В заключение нашего небольшого очерка по крестьянскому движению 1905 — 906 гг. скажем несколько слов о том, какие мероприятия предпринимало правительство для водворения «порядка» в крае. Ни манифест 17 октября, возвещавший «новые основания» политической и общественной жизни страны, ни манифест 3 ноября (отмена выкупных платежей и покупка земли через Крестьянский банк), жаловавший сельскому населению «существенные облегчения» и предуказывающий путь «для разрешения земельного вопроса», не могли удовлетворить широкие крестьянские массы. Правительственная интерпретация манифеста 17 октября превращала возвещенные в нем «свободы» в издевательство. А манифест 3 ноября, вместо действительного разрешения аграрного вопроса, проектировал совершенно нереальные и малоприемлемые для рядового крестьянства меры. В этом убедилось очень скоро и само правительство

3 декабря 1905 г. управляющий министерством внутренних дел П. Дурново специальным циркуляром губернаторам считает «необходимым» рекомендовать им немедленно же приступить к организации особых губернского и уездных комитетов из лиц всех званий и сословий, приглашаемых председателями «к добровольному содействию правительству в трудном деле водворения мира и спокойствия в стране и противодействия разрушительным стремлениям революционных деятелей». Любопытны мотивировки учреждения этих комитетов. Правительство устами управляющего министерством внутренних дел вынуждено сознаться, что: 1) ма-

нифесты 17 октября и 3 ноября не внесли «успокоения» в страну; 2) революционная пропаганда среди крестьян и крестьянские волнения пресекаются исключительно силою полиции и войска; 3) войска и вооруженной стражи недостаточно для подавления революционной пропаганды, во-первых, потому, что полиция располагает только одним физическим оружием; во-вторых, опыт показал, что многие земские начальники во время недавних беспорядков оказались «не на высоте своего призвания»; 4) по имеющимся в министерстве сведениям, весною наступающего 1906 г. «крестьяне намерены приступить к повсеместному захвату не принадлежащих им земель».

Таким образом, силы полиции и войска оказывались уже недостаточными для «умиротворения крестьянского населения». Для того, чтобы «отвлечь крестьян с пагубного пути, по которому их ведет революционная пропаганда», правительство решает призвать «лучших местных деятелей», пользующихся «общественным» доверием. Эти лица должны были взять на себя «трудную» задачу путем разъяснений и толкований в личных беседах с крестьянами «направить» их к уразумению «точного» смысла манифеста 17 октября и 3 ноября. Добавим еще к этому, что правительство не особенно полагалось на представителей крестьянского волостного управления, и призванные к содействию правительству лица должны были через «ближайшее» знакомство с личным составом волостных старшин, сельских старост и волостных писарей оценить, насколько они удовлетворяют требованиям настоящего времени.

Председателем особого губернского комитета должен был быть местный губернатор, а уездных — уездные предводители дворянства. Губернатор должен был иметь во всякое время точные сведения о направлении деятельности уездных комитетов и заботиться о том, чтобы эти комитеты действительно содействовали основной своей цели — умиротворению страны. Главнейшей задачей деятельности комитетов считалось:

1) немедленное ознакомление населения всеми наиболее целесообразными способами с сущностью манифеста 17 октября и 3 ноября; 2) разъяснение крестьянам предпринятых правительством мер по улучшению крестьянского землевладения; 3) разъяснение населению всех последующих законов и распоряжений, касающихся земельного устройства крестьян.

Свою деятельность комитет должен был осуществлять разными способами, зависевшими от местных условий и средств: устными беседами, собраниями, публичными чтениями, изданием брошюр и воззваний, непосредственным воздействием на волнующихся крестьян и т. д. Комитет, в целях воздействия на население, не должен был прибегать к насилию, раздувать национальную рознь, подстрекать население к погромам и т. д. На расходы комитета правительством была ассигнована специальная денежная сумма [77].

10 февраля 1906 г. такой комитет «по содействию правительству в деле водворения спокойствия в стране» был открыт в Перми под председательством и. д. пермского губернатора А. В. Болотова. На первом собрании его присутствовало 38 человек. Среди них мы видим местного епископа Никанора, вице-губернатора, начальника управления земледелия и госуд. имуществ, председателя и прокурора пермского окружного суда, управляющего казенною палатою, благочинных городских церквей, 3 непременных членов губернского присутствия, председателей губернской и уездных земских управ, начальников губернского и железнодорожного жандармских управлений, директора народных училищ, председателей уездных съездов и некоторых других административных лиц. Хотя комитет должен был свою работу рассчитывать на крестьянские массы, однако, представителей от крестьян мы в составе комитета не видим. На этом же первом организационном собрании был заслушан проект, предложенный председателем, относительно того, как члены комитета и, в частности, комитетов уездных должны были направлять свою работу. Так как деятельность комитетов должна была сводиться к правительственной пропаганде среди крестьянского населения, то члены их обязаны были выработать у себя однообразный взгляд, «соответственно направлению, выяснившемуся за последнее время со стороны правительства по существу манифестов 17 октября и 3 ноября», и при истолковании этих манифестов они не должны были отступать от выработанного на совещаниях направления. Вообще проект инструкции рекомендует при толковании, напр., манифеста 17 октября ограничиваться краткими и доступными для понимания сельского населения разъяснениями лишь основных начал дарованных манифестом «свобод». Например: свобода совести — это свобода вероисповеданий и богослужений, но при сохранении первенствующего значения церкви православной; свобода сло-

ва — право каждого на сходках и в собраниях говорить о своих нуждах и о пользе и нуждах общества и государства; свобода образования союзов в хозяйственных видах (общества, артели) устраняет прежние формальности, стеснявшие развитие, но под этими союзами отнюдь нельзя разуметь политические группировки; неприкосновенность личности означает не что иное, как то, что без суда никто не должен подвергаться какому-либо наказанию, и т. д. Задержку в созыве Думы члены комитета должны были объяснять крестьянам тем, что в течение скорого времени невозможно заготовить избирательные списки. Кроме того, на отдаление срока открытия Думы повлияли происходившие беспорядки и забастовки. Наоборот, правительство горит желанием скорейшего открытия Думы, чтобы, при помощи народных представителей, начать устройство государственной жизни. Если крестьяне станут высказывать сомнение относительно самой системы выборов, то члены комитета должны были указывать им, что правительственная система нисколько не изменяет положения крестьян на выборах.

Относительно второго правительственного шедевра, манифеста 3 ноября 1905 г., члены комитетов должны были разъяснять, что этим манифестом царь «подарил» крестьянам сотни миллионов рублей выкупных платежей и сделал их раньше, чем это следовало бы, полными собственниками земельных наделов; что правительство изыскало для Крестьянского банка, несмотря на тяжелое финансовое положение государства, средства для покупки земель и для перепродажи их крестьянам; во-вторых, правительство озабочено улучшить условия крестьянского переселения; в-третьих, на весьма сходных началах допускается аренда малоземельными крестьянами казенных участков. Губернатор, как хозяин губернии, по предложению министра финансов (от 3 декабря 1905 г. № 16043), должен был воздействовать на помещиков, чтобы они воздерживались от назначения «преувеличенных» цен за продаваемые земли в целях обеспечения землею малоземельных крестьян и внесения «успокоения» в крестьянскую среду.

Указав на то, что комитеты должны пользоваться для достижения своей цели всеми доступными способами: устными беседами, собраниями, сходами, публичными чтениями, изданием брошюр и воззваний, проект инструкции озабочен в установке однообразности в деятельности членов

комитета и в устранении субъективности. Для этого члены комитета не имеют права действовать самостоятельно, руководствуясь лишь своими личными взглядами, ибо «различие мнений и взглядов может способствовать не к умиротворению населения, а к его еще большему возбуждению». Посему издание брошюр и воззваний, программ собеседований и т. д. должно было в каждом отдельном случае санкционироваться комитетом [78].

Мы сознательно задержались на изложении некоторых основных пунктов проекта инструкции для членов пермского губернского комитета по содействию правительству в деле водворения спокойствия в стране. На общем собрании 10 февраля 1906 г. этот проект был «единогласно» принят для руководства в качестве инструкции. Эта инструкция, как и новоорганизованные комитеты, представляет весьма характерное явление, весьма красочно рисующее настроение правительства, прижатого к стене накануне 17 октября и несколько очнувшегося от испуга в последующее время. Однако наперед можно было сказать, что на долю комитетов правительство возлагало тяжелую, ответственную, но почти совершенно не выполнимую задачу. Составленные в подавляющей массе из тогдашней высшей губернской бюрократии, комитеты превратились в чисто бюрократическую организацию. Заметных следов их работы мы не наблюдаем...

С сентября 1906 г. на Урале стали организовываться землеустроительные комиссии. В Перми заведующим землеустройством на Урале М. Струве было созвано совещание заводовладельцев, на которое были приглашены и представители от крестьян (кстати сказать, по настоянию самих крестьян). Недовольство крестьян вызвало стремление бывших посессионеров выкупить от казны посессионные владения по баснословно низкой цене — 20 коп. за десятину. Это обстоятельство заставило крестьян насторожиться и через своих избранных представителей внимательно следить за ходом занятий землеустроительных комиссий. В трех волостях Тагильского завода крестьянами были избраны особые комиссии в количестве 40 человек, которые должны были заниматься исключительно аграрным вопросом. Такие же комиссии, по образцу тагильских, были в скором же времени организованы и на других заводах. Для объединения их работы было сконструировано центральное бюро из 5 представителей комиссии от каждой волости.

В декабре 1906 г. крестьяне узнали, что посессионеры

заводовладельцы готовы выкупать посессионные угодья уже по 58 — 63 коп. за десятину, но с рассрочкой выплаты на 30 лет, т. е. ежегодно уплачивая по 2 коп. за десятину. Такая вакханалия заводовладельцев-посессионеров вызвала страшное возмущение в крестьянских массах, и центральное бюро специальною телеграммой на имя министра внутренних дел просило задержать ликвидацию посессионного права. В ответ на эту телеграмму министр распорядился арестовать крестьянский «комитет». Выполнить это распоряжение оказалось весьма затруднительным, так как пришлось бы арестовать по 40 человек от каждой волости. Это могло бы произвести сильное волнение в крестьянской массе. Губернская администрация прибегла к своеобразному решению вопроса. Было постановлено «упразднить» прежние комиссии, а вместо них образовать в волостях «контрольные комиссии по волостному хозяйству». Таким образом, и крестьяне не имели повода волноваться, так как фактически оставались прежние комиссии, и бюрократическое правосудие было удовлетворено.

Одним лишь протестом против недопустимых посягательств на заводскую землю посессионеров бывшие посессионные крестьяне целого ряда заводских волостей не ограничились; они выработали свой проект обеспечения их землей и разослали по разным посессионным округам для присоединения к нему. Инициативу взяли на себя представители нижне-тагильского района. Протоколы заседаний н.-тагильской комиссии представляют большой интерес для выяснения положения бывших посессионных в этом районе. Из этих протоколов мы узнаем, что только ⅕ часть наличных душ в обществе имеет земельные угодья; при этом почти половина этой ⅕ имеет неполный надел. В виду возрастающего количества населения и упадка производительности на заводах и рудниках в районе создается перепроизводство рабочей силы и снижение заработка. Посему становится на очередь вопрос о наделении крестьян землею: для малоземельных должен быть произведен дополнительный надел, а для безземельных полный надел по числу наличных душ. Соответствующему перераспределению должны быть подвергнуты выгоны и лесные угодья.

Некоторые общества (напр., Входо-Иерусалимское) Нижне-Тагильской волости устанавливают точно и норму земельного надела. Именно, сверх наличных пахотных и сенокосных угодий, находящихся в подворном пользовании

отдельных членов общества, сверх выгона и присельного выпуска, «в земельный надел населения... поступает из заводских земель по 8 десятин на каждую наличную к 1 января 1907 г. мужскую душу лиц малоземельных и безземельных; при чем земля эта поступает в общее распоряжение всего общества по подсчету отдельных душ и количества земли подворного владения»... «Остальная вне надела населения земля посессионной дачи остается общим государственным земельным фондом для обеспечения землей будущих поколений и отчуждению частным лицам не подлежит»...

Следует отметить, что руководство организацией комиссий по волостям и вынесение соответствующих протоколов взяли на себя социал-демократы; эсеры же рекомендовали крестьянам бойкотировать землеустроительные комиссии. Поэтому там, где эсеровские организации были сильны (напр., в Нижне-Салдинском заводе), широкого массового движения не было.

Нижне-тагильские представители, рассылая упомянутые выше протоколы по другим посессионным заводам, приглашали в случае согласия присоединиться к ним, прислать в Н.-Тагил на общее собрание своих представителей. К нижне-тагильцам присоединился целый ряд других волостей и обществ. Так как движение среди посессионных крестьян быстро разрасталось, заводовладельцы поспешили пойти на некоторые уступки в сравнении с законом 1893 г. и постарались привлечь на свою сторону сравнительно обеспеченные слои крестьянства, также неблагонадежно настроенные социал-демократической пропагандой. Где социал-демократы не успели развить своей работы, заводовладельцы смогли достигнуть некоторого соглашения с крестьянскими массами, опираясь главным образом на кулацкие слои.

Почувствовав под собой некоторую почву, заводовладельцы летом 1907 г. обратились к правительству с ходатайством о размещении в некоторых районах Урала войска. Ходатайство было удовлетворено. Кроме того, заводовладельцы предлагали за выкупаемую ими землю платить в казну до 1 — 4 руб. за десятину (крестьяне некогда, 46 лет тому назад, должны были платить от 30 до 40 руб. за десятину).

Подавляющая масса посессионных крестьян отказывалась принимать новое поземельное устройство от землеустроительной комиссии. Сначала надежды возлагались на

Государственную Думу, потом же, когда последняя не оправдала возлагавшихся на нее упований, начались, как мы уже упоминали в свое время, волнения, погромы и поджоги... «Успокоение» водворялось арестами и военной силой [79].

По сведениям, которые были доставлены в Вольное экономическое общество под свежим, так сказать, впечатлением от событий, взгляд уральских крестьян на землеустроительную комиссию был безотрадным. В ней, т. е. в комиссии, говорили они, «кроме фальши, ничего не может и быть. В комиссию выбирали только дворян, а дворяне, известно, на свою руку охулки не положат» [80]. У крестьянина оставался единственный санкционированный уже годами способ добиваться улучшения своей горькой доли — бунт. Недаром министр внутренних дел П. Столыпин в своем циркуляре губернаторам, командующему отдельным корпусом жандармов и генерал-губернаторам писал от 17 мая 1907 г., что крестьянское движение, как преступное проявление революционного, «обще-уголовного и аграрного свойства», в различных местностях империи приобрело упорный, длительный характер. При этом существующие в некоторых местностях подпольные кружки и отдельные агитаторы, оставаясь неуловимыми, поддерживают смуту, которая обыкновенно вызывает волнения в ближайших селениях и уездах. Для водворения всеобщего «порядка» министр просит губернаторов: 1) всемерно разыскивать названных агитаторов в уездах и районах, находящихся в «опасном состоянии»; 2) возможно быстрее применять судебные репрессии и высшие меры пресечения по делам, возникающим в данных местностях; 3) усилить полицейский надзор над наиболее беспокойными уездами, назначая туда в помощь исправнику особых чиновников на правах исправников и становых приставов, увеличивая число полицейской стражи из «спокойных» пунктов губернии и т. д. [81]. Не говорит министр только о самом главном, — о том, что острая нужда крестьянская вызвала это «движение».

Пока оставалось налицо крестьянское малоземелье, пока крестьянин погибал в тисках кабальной зависимости, никакие полицейские репрессии не были в состоянии «успокоить» волнующееся народное море.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По истории крестьян на Урале в эпоху, предшествующую закрепощению, можно находить сведения у А. А. Дмитриева, в его «Пермской Старине», особенно вып. II—VIII; большую ценность представляет работа В. Н. Трапезникова «Приуральский край в эпоху закрепощения». По частям она печаталась в «Известиях Архангельского общества по изучению русского Севера» в 1911—13 гг., а затем издана была отдельной брошюрой. Служить пособием при изучении хозяйства и социальных отношений на Урале рассчитана работа проф. А. А. Савича «Прошлое Урала» (Пермь, 1925 г.). Не лишенною значения представляется и брошюра А. П. Пьянкова «Уральская деревня в эпоху торгового капитала», хотя автор хронологически ограничил круг своего исследования. Отдельные источники, касающиеся истории уральских крестьян, рассеянные в разнообразных печатных изданиях, систематизированы В. Шишонко в его «Пермской Летописи», доведенной от 1263 до 1715 года.

2. О первоначальной истории горнозаводской промышленности на Урале и приписке к уральским заводам крестьян можно читать у Р. Попова «Горнозаводский Урал» («Отеч. Записки» 1874 г., есть и отд.); о приписных крестьянах обстоятельно трактует В. И. Семевский в специальной своей монографии «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. II, стр. 295—561; его же Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. (журнал «Русская Мысль» 1900 г., январь); А. А. Савич. Прошлое Урала, стр. 61—71.

3. О посессионных крестьянах подробнее можно читать: у Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. II; у Сигова «Народ и посессионные владения на Урале» («Русское Богатство» 1899 г.); у Удинцева «Посессионное право» (Киев, 1896 г.); у Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем».

4. О волнениях горнозаводских крестьян во второй половине XVIII в. подробно рассказывает Семевский (цит. соч., тт. I и II).

5. Крестьянские депутатские наказы в комиссию 1767 г. изданы в «Сборнике Русского Историч. Общества», т. 115.

6. Подробнее о дубинщине см. у Леон. Каптерева: «Дубинщина. Очерк из истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в.». (Екатеринбург, Уралкнига, 1924 г.).

7. При изложении истории пугачевщины на Урале мы пользовались источником значительной ценности—«секретною перепискою» по поводу пугачевского восстания разных правительственных учреждений на Урале. Источник этот под № 218 заимствован был в свое время нами из архивного фонда бывшей Пермской ученой архивной комиссии и

озаглавлен так: «Секретное дело о возмутителе государственного покоя, злодее, донском казаке Емельяне Пугачеве» 1773 г. Там же, в архивном фонде бывшей Пермской ученой архивной комиссии, мы пользовались и делом № 223 «О распространении ложных слухов об императоре Петре Федоровиче» 1786 г. Из печатных памятников, относящихся к истории пугачевщины, назовем следующие: 1) «Пугачевщина», тт. I и II, изд. Центрархива, М. 1926 г. 2) «Материалы, относящиеся к истории Кунгура за время пугачевского бунта». Кунгур, 1892. Из многочисленных работ, посвященных пугачевщине, назовем наиболее видные: 1) Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники (по неизд. источн.), тт. I—III. 2) Проф. Н. Н. Фирсов. Народные движения в России до XIX в. 3) А. Зырянов. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его («Пермский сборник», 1859 г., ч. I). 4) Д. Планер. О мерах предосторожности, которые принимаемы были пермскими заводами во время пугачевского бунта в 1774 г. («Пермский сборник», 1859 г., ч. I). 5) Н. Чупин. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. М. Башмаков и действия его во время пугачевщины («Пермские Губ. Вед.» 1869 г., №№ 52—53, 59—62). 6) «Иакинф (архимандрит)». Небольшая заметка о деятельности Иакинфа при защите Далматова монастыря от пугачевцев. 7) Плотников (прот.) Далматовский монастырь в 1773 г.—1774 г. («Чт. в Общ. ист. и древн. Росс.» 1859 г., кн. I). 8) Р. Н. Игнатьев. Г. Кунгур («Пермские Губ. Вед.» 1869 г., №№ 88—89). 9) А. Берс. Пугачевщина на Урале. Уралкнига, 1924 г. 10) А. А. Савич. Пугачевщина на Урале (журн. «Экономика», 1925 г., январь). 11) Мартынов. Пугачевское движение на заводах Прикамского края. (Сборник «Крепостная Россия», стр. 125—179). Следует отметить ряд статей, помещенных в разных журналах по поводу 150-летия со дня казни Пугачева (1775—1925 г.), напр., в февральской книжке «Красной Нови» статья Томсинского, статья Меерсона в «Вестн. Коммун. Акад.» и отдельные очерки в газетах «Правде» и в центральных «Известиях».

8. Е. П. Трифильев. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. Харьков, 1904 г., стр. 80—90;

9. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой архивной комиссии. Дело № 1299: «Дело по жалобам крестьян Куяровской и Юрмитской волости за отягощение их работами на заводе статского советника Никиты Демидова».

10. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии. Дело № 1468: «Дело о происшедшем от гр. Строганова и действ. статского советника Демидова крестьян помещикам своим неповиновении».

11. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии. Дело № 264: «О крестьянах помещика Губина». 1803 г.

12. А. Савич. Прошлое Урала, стр. 89—91; Семевский. Посессионные крестьяне в XVIII в. («Вестн. Евр.» 1879 г., октябрь, стр. 610—611); М. П. Орловский. За 200 лет. Екатеринбург, 1907 г.; Сигов. Народ и посессионные владения на Урале («Русское Богатство» 1899, кн. IV).

12-а. В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, ч. 2, стр. XXXII—XXXIII, 606—622 и нек. др.

13. Подробнее об этом см. статью А. А. Савича «Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX века». («Пермский краеведческий сборник», вып. II, стр. 61—62); Кокосов. Картофельный бунт 1842 г. («Историч. Вестник» 1913 г., № 5); Зыря-

нов. Крестьянские волнения в Зауралье в 1842—43 гг. («Русск. Стар.», 1883 г., № 9); Зырянов. Крестьянские движения в Шадринском уезде в 1843 г. («Древняя и Новая Россия» 1879 г., № 11); Зырянов. Шадринский уезд в апреле 1842 г. («Пермск. сб.», 1860 г., кн. 2, отд. IV, стр. 13—21); Колонна Валевская. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842—43 гг. («Русск. Стар.» 1879 г. №№ 11, 12).

14. Андриевская. Картофельный бунт в Вятской губ. («Историч. Вестник» 1881 г., № 7).

15. А. А. Савич. Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX в. («Пермский краеведч. сборник», вып. II, стр. 62—63).

16. Там же, стр. 58.

17. Пермский Окрархив. Архивный фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии, дело № 66.

18. Сведения по развитию горнозаводской промышленности в крепостную эпоху можно находить: 1) Н. Попов. Пермская губ. в сельскохоз. отношении; 2) Р. Попов. Горнозаводский Урал («Отеч. Записки» 1874 г., № 12); 3) Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, ч. I и II.

19. Пермский Окрархив. Архивный фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии под 1810 г.

20. Пермский Окрархив. Архивный фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии, дело под № 258. Ср. дело под № 3814.

21. Подробнее об этом см. в статье А. Пажитнова «Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году». («Архив истории труда в России», кн. VI—VII), а также в брошюре В. Быкова «Возмутители» (бунты на Ревдинском заводе в 1826 и 1841 г.), Екатеринбург, 1925 г.

22. П. Юдин. Заводской бунт на Урале в 1829 г. («Русск. Стар.» 1894 г., декабрь, стр. 214—230).

22-а. К. Пажитнов. Волнения среди фабрично-заводских рабочих («Архив истории труда в России», кн. II, стр. 134).

23. А. А. Савич. Из истории крестьянских волнений на Урале в первую половину XIX в. («Пермский краеведч. сборник, вып. II, стр. 59—60).

24. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии: «Дело о возмущении дворовых людей надворного советника Прокофьева».

25. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой архивной комиссии, дела №№ 3870 и 3889.

26. А. А. Савич. Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX в. («Пермский краеведч. сборник», вып. II, стр. 58—59).

27. Пермский Окрархив. Фонд бывшей Пермской ученой арх. комиссии, дело № 626.

27-а. К. Пажитнов. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.). («Архив истории труда в России», кв. II, стр. 136—137).

28. О тайном обществе вольности на Чермозском заводе в 1836 г. см. ст. А. Савичав «Пермск. краеведч. сборнике», вып. II, стр. 29—43.

29. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и XIX в., ч. II.

30. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем; А. Савич. Прошлое на Урале, стр. 93—94.

31. Там же, стр. 96—97.

32. О подготовке крестьянской реформы на Урале см. в Пермском Окрархиве (фонд бывшей Пермской ученой арх. ком.) дело № 1032 («Об улучшении быта помещичьих крестьян»); П. И. Лященко. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, СПБ, 1913 г., стр. 399—471; Сигов. Народ и посессионные владения на Урале («Русское Богатство» 1899 г., кн. III—IV); статья М. Д.—С. «О поземельном устройстве горнозаводских крестьян» («Русская Мысль» 1900 г., кн. VII); Баскин. К вопросу о поземельном устройстве горнозаводского населения («Народное Хозяйство» 1901, т. VIII); Е. И. Красноперов. 25-летие Пермского края со времени отмены крепостного права. Пермь, 1887; В. Г—ль. Поземельная собственность в Пермской губ. Пермь, 1886 г.; И. П. Кречетович Крестьянская реформа в Оренбургском крае, т. I, Москва, 1911 г.; Д. Егоров. О реформе 1861 года и современном положении горнозаводского населения Урала (журн. «Просвещение» 1912 г.); весьма полезны статистико-географические очерки Пермской и Оренбургской губ. Н. Огановского в словаре Гранат.

33. И. Игнатович. Встреча на местах (сборник «Великая реформа», т. V, стр. 178).

34. Пермский Окрархив. Архивный фонд бывшей канцелярии губернатора. Дело 1861—63 г. № 112. Об этом деле см. статью К. С Маханька «Из истории проведения реформы 1861 г. на Урале» («Пермский краеведч. сборник», вып. IV, стр. 179—187); ср. статью М. Нечкиной «Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г.». («История пролетариата СССР», т. I, изд. Комм. Акад., 1930 г., стр. 97 и др.).

35. Там же.

36. Середонин. Исторический обзор деятельности комитета министров, т. III, ч. I, стр. 346—348.

37. Бородаевская. Эпизод из истории крестьянских волнений в Пермской губ. в 1862 г. («Историч. Вестник» 1884 г., № 6).

38. «День» 1862 г., № 37.

38-а. М. Нечкина. Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. («История пролетариата СССР», т. I, 1930, стр. 98—104).

39. Попов. Горнозаводский Урал («Отеч. Записки» 1874 г., кн. № 12); А. Савич. Прошлое Урала, стр. 96—98.

40. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. СПБ, 1896 г

41. А. Савич. Прошлое Урала, стр. 96—98.

42. Полное Собрание Законов.

43. В. Ильин (Ленин). Развитие капитализма в России, СПБ, 1899, стр. 386—389.

44. Большую часть казенных земель, именно свыше миллиона десятин (8,3 млн.), составляли леса, расположенные в северной части бывшей Пермской губ. (Семенов. Лесное хозяйство Урала, Уралкнига, 1925 г., стр. 84 и сл.). Таким образом, возделываемой казенной земли остается 3,1 млн. десятин.

45. А. Савич. Прошлое Урала, стр. 99—101; «Статистика землевладения в 1905 г.», вып. 40, СПБ, 1906.

46. А. С. Пругавин. Религиозные отщепенцы. Вып. 2-й, СПБ, 1904, стр. 23—29.

47. О немоляках на Урале упоминает в своей интересной статье И. Вруцевич («Раскол в Пермской губ.». «Отеч. Записки» 1883 г. № 6).

48. А. С. Пругавин, цит. соч., стр. 53—60.

49 Там же, стр. 85 и 88.

50. Е. В. Молоствова. Иеговисты. Жизнь и сочинения капитана Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. СПБ. 1914 («Записки Русск. геогр. общества по отделу этнографии», т. XXXVIII).

51. Пермский Истпарт.

52. Там же.

53. 1905 год. Материалы и документы под общей редакцией М. Н. Покровского. Аграрное движение в 1905—1907 г., стр. 644—651.

54. «Революционная Россия» 1902 г., июнь, № 7; ср. «Искра» 1902 г., № 27.

55. «Право» 1902 г., № 14, стр. 740—743.

56. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, стр. 376.

57. Там же, стр. 381—382.

58. «Право» 1906, № 3, стр. 223—224.

59. Пермский Истпарт. Дело 1908 г. № 18.

60. Пермский Истпарт.

61. Там же.

62. Там же.

63. Там же.

64. Там же

65. Там же.

66. Там же.

67. «Аграрное движение в России в 1905—1906 г.», ч. I («Труды Вольного экономического общества» 1908 г., № 3).

68. 1905 год. Материалы и документы, т. I, стр. 46 и сл.

69. «Право», 1906 г., № 3, стр. 223—224.

70. 1905 год. Материалы и документы, стр. 631 и сл.

71. 1905 год. Материалы и документы, стр. 643 и сл.

72. Ленин. Сочинения, т. IX, стр. 287.

73. 1905 год. Материалы и документы, стр. 48 и сл.

74. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. II, стр. 289 и сл.

75. 1905 год. Материалы и документы, стр. 49 и сл

76. «Аграрное движение в России в 1905—1906 г.», ч. 1 («Труды Вольн. экон. общества.» 1908 г., № 3)

77. Пермский Истпарт.

78. Журнал заседания комитета от 10 февраля 1906 г. в делах Пермского Истпарта.

79. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. II, стр. 399—413.

80. Аграрное движение в России в 1905—1906 г., ч. I («Труды Вольн. эконом. общ.» 1908 г., № 3).

81. Пермский Истпарт.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

(в.—волость; г.—город; губ.—губерния; д.—деревня; з.—завод; о.—округ; р.—река; с.—село; сл.—слобода; у.—уезд).

Авзяно-Петровский з.—16, 18, 20, 27, 41, 49.
Азят-Уфимский з.—20—21.
Алапаевский з.—12, 13—14, 22, 34, 36, 88, 104, 123, 127, 148—149.
Алапаевская стачка—148.
Алапаевский посессионный горный о.—104, 151.
Алапаевский совет рабочих депутатов—150—152.
Алапаиха—150.
Алтыновская в.—112.
Алтай—152.
Аннинский железоделательный з.—16, 21, 113.
Арамашевская сл.—12.
Арзамасцевская в.—108.
Арская дорога—27.
Архангельское с.—93.
Аятская сл.—12, 22.

Баранчинский з.—115.
Барда д.—32.
Батуринское с.—56.
Батурлинская в.—57.
Башкирия—31.
Белоруссия—74, 102.
Белоярская в.—57.
Беляевская в.—138.
Берда с.—41.
Березовский з.—58, 59, 99.
Бизярский з.—109.
Бийск г.—110.
Бирский у.—95.
Бисерский з.—126.
Бисертский з.—32.
Борневская сл.—20.
Бобруйск г.—55.
Богословский з.—14, 98, 127.
Борневская в.—47.
Борневская сл.—20.
Борневские крестьяне—21.
Бродо-Калматская в.—57.
Бубинское с.—131.
Бымовский з.—25, 109.
Быстрая д.—121, 137.

Васильевское с.—76.
Верхне-Ивенское с.—93.
Верхне-Исетский о.—104.
Верхне-Исетские заводы—22, 61, 67, 88, 155.
Верхне-Сергинский з.—113.
Верхне-Мулинская в.— 144.
Верхне-Тагильская в.—113.
Верхне-Тагильские заводы—24.
Верхние Мулы—70.
Верхотурские заводы—12.
Верхотурский монастырь—29, 40.
Верхотурское ведомство—22.
Верхотурский у.—14, 102, 105, 114.
Верхотурье—34, 37, 39.
Верх-Теченская в.—57.
Верх-Юсвинское с.—93.
Висимский з.—13.
Вознесенский з.—18, 20, 23.
Волга р.—37, 38, 122.
Воткинский з.—22, 37.
Восток Ближний—85.
Всеволодо-Благодатские золотые промысла—69.
Входо-Иерусалимское сельское общество—162.
Вятская губ.—18, 55, 108, 110—111, 124.

Галановская в.—108.
Глубкова д.—121.
Гороблагодатские заводы—13, 22, 61.

Далматов—34.
Далматовская ул. (в Перми)—126.
Далматовский монастырь—18, 28, 34 57, 166.
Данилиха, район Перми—126.
Денисовка д.—140.
Дмитровский у.—44.
Добрянский з.—122, 126.

Дон р.—74.
Дубровская в.—121, 138.

Егва с.—93.
Екатеринбург (Свердловск) г.—32, 34—35, 49, 59, 123, 126.
Екатеринбургская дорога—34.
Екатеринбургский у.—22, 90, 102, 114.
Екатеринбургский з.—13, 59.
Екатеринбургское ведомство—22.
Екатерининская в.—147.

Зауралье— 24, 35.
Зюкайское с.—44, 46.
Зюрейская дорога—25.

Иваново-Висимское сельское общество—140.
Ивановское с.—94.
Ижевский з.—22, 37.
Ильинская в.—123.
Ильинский Острожек—15.
Ильинское с.—76.
Ирбит г.—94.
Ирбитская сл.—39.
Ирбитский з.—51.
Ирбитский у.—56, 90, 102.
Исетский з.—13.
Исетский край—34.
Исеть р.—110.

Кажимский горный о.—104.
Кажимские заводы—88.
Казаева д.—144.
Казань—35, 37, 41.
Казанская губ.—16, 18, 30, 32.
Казанский у.—20.
Кама р.—122.
Каменский з.—13, 34.
Камские заводы—23.
Камышлов г.—20.
Камышловский у.—22.
Каслинский з.—20—21, 35.
Катавские заводы—67—69, 97—98.
Каянова д.—32.
Киевская губ.—83.
Козьмодемьянская в.—144.
Колобет д.—143.
Колосовская в.—144.
Котельнический у.—111.
Краснопольская сл.—12.
Красноуфимск г.—35, 125.
Красноуфимская воеводская канцелярия—31.
Красноуфимский у.—58, 90, 102, 108, 112, 113, 128.
Краснояр д.—65.
Красный Холм с.—146.
Крестовка с.—57.
Красновоздвиженские золотые промысла—70, 71.
Крыловская в.—130, 141—142, 145.
Крылово с.—144.
Крымская война—85.
Кудымкор с.—93.
Кувинская в.—144.
Куликово с.—143.
Кунарская вотчина—39, 40.
Кунарский з.—36.
Кунгур г.—33, 37, 41, 124—125, 166.
Кундравинская сл.—34.
Кунгурский у.—12, 22, 25, 33, 58, 90. 114, 126, 144.
Курашимский з.—24.
Курганский у.—110.
Куровская в.—47.
Кушвинский з.—112.
Куят-Александровское с.—156.
Куяш с.—73.
Кызвенское с.—45—46.
Кыштымский з.—20—21, 35, 61—62.

Лугово-Запрудское сельское общество—140.
Лысьвенский з.—93, 96, 127.

Магнитная гора—12.
Мазунинская в.—108.
Майкорское с.—45.
Макаряты д.—46.
Маракулинская в.—111.
Марково с.—142.
Масленский острог—20, 21.
Масленские крестьяне—21.
Медянская в.—54.
Михайловский з.—112, 113.
Миньский з.—67.
Москва г.—15, 37—39.
Московская область—102.
Мостовинская в.—108.
Мотовилиха —71, 125, 140.
Мотовилихинский з.—13, 25—26, 126.
Мурзинская сл.—12.

Невьянская судная изба—14.
Невьянская сл.—12, 22.
Невьянские заводы—14, 24, 36, 88. 112, 114.

Невьянские крестьяне (приписные)—16.
Невьянский горный о.—104.
Нейва р.—12.
Нейво-Рудянский з.—155.
Нердвинское с.—93.
Нерчинск г.—61.
Нижне-Исетский з.—59—61.
Нижне-Мулинская в.—93, 120, 137.
Нижне-Салдинские заводы—112, 163.
Нижне-Сергинский з.—113.
Нижне-Тагильская в.—47.
Нижне-Тагильские заводы—22, 24, 60, 74—75, 88.
Нижне-Тагильский горный о.—104.
Нижний Тагил—163.
Николаевка с.—147.
Новая Слободка, район в г. Перми—125.
Ногайская дорога—31.
Нязе-Петровский з.—35.

Омск—35.
Омутницкий з.—88.
Омутницкий горный о.—104.
Ординская в.—54.
Ордынское с.—35.
Оренбург г.—21, 30, 35—36, 40, 92.
Оренбургская губ.—13, 16, 86, 122.
Оренбургские казаки—92.
Орловская губ.—146.
Оса г.—32—33, 37.
Осинская дорога—31.
Осинский у.—46, 54, 90, 102.
Отевское с.—93.
Оханский у.—90, 93, 102, 119, 126.
Очер—131.
Очерский з.—33, 59.
Очерская группа РСДРП—130—131.

Павловский Строгановский з.—59.
Парижский мир—85.
Пенза г.—37.
Пеньки д.—143.
Пермь г.—46, 55, 58—59, 63, 69—71, 73, 122—126, 142, 159, 161.
Пермская губ.—54, 86, 88, 90, 93, 102, 105—106, 110, 124, 143.
Пермский у.—105, 126, 144.
Пермская администрация—31, 75, 92.
Пермская провинциальная канцелярия—30.
Пермское горное начальство—32.
Петербург—22, 37, 66, 93, 133.
Петровск г.—37.
Петропавловский з.—14, 22.
Петропавловское с.—56.
Поволжье—27.
Покровское с.—12, 34.
Полевской з.—13.
Полозово с.—56.
Поморье—74.
Притыкинская в.—141.
Путино с.—138.
Путинская в.—138.
Пыскорский з.—13.
Пышминский з.—36, 59.
Пышминская вотчина—39, 40.

Ревдинский з.—22, 63—66, 88, 112, 167.
Ревдинский горный о.—104.
Рождественский з.—41.
Рождественское с.—45.
Рудянский з.—112, 114.
Рябки с.—109.

Сальников з.—37.
Сарапульский у.—108, 109.
Саратов—37, 127.
Северные прииски—74.
Северский з.—13.
Семакино с.—147.
Сергинский з.—25—26, 35.
Сергинская в.—93, 113.
Серычевская д.—45.
Сибирская губ.—18.
Сибирская дорога—31.
Сибирь—40, 64, 67.
Сивинская в. и село—45, 131.
Сивинское с.—131.
Симский з.—78.
Синячихинский з.—13.
Слудское с.—76.
Соликамск г.—37.
Соликамский у.—22—24, 90, 102, 105, 144.
Соловецкий монастырь—115.
Сормово—127.
Сосновские волости б. Оханского у.—58
Сочневская в.—111.
Спасское с. Оренбургской губ.—146.
Спешковская в.—119—120, 133—139.
Старо-Путинская в.—139.
Степановская в.—54.
Суксунский з.—25, 32—33.
Сылва р.—35.

Сылвинский з.—13, 25—26.
Сысертский з.—13, 88.
Сысертский горный о.—104.

Тагильские заводы—115, 161.
Тагил—12, 14.
Темряз д.—156.
Тобол р.—110.
Тобольск г.—37.
Тобольская губ.— 110.
Томская губ.—110.
Толстиха д.—121, 137.
Троицкий у.—122, 147.
Тулва—32, 35.
Туринский з.—22.
Туринское ведомство—22.
Турция—37.

Узень—37.
Уицкая сл.—20.
Уксянская в.—57.
Уксянское с.—35, 56.
Урал—11, 13—14, 18, 22, 28—29, 32, 35, 37, 39, 42—44, 53, 73—74, 83, 85—86, 92, 95—96, 100—102, 104, 115, 122—123, 127—129, 132, 144, 151, 161, 165—168.
Уральский край—25.
Урал Средний—105.
Урал Южный—105.
Урминские леса—113.
Урукуль д.—156.
Усть-Катавские з.—67.
Усть-Сысольский у.—69—70.
Уткинский з.—13, 35.
Уфа—31, 35—36, 126.
Уфалейский з.—48.
Уфимская провинциальная канцелярия—30.
Уфимская губ.—86.
Уфимская тюрьма—69.

Филатовское с.—75—76.

Хохуницкий з.—88.
Ходуницкий горный о.—104.

Царицын г.—37.

Чебаркул—34.
Челябинск—34—35, 41.
Челябинский у.—147.
Челябинский острог—57.
Чердынь—72.
Чердынский у.—14, 22—24, 90, 102, 105.
Чермозский з. Лазаревых—60, 81.
Черниговская губ.—142, 146.
Черноисточинская в.—114.
Черноисточинский з.—75.
Чубаровская слободка—20.
Чусовая р.—14, 35.
Чусовская в.—143.
Чусовской з.—126.

Шадринск г.—20, 34.
Шадринский у.—56, 90, 102, 108, 110.
Шадринская тюрьма—21.
Шайтанский з.—65, 88.
Шайтанский горный о.—104.
Шермяитский з.—32.
Шермяитская заводская контора—32.
Шогринская сл.—34.
Шульдиха д.—121, 137.
Шуралинский з.—114.

Юг (Донецкий бассейн)—128.
Юговo-Запрудское сельское общество—140.
Юго-Кнауфский з.—109.
Юговские заводы—13, 24—26, 32—33.
Юрмитская в.—47, 166.
Юрюзанский з.—167.
Юсьвинская в.—144.

Ягошихинский з.—13, 25—26.
Яик р.—35.
Яицкий городок—37.
Яковлевские з.—74.
Ямская (Большая) улица в Перми—126.
Япония—144.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абаимов, приказчик Юрюзанского завода—77—78.
Абрамов, оренбургский помещик—147.
Александр I, император—50, 61—62.
Александр II, император—78, 86, 124.
Андриевская, цитируемый автор—167.
Анисимов, екатеринбургский уездный судья—74.
Арефьев Н. В., революц. деятель—124.

Багратион П. Р., флигель-адъютант—93.
Баскин, цитируемый автор—168.
Башмаков М. М., член екатеринбургской горной канцелярии—32—33, 166.
Белобородов, пугачевский полковник—35.
Белов В. Д., цитируемый автор—101, 168.
Белосельская-Белозерская, графиня, заводовладелица—67.
Берс А., цитируемый автор—166.
Беспалов Максим, сельский староста—156.
Бибиков А. И.—24, 39.
Бибиков, шихтмейстер—37.
Болотов А. В., испр. должн. пермского губернатора—153, 158.
Борзов, верхотурский комиссар—38.
Бородаевская, цит. автор—168.
Бражкин, волостной писарь—143.
Бутеро-Родали, княгиня, помещица—70—71, 93.
Буткевич, капитан—34.
Буторин, врач—143.
Быков В., цит. автор—167.

Веревкин, воевода—34.
Витте С. Ю., председатель совета министров—121, 133.
Владимирский В. А., революц. деятель—125—127.
Волков Семен, пугачевец, «атаман» Рождественского завода—41.
Вологдин Б. А., революц. деятель—126.
Воронцов М. И., граф, заводовладелец—13, 22.
Воронцов Р. И., граф, заводовладелец—13, 22.
Воскресенский, революц. деятель—125.
Всеволожские, вотчинники-заводовладельцы—18, 44, 45, 47, 69, 70.
Вяземский, князь—23—24, 27.

Гагрин, майор—35.
Гаферланд, подполковник, управляющий—68.
Глазунов, служилый человек—39.
Голдобин, кунгурский сапожник—125.
Голицын, князь—35—36.
Голицыны, вотчинники—18, 120, 145.
Горбунов, письмоводитель—65.
Граудзин Ф., служащий губ. земства—125.
Григорьев Павел, крестьянин—67—68.
Гринь, учитель—143.
Грум-Гржимайло, горный инженер—150—152.
Грязнов, пугачевский атаман—35.
Губин, заводовладелец—48—49, 166.

Давыдов А. В.—125.
Деколонг, генерал—35.
Демидов Н.—ст. сов.—12, 166.
Демидов А. Н.—15.
Демидов Е.—16, 18—19, 41.
Демидовы—21—22, 24, 27, 47, 60—61, 63.
Демидовские приказчики—20.
Дементьев, земский начальник—123.

Денищ, ссыльный — 124.
Дмитриев А. А., цит. автор — 165.
Добролюбов Н. А., критик — 124.
Долгоруков, министр юстиции — 63.
Долматов Д. Н., сельский староста — 143.
Дружинин, земский начальник — 144 — 145.
Дрягин Е., углепоставщик — 65.
Дубровин Н., цитируемый автор — 166.
Дурново П., управляющий министерством внутр. дел. — 157.

Егоров Д., цит. автор — 168.
Екатерина II — 22, 36, 40, 44, 50.
Елизаветинское правительство — 18.

Жадовский, жандармский подполковник — 74.
Жернаков, вдохновитель дубинщины — 28.
Житкова В. П., учительница, революц. деятель — 125.

Заварницын Ф., отставной солдат — 57.
Завьялов, прапорщик — 21.
Завьялов В., пугачевский есаул Рождественского з. — 41.
Засулич В. И., — революц. деятельница — 124.
Зверев, секунд-майор — 46.
Зеленцовы, заводовладельцы — 63 — 64.
Зырянов, цит. автор — 166 — 167.

Иакинф, архимадрит — 166.
Ивашев, полковник — 22.
Игнатович И., цит. автор — 168.
Игнатьев Р. Н., цит. автор — 166.
Ильин, капитан, сектант — 115, 169.

Каппель, видный колчаковец — 129.
Каптерев Л., цит. автор — 165.
Карпов, советник — 66.
Киселев, граф — 56.
Кокосов, цитируемый автор — 166.
Кокошкин, генерал-майор — 23.
Колонна Валевская, цит. автор — 167.
Контауров П. Г., сектант, крестьянин — 113.
Коржавин С. И. — 155.
Корелин А. Ф., крестьянин — 133.
Корелин С. Е., крестьянин — 134.
Коссинский, жандармский подполковник — 70.
Костин М., приказчик — 68.
Костырко, полковник — 63.
Коуров, земский исправник — 68.
Кошкарев, крестьянин — 93.
Красноперов Е. И., цит. автор — 168.
Кречетович И. П., цит. автор — 168.
Криночкин, унтер-шихтмейстер — 65.
Кузнецов К., заводский служитель — 33.
Кузин, управляющий имениями — 156.
Кульнеев, управляющий Авзяно-Петровским заводом — 19.

Ладыжников И. П., железнодорожный фельдшер, революц. деятель — 125.
Лазаревы, вотчинники — 18, 92.
Лаптев, волостной старшина — 144.
Ларионов, прапорщик — 45 — 46.
Ленин В. И. (Ульянов), цитируемый автор — 105, 128, 168 — 169.
Лихошерстов, старшина оренбургск. казач. войска — 96.
Локтин, служащий губернского земства — 125.
Лопатин Д., полковник — 23.
Луканин, кунгурский миссионер — 114.
Лукьянов, кунгурский сапожник — 125.
Любарский, служащий горного правления — 63.
Ляшенко П. И., цит. автор — 168.

Маноцков, ссыльный — 124.
Мартынов, цитируемый автор — 166.
Маслов П., цит. автор — 169.
Матвеев, заводовладелец — 19.
Матвеев П. А., революц, деятель — 125.
Маханек К. С., цит. автор — 168.
Мейер, управляющий имениями — 70 — 71.
Меерсон, цитируемый автор — 166.
Метлин, капитан — 21.
Миллер, кунгурский воевода — 34.

Министеров, легендарное лицо — 56.
Михайловский Н. К., писатель — 124.
Михельсон — разбил Пугачева под Казанью — 37.
Модерах К. Ф., пермский губернатор — 46.
Мозель, цит. автор — 167.
Моюсуновы, крестьяне — 65.
Молоствова Е. В., цит. автор — 169.
Мондштейн Ф. И., зубной врач, революц. деят. — 125.

Назаров, оренбургский купец—147.
Невзоров Н., хорунжий — 34.
Неклепаев, ссыльный — 124.
Нечкина М., цит. автор — 168.
Никанор, епископ пермский — 159.
Николаев, горный инженер — 69 — 70.
Николай I, император — 55, 83.
Норман, верхотурский комиссар — 38.

Огановский Н., цит. автор — 168.
Оглодков, оренбургский купец — 147.
Орловский М. П., цит. автор — 166.
Осокины П. и И., землевладельцы — 22.

Павел I, император — 17, 43 — 45, 50.
Пажитнов К., цит. автор — 167.
Панин, граф — 38.
Папав, майор — 35.
Песляк А., мировой посредник — 95.
Петр III, император — 17, 20, 40, 166.
Пещанский, асессор — 74.
Пищальникова Е. А., учительница, член РСДРП — 131.
Планер Д., цит. автор — 166.
Плотников, прот., цит. автор — 166.
Покровский М. Н., цит. автор — 169.
Поморцева-Трапезникова Р. П., революц. деятель — 125 — 126.
Поморцев Е. П. — 125.
Попов, подполковник — 23.
Попов К. Я., крестьянин — 133, 139.
Попов Р., цит. автор — 165, 167—168.
Порецкий, поручик — 21.
Потапова, крестьянка — 73.
Походяшин, заводовладелец — 14, 22.
Прокофьев, надв. советник, помещик — 72.
Пругавин А. С., цит. автор, — 111, 112, 168—169.
Пугачев Е. И., — 29, 30—33, 35—40, 43, 83, 166.
Пугачевские отряды — 31—32, 36.
Пугачевщина — 29—30.
Пузырев Е. А., ссыльный студент — 125.
Пузыревский, заводской исправник — 67, 69.
Пьянков А. П., цит. автор — 165.

Расторгуев, заводовладелец — 61 — 63, 81.
Рейнсдорп И. А., оренбургский губернатор — 30.
Ромашев М., заводский служитель — 93.
Рудольф, управляющий имениями — 120 и 137.
Рычков В., крестьянин — 143.
Рябин, старообрядец — 74.

Савельева Е. В., библиотекарша в Перми — 125.
Савич А. А., проф., цитируемый автор — 165—168.
Самарин, деятель реформы 1861 года — 81—83.
Сафонов С. П., чиновник — 147—148.
Семевский В. И., цит. автор—165—167.
Семенов, цит. — 168.
Середонин, цит. автор — 168.
Сиверс, заводовладелец — 18, 20, 23.
Сиверс Э. К., граф — 98.
Сигов, цит. автор — 165 — 166, 168.
Симонов, капитан — 21.
Смирнов, полицейский урядник — 144.
Соболев, уездный судья — 74 — 75.
Соболев, кунгурский сапожник — 125.
Солнцев (перепись 1722—23 гг.) — 24.
Соловьев, революц. деятель — 124.
Сосунов, заводской служитель — 65.
Сперанский М. М., граф — 50.
Столыпин П. А., министр внутренних дел — 164.

Стрижевский, управляющий Пермской губ.—144.
Строганова С. В., графиня—58, 75. 93.
Строганова—11, 18, 87, 119—120, 123, 134—136, 166.
Струве М., заведующий землеустройством на Урале—161.
Субботин Г., крестьянин—143.
Сухозанет, заводовладелец—76, 78.

Тараканов И., заводской служитель 63—69.
Татищев В. Н., историк, управляющий горными заводами—15.
Твердышев И., заводовладелец — 40.
Ткаченко, революц. деятель—126.
Томсинский С., цит. автор — 166.
Трапезников В. Н., пом. присяжн. повер., революц. деятель, цитируемый автор—125, 126, 165.
Трепов, петербургский градоначальник—124.
Трифильев Е. П., цит. автор—166.
Трубинов, волостной старшина — 143.
Туган-Барановский М. И., цит. автор—165, 168.
Туркин М., революц. деятель—126.
Турчанинов, заводовладелец — 21, 51, 73.

Удинцев, цит. автор—165.
Уральский А., цит. автор—127.

Федорихин С., крестьянин—123.
Фелькнер, начальник уральск. зав. —78.
Фирсов Н. Н., проф., цит., автор — 166.
Фон-Брандт, казанский губернатор —30.
Фон-Визин Д И. — 39.
Фредерикс, управляющий пермской палатой госуд. имуществ.—54.
Фролов, политический ссыльный — 124.

Харлов, кунгурский сапожник—125
Хлебников, кунгурский сапожник— 125.
Хмелев, крестьянин—60—61.
Хмелинин А. Д., крестьянин—57.
Худых, С. П., крестьянин—57.

Цехановский, уфимский губернатор—146.

Чебыкин Прокофий, посадский человек—34.
Чернышев, граф—13, 14, 22.
Чернышевский Н. Г., критик—124.
Чика, пугачевский граф Чернышев —35, 41.
Чикин, екатеринбургский помещик —156.
Чичерин, сибирский губернатор — 37—38.
Чупин Н., цит. автор—166.

Шадранов А. И., крестьянин—134.
Шаманов, земский исправник — 44 —45.
Шерстенев, крестьянин—68.
Шишковская, помещица—146.
Шишов, екатеринбургский миссионер—112.
Шишонко, цит. автор,—165
Шнееров А. А., революц. деятель— 126.
Шувалов П. А., граф—13, 20, 22, 27, 127.

Эверсман М. Э., помещик—147

Юдин П., цит. автор—167.
Южаков В., революц. деятель—125.
Юшков Д. Д., служащий губ. земства—125.

Ягодниковы Ф. Н. и А. Н., революционные деятели—125—126.
Ягужинский, граф—13.
Яковлевы, заводовладельцы—61.
Янкевич, революц. деятель—126.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вместо предисловия 5

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Крестьяне и крестьянские волнения на Урале в эпоху крепостного права.

Глава первая. Крестьяне на Урале в XVII в. Приписка их к горным заводам в XVIII в. Крестьяне посессионные. Волнения среди приписных крестьян в середине XVIII в. Дубинщина. . . . 11

Глава вторая. Положение горнозаводских крестьян в 60—70 годы XVIII ст. Инородцы. Разные социальные группы, содействовавшие успеху пугачевщины. Слабость администрации. Развитие и судьба пугачевского движения на Урале. 29

Глава третья. Крестьянские волнения на Урале в последней четверти XVIII ст. и в начале XIX ст. Закон 15 марта 1807 г. Положение 1811 г. Разряды крестьян на Урале накануне реформы 1861 г. 43

Глава четвертая. Крестьянские волнения на Урале в первой половине XIX ст. 3

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Крестьяне и крестьянские волнения на Урале в пореформенный период.

Глава первая. Разложение крепостной системы на Урале в первой половине XIX ст. Кризис посессионного заводовладения. Подготовка крестьянской реформы. Принципы ее применительно к особенностям Урала. Уставные грамоты и волнения, сопровождавшие введение их в жизнь. . . . . .

Глава вторая. Положение пореформенного крестьянства на Урале. Обезземеление крестьянской массы. Отработки на уральских заводах. Малоземелье и аренда. Бывшие владельческие, удельные государственные крестьяне. Башкирское землевладение. Закон [illegible]ая

Стр.

1893 г. Землевладение на Урале в конце XIX ст. Расслоение уральской деревни. Формы хозяйства. Башкирская и татарская аренда. Сектантское движение. 100

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Крестьяне и крестьянские волнения на Урале в период революции 1905—1906 г.

Глава первая. Положение крестьян на Урале накануне революции 1905 года. Первые революционные организации на Урале. Уральский союз социалистов-революционеров и социал-демократов Пермский комитет РСДРП. Социал-демократическая пропаганда в деревне. 119

Глава вторая. Крестьянские волнения в 1905—1906 годы. Правительственные мероприятия к пресечению этих волнений. Предпосылки на Урале для дальнейших революционных движений. 133

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Указатель географических имен. 171
Указатель личных имен 175
Карта.

53 К ВОСТ. ОТ ГРИНИЧА 55 57 59 61 63

МАСШТАБ:
20 0 20 40 60 км

60

Кама

КУВИНСКОЕ
Кува
ЕГВА
ОТЕВСКОЕ
КУДЫМКОР
ПОЖЕВСКОЕ
В. ИНВЕНСКОЕ
В. ЮСВИНСКОЕ
КЫЛАСОВО
ЧЕРМОЗ
НЕРДВИНСКОЕ
КЫЗВЕНСКОЕ
Обва
СЛУДКА
ИЛЬИНСКОЕ
ФИЛАТОВСКОЕ
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
СИВИНСКОЕ
БУБИНКСОЕ
ЗЮКАЙСКОЕ
СЕРЫЧЁВСКОЕ
ВОЗНЕСЕНСКОЕ
р. Кама
МОТО
ПУТИНСКОЕ
ПЕРМЬ
ОЧЕРСКОЙ З.
ПАВЛОВ. ЗАВ.
Н. МУЛИНСКОЕ
КУРАШИМСКИЙ
БИЗЯРСКИЙ
АННИНСКИЙ
КУНГ
ОСА
КРЫЛОВО
СТЕПАНОВСКОЕ
ВОТКИНСКИЙ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЗАВ.
ШУЛЬДИХА
ШЕРМЯИТСКИЙ
БАРДА
УИНСКОЕ
р. Кама
САРАПУЛ
ОДИНА
СЫЛВА
СУКСУН
ОЕ
СТ.-УТКА
БИСЕРТ
БИСЕРТСКИЙ
ЛТЫНОВСКОЕ
ИМСК
ПАВЛОВСК
Усьва
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ
Н. ТУРА
ВЕРХОТУРЬЕ
БИСЕРСКИЙ З.
Салда
Выя
р. Чусовая
Г. БЛАГОДАТЬ
В. ТУРА
КУШВА
В. БАРАНГИНСКИЙ
р. Тагил
р. Тура
ТАВДА
ЛЫСЬВА
ТУРИНСК
СЕРЕБРЯНКА
НИЖН. ТАГИЛ
Г. ТАГИЛЬСКАЯ
НИЖН. САЛДА
В. САЛДА
ВЕРХ. СИНЯЧИХА
НЕВЬЯНСКИЙ
НЕВЬЯНСК
БЫНГОВСКИЙ
АЯТСКОЕ
ШАЙТАНКА
РЕЖ
ШОГРИНСКОЕ
В. ТАГИЛ
Оз. Аятское
ПОКРОВСКОЕ
НЕЙВИНСКИЙ
МУРЗИНСКАЯ СЛОБ.
БИЛИМБАЙ
ПЫШМА
КУМРОВСКАЯ
УИЦКАЯ
Пышма
В. ШАЙТАНКА
ПЫШМИНСКИЙ
Н. ШАЙТАНКА
БЕРЕЗОВСКИЙ
ЮРМЫЦКОЕ
ЕКАТЕРИНБУРГ
(СВЕРДЛОВСК)
НИЖН. СЕРГИ
РЕВДА
БЕЛОЯРСКОЕ
КАМЫШЛОВ
Н. ИСЕТСКИЙ
КРАСНОЯР
СЕВЕРСКИЙ
ИЛЬИНСКИЙ
Уфа
МИХАЙЛОВСКИЙ
Н. СЫСЕРТЬ
ПОЛЕВСКОЙ
В. СИСЕРТСКИЙ
р. Исеть
КАМЕНСК
ДАЛМАТОВ
ШАДРИНСК
БОРНЕВСКОЕ
В. ТЕЧЕНСКОЕ
БЕЛОЯРСКОЕ
ПОЛОЗОВО
БАТУРИНСКОЕ
ПЕТРОВСКОЕ
Теча
56
НЯЗЕПЕТРОВСК
ВЕРХН. УФАЛЕЙ
НИЖН. УФАЛЕЙ
Каслинск.
КЫШТЫМ
БРОДЫ
р. Миас
Кусинск
ЗЛАТОУСТ
САТКА
ЧЕЛЯБИНСК
МИНЬЯРСКИЙ ЗАВ.
СИМСКИЙ
УСТЬ КАТАВСКИЙ
ЮРЕЗАНЬ
р. Белая
УФА
55 59 61 63

КАРТА УРАЛЬСКОГО РАЙОНА

Цена 1 р. 75 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства политкаторжан — Москва ГСП, 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазину Издательства политкаторжан „МАЯК“ — Москва, Центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.